ДОРОГІЯ МѢСТА

СОДЕРЖАНІЕ: Колыбель Пушкина.—Въ Пушкинскомъ уголкѣ.—Пушкинъ въ Гурзуфѣ.—Въ Остафьевѣ.—Въ Пятигорскѣ.—Въ Тарханахъ.—Васильевка.—Гоголь въ Васильевкѣ.—На родинѣ Шевченка.—На могилѣ Шевченка.—На родинѣ Кольцова и Никитина.—На родинѣ И. И. Лажечникова.—Абрамцево Аксакова.—Въ Соколовѣ.—Въ Чембарѣ.—Въ Некрасовскихъ мѣстахъ.—Въ Спасскомъ.—Въ Ясной Полянѣ.—На дачѣ А. П. Чехова.—Чеховскіе уголки.

Подъ редакціей И. А. БѢЛОУСОВА

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

Изданіе третье

Исправленное и дополненное

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

Типографія Т-ва „Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ"
Моховая, у Троицкихъ воротъ, д. кн. Гагарина.
1918 г.

СОДЕРЖАНІЕ

	Стр.
Колыбель Пушкина. *А. Саладина.*	7
Въ Пушкинскомъ уголкѣ. *Е. Шведера.*	15
Пушкинъ въ Гурзуфѣ. *И. Бѣлоусова.*	35
Въ Остафьевѣ. *Его же.*	39
Въ Пятигорскѣ. *Его же.*	42
Въ Тарханахъ. *Г. Смагина.*	47
Васильевка. *А. Мошина.*	55
Гоголь въ Васильевкѣ. *И. Бѣлоусова.*	65
На родинѣ Шевченка. *Н. Степаненка.*	69
Поѣздка на могилу Шевченка. *И. Бѣлоусова.*	84
На родинѣ Кольцова и Никитина. *В. Дмитріевой.*	93
На родинѣ И. И. Лажечникова. *Б. Пильняка.*	105
Абрамцево Аксакова. *С. Мамонтова.*	108
Въ Соколовѣ. *А. Саладина.*	117
Въ Чембарѣ. *Г. Смагина.*	124
Въ Некрасовскихъ мѣстахъ. *А. Ашукина.*	128
Въ Спасскомъ Тургенева. *А. Михайловскаго.*	133
Въ Ясной Полянѣ. *И. Попова.*	143
На дачѣ А. П. Чехова. *А. Куприна.*	160
Чеховскіе уголки: а) Въ Бабкинѣ.	166
б) Въ Мелиховѣ. *Ю. Соболева*	170

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ

Въ очень трудное время приходится приступать къ третьему изданію: нѣтъ бумаги, необходимой для отчетливаго воспроизведенія снимковъ съ дорогихъ мѣстъ, трудно получить и самые снимки, да и все изданіе книги обходится очень дорого. Но, несмотря на это, мы все же рѣшаемся выпустить третье изданіе, думая, что въ переживаемое нами время появленіе книги будетъ болѣе чемъ своевременно.

Темныя массы, въ борьбѣ съ остатками крѣпостничества, не пощадили и дорогихъ мѣстъ. Живые свидѣтели жизни нашихъ великихъ писателей уничтожены. Разрушено то, чего нельзя возстановить.

Пусть останутся хотя описанія и снимки дорогихъ мѣстъ. Будемъ вѣрить, что будущее поколѣніе отнесется съ большей любовью и бережливостью къ тому, что напоминаетъ людей, любившихъ народъ и страдавшихъ за народное дѣло.

Настоящее третье изданіе „Дорогихъ мѣстъ“ является въ исправленномъ и значительно дополненномъ видѣ. Въ это изданіе вошли слѣдующіе новые очерки: „Колыбель Пушкина“—село Захарово подъ Москвой, гдѣ жилъ въ дѣтствѣ великій поэтъ и гдѣ умеръ и похороненъ его маленькій братъ, „Въ Соколовѣ“—на дачѣ Герцена близъ Москвы, „На родинѣ Лажечникова“—въ г. Коломнѣ, „Въ Тарханахъ“—имѣніи бабушки М. Ю. Лермонтова,—тамъ жилъ въ дѣтствѣ поэтъ, тамъ и похороненъ, „Въ Чембарѣ“, Пензенской губ., гдѣ провелъ дѣтство и юность В. Г. Бѣлинскій.

Всѣ эти очерки иллюстрированы. Снимки сдѣланы спеціально для настоящаго изданія и появляются въ печати впервые.

Ив. Бѣлоусовъ

КОЛЫБЕЛЬ ПУШКИНА

Въ 40 верстахъ отъ Москвы по Можайскому шоссе и въ 3 верстахъ отъ станціи „Голицыно“ Александровской жел. дор., среди красивыхъ прибрежныхъ холмовъ маленькой рѣчки Захаровки, пріютилось небольшое селеньице—Захарово.

Тихое, малолюдное, безъ трактировъ, безъ дачъ, мирно спитъ оно, никому неизвѣстное. А, между тѣмъ, вѣдь это то самое Захарово, „Колыбель Пушкина“, въ которомъ проводилъ поэтъ раннее дѣтство, о которомъ онъ вспоминалъ съ такимъ теплымъ чувствомъ въ зрѣлые годы.

Какъ извѣстно, Пушкинъ родился въ Москвѣ и прожилъ въ ней до 11 лѣтъ, когда его, въ 1811 году, отвезли въ сѣверную столицу и отдали въ лицей. Вотъ въ это-то время на лѣто и увозили будущаго великаго поэта „на дачу“ въ Захаровское имѣніе, принадлѣжавшее его бабушкѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ.

Подъ Москвою еще недавно существовали удивительно самобытные уголки. Тамъ были свои преданья, повѣрья и обряды, сохранявшіеся въ полной чистотѣ отъ глубокой старины. Даже выговоръ крестьянъ такихъ уголковъ рѣзко отличался отъ бойкой рѣчи коренныхъ москвичей. Свадебные обряды, причитанья по умершимъ, народная мудрость, выразившаяся въ безчисленныхъ поговоркахъ и присловьяхъ, разныя примѣты, старинныя народныя пѣсни—все это тамъ свято передавалось изъ рода въ родъ почти до нашихъ дней, когда, наконецъ, фабрики и дачи совершенно измѣнили обликъ подмосковныхъ деревень.

Такимъ самобытнымъ уголкомъ долгое время было и захолустное селеніе Захарово.

Въ Захаровѣ юный поэтъ впервые соприкоснулся съ русской природой и народнымъ бытомъ. Тамъ его знаменитая няня, Арина Родіонов-

на, познакомила его съ поэтическими вымыслами народнаго творчества, разсказывая мѣстныя преданья и сказки еще о временахъ Бориса Годунова, память о которомъ сохранялась здѣсь, какъ о мѣстномъ владѣльцѣ округи. Подраставшій поэтъ слышалъ тутъ хороводныя пѣсни, доносившіяся изъ-за рѣки, внималъ мелодіямъ пастушескаго рожка, мягко разливавшимся на зарѣ по долинамъ.

Впечатлѣнія юности—самыя сильныя и крѣпкія. Глубоко западаютъ онѣ въ душу и, какъ драгоцѣнный кладъ, хранятся тамъ всю жизнь. Но душа поэта не зарываетъ этотъ кладъ только для себя одного, она отшлифовываетъ, гранитъ его самородки и въ оправѣ своего вдохновенія дѣлаетъ общимъ достояніемъ.

Не въ одномъ Захаровѣ, конечно, сложилось представленіе у Пушкина о родной природѣ, есть другія, болѣе достойныя его памяти, мѣста нашего отечества: Тригорское, Михайловское, Болдино, но стоитъ только побывать въ Захаровѣ, какъ многія страницы изъ произведеній Пушкина покажутся какъ будто-бы списанными съ этого забытаго Пушкинскаго уголка, колыбели его дѣтства.

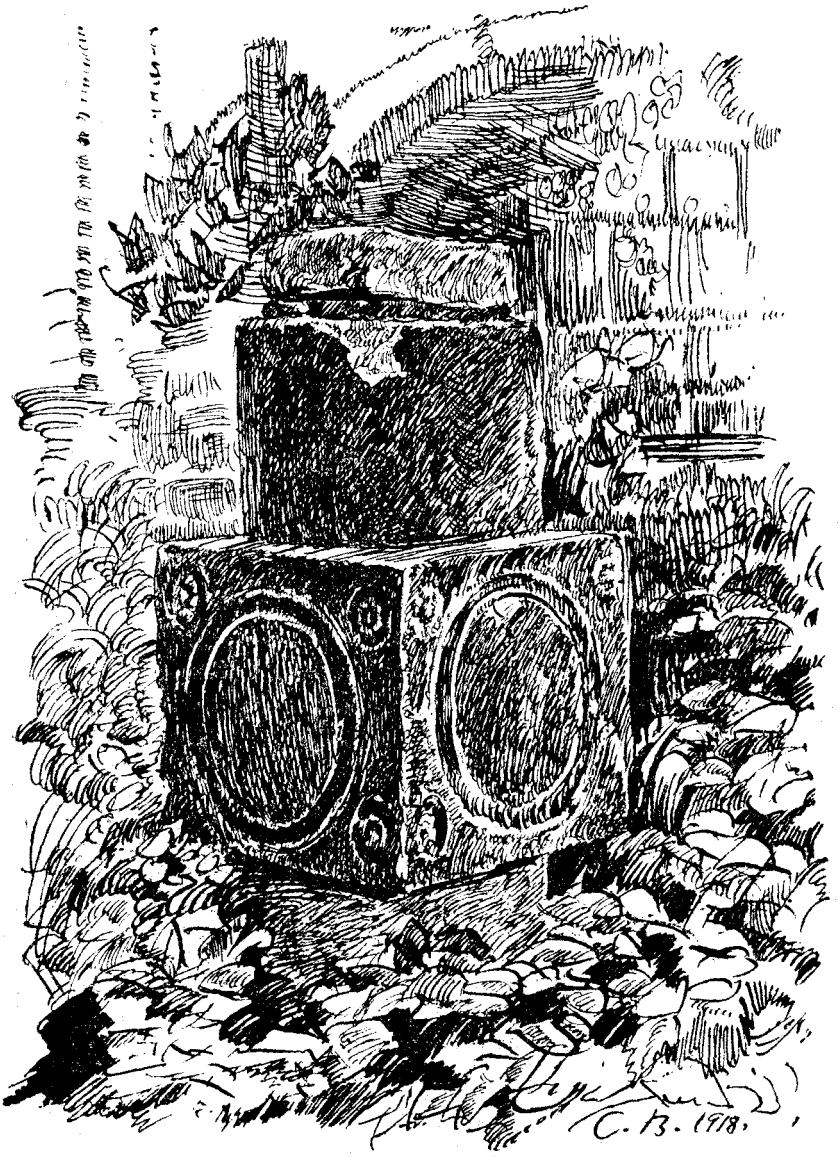
До станціи „Голицыно“ отъ Москвы только 42 версты. Разстояніе ничтожное, но намъ пришлось ѣхать въ донельзя переполненномъ поѣздѣ. Въ душномъ вагонѣ, въ которомъ не было мѣста даже стоять, гдѣ всѣ шумно говорили о тяжелой современной жизни, трудно было удержать въ мысляхъ образъ великаго поэта. И хотѣлось поскорѣе на волю, туда, гдѣ витаетъ тѣнь „мирнаго поэта“, такъ любившаго отдыхать въ деревнѣ, въ ея „пустынныхъ уголкахъ“, гдѣ онъ находилъ

Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья.

Любя деревню, Пушкинъ обращался къ ней съ смѣлыми въ прежнее время словами:

Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Медленно трогается переполненный тяжелый поѣздъ и усиливаетъ ходъ только за Ваганьковскимъ кладбищемъ, вырвавшись за городъ. Направо показывается красивая нарядная церковь въ Филяхъ, интересный образецъ церковнаго, такъ называемаго, „нарышкинскаго“ стиля. Налѣво промелькнула Кутузовская изба. Потянулись



Могила брата А. С. Пушкина

мелкіе перелѣски, то взбирающіеся на холмы, то сбѣгающіе въ лощины. Вотъ Одинцово, извѣстный дачный поселокъ. Окрестности его сплошь заняты кирпичными заводами. Куда ни погляди—всюду темныя массы сараевъ и надъ ними высокія закопченныя трубы.

Поѣздъ останавливается въ Голицынѣ, дальше онъ не пойдетъ. Позвякивая бубенцами, у станціи стоятъ троечные и парные экипажи. Это конное передвиженіе по Звенигородскому шоссе, идущему на сѣверо-западъ отъ Голицына до Звенигорода. Въ началѣ 4-й версты этого шоссе и лежитъ селеніе Захарово.

Звенигородское шоссе пересѣкается на 2-й верстѣ широкимъ Можайскимъ шоссе, у села Большія Вяземы, бывшей вотчины Бориса Годунова. При Петрѣ I Вяземы уже принадлежали князю Борису Алексѣевичу Голицыну, воспитателю Петра.

Хотя это и будетъ небольшимъ крюкомъ, но необходимо побывать въ Вяземахъ около церкви, тамъ еще цѣла могила брата Пушкина.

Не пересѣкая Можайскаго шоссе, мы свернули направо за шлагбаумъ. Избы села далеко отступили отъ дороги въ сторону, образуя широкую улицу. Вотъ небольшой мостикъ черезъ рѣчку Вяземку, съ позеленѣвшими казенными орлами на перилахъ, остатокъ прежняго благоустройства почтовыхъ дорогъ. Направо, на крутомъ берегу пруда, выглянулъ изъ зелени бѣлый барскій домъ.

Напротивъ трактира, гдѣ стоитъ столбъ 40-й версты, сворачиваемъ направо и, пройдя нѣсколько шаговъ, входимъ въ паркъ имѣнія также по правую руку. Въ паркѣ все запущено, все заросло исполинскою травою. Высокія лиственницы и огромные тополи не пропускаютъ солнечныхъ лучей, всюду царитъ прохладная густая тѣнь. Аллея приводитъ къ пустому барскому дому, съ забитыми окнами. Домъ простой архитектуры прошлаго вѣка и снаружи ничѣмъ не отличается. Только службы и скотный дворъ нѣсколько оживляютъ эту заглохшую усадьбу.

Тутъ же, окруженная каменной оградой, стоитъ старинная Преображенская церковь, пятиглавый храмъ, сильно испорченный позднѣйшими надстройками.

Около церкви сохранилась древняя звонница, построенная въ концѣ XVI вѣка, свидѣтельствующая о быломъ значеніи Вяземъ еще въ до-годуновскія времена. Въ глубокую старину, какъ извѣстно, при церквахъ не было колоколовъ, а вмѣсто нихъ ударяли въ

„била“ и „клепала“. Колокольни поэтому были еще не нужны. Потомъ, когда пошли колокола, стали строить болѣе или менѣе прочные деревянные помосты на небольшой высотѣ, на которыхъ и подвѣшивались колокола. Затѣмъ появились каменныя стѣнки-звонницы новгородско-псковскаго типа, съ сквозными арками для колоколовъ. Такую, очень рѣдкую теперь звонницу и можно видѣть въ Вяземахъ. Это высокій каменный помостъ съ каменной стѣнкою, въ которой продѣланы одинъ надъ другимъ два ряда арокъ, по три арки въ каждомъ ряду. Звонница отъ времени наклонилась, кирпичная кладка сильно вывѣтривается, на верху проросли березки. Глубокой стариною вѣетъ отъ этого разрушающаго сооруженія.

Позади алтарной стѣны церкви притаились три полуразрушенныхъ надгробныхъ памятника. Средній изъ нихъ, небольшая известковаго камня колонна, перебитая кубомъ, весь покрытъ плѣсенью. Съ трудомъ можно разобрать надпись:

Подъ . . . .
камнемъ . . . . . .
Николай Серг. . . . . .
ПУШКИНЪ.
Родился
1801 марта 26
скончался 1807 іюля
30 дня.

Это и есть могила маленькаго брата Пушкина, умершаго въ то время, когда самому поэту было еще только 8 лѣтъ. Вѣроятно, няня Арина Родіоновна приводила сюда маленькаго Сашу и объясняла ему, какъ Коля улетѣлъ къ Боженькѣ на небо...

Возвратившись назадъ къ шлагбауму, гдѣ уцѣлѣвшій, какъ анахронизмъ, почтовый дворъ невольно вызываетъ представленіе о пушкинскихъ временахъ, съ ихъ станціонными смотрителями, свернемъ съ Можайскаго шоссе направо на Звенигородское.

Вяземы остались позади. Развертывается панорама чисто русскаго пейзажа. Холмы и перелѣски чередуются съ полями; переливаясь широкими волнами, колышется рожь; въ глубинѣ долины струится рѣчка Захаровка, обрамленная кустарникомъ; во ржи голубѣютъ васильки, по полянкамъ краснѣетъ гвоздика; высоко, высоко серебряными колокольчиками звенятъ жаворонки. Знакомый, обычный русскій пейзажъ. Но здѣсь онъ особенно полонъ,—вписаны всѣ детали,

подчеркнуты всѣ особенности. И потому-то, можетъ быть, такой милой, дорогой кажется окружающая природа.

За деревней Шараповой къ самой обочинѣ шоссе подходитъ мелкій березнякъ и соснячокъ. Это рощица, прилегающая къ Захаровскому имѣнію. Немного подальше, около одинокой школы, влѣво сворачиваетъ дорога. Она идетъ вдоль забора имѣнія къ мосту черезъ рѣчку Захаровку.

Крутой спускъ на мостъ... На другомъ берегу заросшей тинистой рѣчки стоятъ бѣдныя избушки, крытыя соломой... Передъ нами Захарово, то самое, о которомъ говорилъ Пушкинъ въ посланіи къ своему лицейскому товарищу Юдину:

Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
Съ заборами —въ рѣкѣ волнистой—
Съ мостомъ и рощею тѣнистой
Зерцаломъ водъ отражено.

Прошло сто лѣтъ, заросло, измельчало „зерцало водъ“, но въ немъ попрежнему все еще отражается селенье, воспѣтое поэтомъ...

На холмѣ домикъ мой, съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ.

Вотъ домикъ на холмѣ, вотъ и садъ, но это уже не пушкинскій домикъ и не тотъ садъ, въ который онъ сходилъ съ балкона. Состарѣлись и сломаны прежнія постройки, вѣчно юная, каждый годъ обновляющаяся природа, измѣнила садъ. Узналъ ли бы Пушкинъ теперь свою колыбель?

Самое сельцо Захарово едва ли измѣнилось, такъ еще бѣдны его крытыя соломой избушки, такъ печаленъ его видъ, какъ будто бы современная жизнь совсѣмъ сюда не заглядывала. Въ расцвѣтѣ лѣтъ и гражданскаго чувства видъ такихъ бѣдныхъ селеній, тяжелая жизнь крѣпостныхъ крестьянъ вызывали у поэта горькія слова. Нелегко ему было въ любимой деревнѣ:

. . . . мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжество, губительный позоръ.

Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.

Вонъ тамъ, за ветхою оградой, манитъ къ себѣ подъ прохладную тѣнь запущенный паркъ,

Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ...

Село Захарово

Заросла прежняя дорога, по которой въѣзжали въ имѣніе. По бокамъ стоятъ въ тяжелой дремотѣ старыя, покрытыя мохомъ березы, сѣдыя ели. Буря вырвала нѣсколько подгнившихъ великановъ и ихъ огромные стволы загородили дорогу, да по ней никто теперь и не ѣздитъ. Близъ воротъ стоитъ одинокая, позеленѣвшая отъ времени скамейка, на которой некому сидѣть. Вокругъ царитъ тишина и только съ полянъ доносится трескъ неугомонныхъ кузнечиковъ, да

въ усадьбѣ глухо ворчитъ собака, потревоженная рѣдкимъ посѣщеніемъ посторонняго.

Что-то неизъяснимо грустное сжимаетъ сердце въ этомъ уголкѣ, гдѣ, кажется, незримо витаетъ тѣнь великаго поэта, вспоминая свою безмятежную, чистую юность, такъ безконечно далекую отъ злобы и клеветы людской, погубившихъ Пушкина. Не даромъ его такъ тянуло въ зрѣлыхъ лѣтахъ въ Захарово. Въ 1831 году онъ былъ

Старая аллея—въѣздъ въ Захарово

здѣсь въ послѣдній разъ. Объѣхалъ любимыя мѣста и грустно сказалъ дочери своей няни: „Все наше разрушено, Марія, все поломали, все заросло...“ *)

Да, зарастаютъ, разрушаются дорогія мѣста, овѣянныя воспоминаніями о нашихъ великихъ людяхъ. Забываютъ ихъ, не интересуются ими...

1917 г.

А. Саладинъ

---

*) См. „Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ Л. Павлищева“, Москва, 1890, стр. 217. Тамъ говорится: „Онъ (Пушкинъ) совершилъ лѣтомъ сантиментальное путешествіе въ Захарово; отправился туда одинъ, лишь бы увидѣть мѣста, гдѣ провелъ нѣсколько годовъ своего дѣтства“.

ВЪ ПУШКИНСКОМЪ УГОЛКѢ

I

Побывать въ „Пушкинскомъ уголкѣ“—въ Михайловскомъ, Тригорскомъ, въ Святыхъ Горахъ, въ мѣстахъ, тѣсно связанныхъ съ именемъ великаго поэта, было моимъ давнишнимъ желаніемъ, которое однако долго не удавалось мнѣ привести въ исполненіе. Но вотъ какъ-то весной, разбираясь въ своей библіотекѣ, я случайно раскрылъ томикъ писемъ Пушкина, и при чтеніи этихъ знакомыхъ страницъ неудержимо потянуло туда, въ тѣ мѣста, откуда были написаны многія изъ этихъ писемъ.

На этотъ разъ я не сталъ откладывать сборы въ долгій ящикъ и, кое-какъ отвоевавъ нѣсколько дней свободы, вмѣстѣ съ писателемъ А. Н. Мошинымъ тронулся въ путь.

Было ясное солнечное утро, когда мы, оставивъ душный, пыльный вагонъ, очутились въ уѣздномъ городкѣ Островѣ, на почтовой станціи, откуда въ сущности должно было начаться наше „настоящее“ путешествіе. Ждать пришлось недолго. Минутъ черезъ десять лошади были запряжены, и мы усѣлись въ удобный возокъ. Дрогнулъ колокольчикъ, застучали по неровной мостовой колеса...

— Вы впервые, господа, ѣдете?—обернулся къ намъ ямщикъ.

— Впервые. А что?

— Тогда нужно бумагу выправить, а то черезъ мостъ не пропустятъ.

Дѣлать нечего, слѣзаемъ съ возка и отправляемся по указанію ямщика выправлять бумагу.

Наконецъ все уладилось. Мы минуемъ базарную площадь, развалины старинной крѣпости, вручаемъ на мосту вылѣзшему изъ будки человѣку „выправленную“ бумагу вмѣстѣ съ „мостовымъ“

или какимъ-то инымъ сборомъ и наконецъ выѣзжаемъ на широкое, ровное, какъ скатерть, шоссе...

Голубое небо, затканное неясными бѣлыми облачками, зеленѣющія поля, одинокія деревца, чахлыя рощицы... Грустная сѣверная природа, улыбающаяся подъ яркими лучами ласкающаго солнца. Дышится легко и привольно. Почти незамѣтно проѣхали восемнадцать верстъ и подкатили къ почтовой станціи Крюково, маленькой, чистенькой, съ помѣтой, гласящей, что она построена въ 1854 году.

Пока запрягаютъ другихъ лошадей, мы пьемъ чай, платимъ „прогоны“ и невольно улыбаемся: странною кажется эта обстановка, переносящая въ блаженныя времена нашихъ дѣдовъ, не знавшихъ желѣзныхъ дорогъ и пользовавшихся исключительно тѣмъ способомъ передвиженія, который такъ забавляетъ насъ теперь.

II

Слѣдующая станція—Новгородка. Отсюда мы сворачиваемъ съ шоссе, и возокъ мягко катится по пыльной грунтовой дорогѣ.

Жжетъ солнце... Тянутся тѣ же зеленѣющія поля, чередующіяся съ коричневыми полосами вспаханной земли, мелькаютъ одинокія группы деревьевъ. Облако пыли густое, назойливое тянется за нами...

— Скоро ли Святыя Горы?

— Нѣ, еще верстовъ десять будетъ!—флегматично отзывается возница, отгоняя кнутовищемъ надоѣдливыхъ слѣпней, тучею кружащихся надъ лошадьми.

Глазъ утомляется однообразіемъ дороги. Клонитъ ко сну.

— Эй, ямщикъ, погоняй, на чай получишь...

— Погонять-то можно, да вѣдь чаи-то разные бываютъ!—замѣчаетъ возница, пошевеливая однако вожжами.

Пыль забирается въ уши, глаза и носъ и сѣрымъ налетомъ осѣдаетъ на шляпѣ. Душно.

— А эвона Тригорское!—указываетъ возница на виднѣющіеся изъ-за моря зеленѣющей ржи крыши домовъ и купола церквей.

— Тригорское? Стой... стой...

Мы привстаемъ, но разстояніе слишкомъ велико: изъ-за ржи, кромѣ тѣхъ же крышъ и куполовъ, нельзя ничего различить.

— А какъ туда проѣхать?..

— А вотъ тутъ дорогу миновали,—она и идетъ къ Тригорскому.

— Ну такъ поворачивай обратно, поѣзжай на Тригорское.

Не безъ нѣкотораго пренебрежительства ямщикъ поворачиваетъ лошадей, и мы, свернувъ съ „большака", катимъ къ Тригорскому.

Глядя на вырисовывающіяся купы деревьевъ стариннаго парка, невольно вспоминаю строки, посвященныя нѣкогда Пушкинымъ на прощанье хозяйкѣ этого уголка—Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой:

Простите, милыя дубравы!
Прости, безпечный міръ полей,
И легкокрылыя забавы
Столь быстро улетѣвшихъ дней!
Прости, Тригорское, гдѣ радость
Меня встрѣчала столько разъ!
На то ль узналъ я вашу сладость,
Чтобъ навсегда покинуть васъ?
Отъ васъ беру воспоминанье,
А сердце оставляю вамъ.
Быть можетъ (сладкое мечтанье!),
Я къ вашимъ возвращусь полямъ.
Приду подъ липовые своды,
На скатъ Тригорскаго холма,
Поклонникъ дружеской свободы!

III

По указанію встрѣтившейся дѣвочки, мы разыскали „Михаль Иваныча", который и далъ намъ въ проводники словоохотливаго мужичка Ивана Прокофьева.

Прежде всего мы попросили показать баню, куда, по преданію, нерѣдко уединялся для работы Александръ Сергѣевичъ.

— Баня-то? Отъ бани одинъ фундаментъ остался. Состарилась она очень, разваливаться стала, ну арендатель и велѣлъ растащить ее на дрова.

На самомъ дѣлѣ, въ дивномъ уголкѣ надъ рѣкой виднѣлся кирпичный фундаментъ съ кучею мусора.

Отсюда открывался великолѣпный видъ съ извивающеюся на первомъ планѣ рѣчкой Соротью.

— Вотъ, когда одонья будутъ ставить, народу собьется много, любопытно смотрѣть!—поясняетъ нашъ спутникъ.—А теперь вотъ не угодно ли пройти по парку.

Старинный дивный паркъ былъ въ порядочномъ запустѣніи. Кое-гдѣ виднѣлись напиленныя дрова.

— Неужели это паркъ вырубаютъ?

— Нѣ... Такъ развѣ, которое дерево само по себѣ *повалится*. Да вѣдь и вырубать, коли нужно, приходится: нуженъ дубъ,—и срубишь!—закончилъ неожиданно онъ, указывая на валяющіяся въ травѣ дубовыя колоды.

Вѣяло душистою прохладою, запахомъ цвѣтущей сирени... Неожиданно гдѣ-то щелкнулъ соловей...

— А вотъ сейчасъ покажу вамъ ель и то мѣсто, гдѣ Пушкинъ свои составы писалъ.

— Составы?

— Ну да, составы!—повторилъ Иванъ Прокофьевъ, полагая, что выражается вполнѣ ясно. Ему, вѣроятно, уже не разъ приходилось исполнять роль проводника.

— Вотъ елина-то!—сказалъ онъ, останавливаясь передъ исполинской, въ два обхвата, елью.—А вотъ, береза, подъ которой, говорятъ, *постоянно* сиживалъ Пушкинъ!—И онъ хлопнулъ ладонью по стволу старой, раздвоившейся, искривленной березы.—А липы-то, липы,—все вѣдь саженныя; теперь такъ, братъ, не садятъ, все больше вырубаютъ!—добавилъ онъ, улыбаясь.—Взять бы хоть такую ель: растетъ дерево столько годовъ, экона какое выросло, а мужику дай,—сразу на дрова срубитъ, и дѣлу конецъ!..

Мелькали блестящія стрекозы; пахло опьяняющимъ запахомъ скошенной, умирающей травы.

Тихо, торжественно тихо было въ старинномъ паркѣ, точно въ покинутомъ, запустѣломъ храмѣ... Всюду чувствовалась печать ничего не щадящаго времени или небрежности, той небрежности, грѣховной и непростительной, съ которою относятся у насъ къ священнымъ памятникамъ старины.

Щелкнулъ затворъ кодака (фотографическаго аппарата),—это мой спутникъ, А. Н. Мошинъ, снималъ старинныя липы.

Мы снова выбираемся изъ густой заросли парка, огибаемъ прудъ и выходимъ къ старинному, съ колоннами, дому.

— А домъ-то барскій отъ тѣхъ временъ остался?

— Домъ-то старинный, какъ есть въ сохранности остался. Конечно, коли какой ремонтъ, такъ то дѣлали, не безъ того...

Возница, пошевеливая вожжами, нетерпѣливо поглядываетъ на насъ.

— Ѣдемте?

IV

Снова позвякиваетъ колокольчикъ, тянется густое, мутное облако пыли...

— Вотъ скоро и Святыя Горы. Ко времени поспѣли, а то, надо полагать, безъ дождя сегодня не обойдется.

И на самомъ дѣлѣ на горизонтѣ вырастала заслонившая солнце темная туча. Пахнуло холодкомъ. Бойчѣе зазвенѣлъ колокольчикъ, закружилась подхваченная вѣтромъ пыль.

Показались сѣренькіе домики, какая-то странная арка.

— Это какъ праздновали здѣсь Пушкинскій праздникъ, такъ съ тѣхъ поръ и осталась!—пояснилъ ямщикъ.

Возокъ остановился возлѣ крайняго домика съ надписью „Чайная". Вѣтеръ разогналъ тучи, снова блеснуло солнышно, и мы, наскоро напившись чаю, отправились къ монастырю. Поднялись по каменнымъ ступенькамъ. Съ обнаженной головой, съ земнымъ поклономъ приблизились мы къ могилѣ, гдѣ покоится священный прахъ.

Трудно выразить словами чувство глубокаго благоговѣнія, охватившее душу. Минуту, двѣ, три, полчаса сидѣли мы безмолвно... Кругомъ невозмутимая тишина, нарушаемая лишь птичьимъ крикомъ. Шепчутъ старинныя деревья, шепчутъ они о чемъ-то грустномъ, печальномъ... Солнце прорывается сквозь листву и золотистыми пятнами отражается на бѣлыхъ стѣнахъ монастыря.

Синѣетъ даль... А вотъ тянется дорога въ Михайловское...

Я берусь за альбомъ, чтобы хоть бѣглыми штрихами зарисовать этотъ уголокъ...

Я закончилъ уже эскизъ, но долго еще сидѣлъ съ открытымъ альбомомъ. Глядя на дорогую могилу, къ которой теперь со всѣхъ сторонъ стекаются почитатели поэта для искренняго земного поклона, думалось о томъ холодномъ зимнемъ вечерѣ, когда почти одинокій, въ сопровожденіи лишь А. И. Тургенева и жандармскаго офицера, прибылъ сюда прахъ великаго поэта-человѣка для вѣчнаго упокоенія...

Но прошли годы, и сбылись пророческія слова:

... Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ...

Да, великій, незабвенный поэтъ, долго, долго, пока теплится въ сердцахъ людей хоть искорка любви ко всему доброму, свѣтлому, хорошему, будешь жить ты, будутъ на твою могилу стекаться далекіе пилигримы, и никогда не останется она одинокой.

V

Солнце спускалось въ синеватую прозрачную дымку. Мы вышли за ограду монастыря, гдѣ у дороги виднѣлась небольшая часовенка, и усѣлись на громадномъ старомъ камнѣ.

Плыли прозрачныя, янтарныя облачка, синѣла даль, и тихо было кругомъ.

Я снова взялся за альбомъ.

— Ахъ, господа, любоваться пріѣхали нашими мѣстами?

Двѣ пошатывающіяся и силящіяся все-таки сохранить равновѣсіе фигуры свернули съ дороги и направились къ намъ.

Добродушная физіономія, съ жиденькой, растрепанной бороденкой, въ помятомъ картузѣ, съ легкимъ запахомъ водки, наклонилась надъ альбомомъ.

— И вотъ сколько я знаю, все господа ради Пушкинской могилы сюда пріѣзжаютъ.

— А ты развѣ слышалъ про Пушкина?

— Во, какъ не слышать! Тутъ у насъ даже такіе есть, что и самого его знали хорошо...

— Ну?

— А какъ же? Вотъ Иванъ Павловъ, въ деревнѣ Богомолахъ, потомъ поповна Акулина Ларивоновна, что въ Вороничахъ,—тоже помнитъ.

— А далеко это отсюда?

— Да не такъ чтобы далеко, всего верстъ нѣсколько...

— А я такъ и самый гробъ его видѣлъ!—неожиданно заявилъ третій, случайно присоединившійся къ намъ собесѣдникъ.

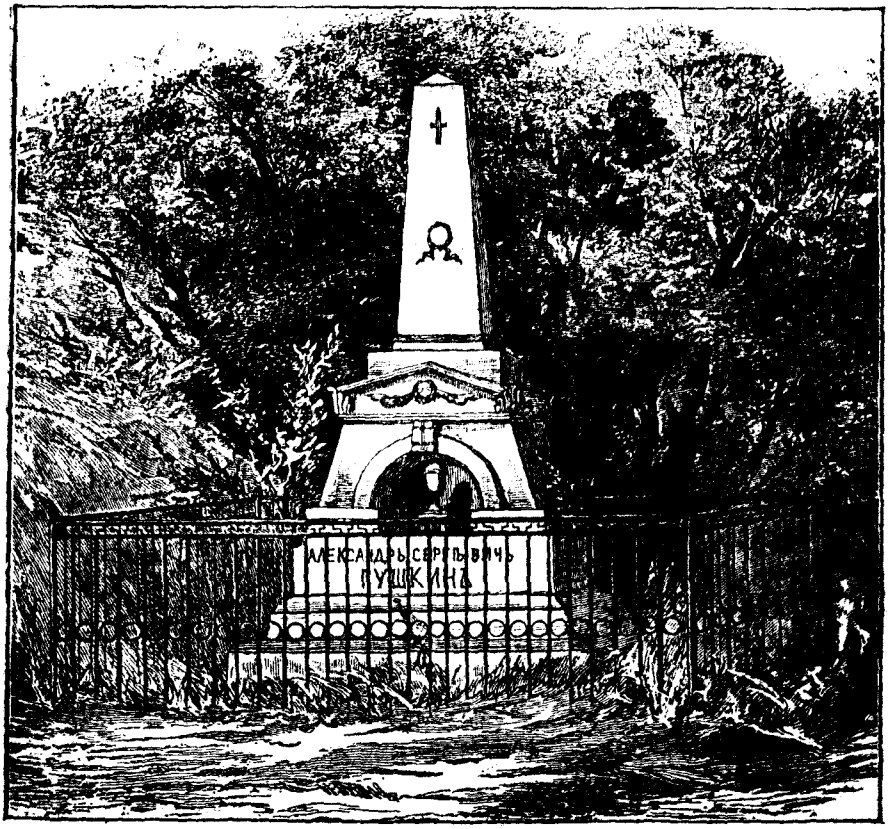
— Ну да, скажешь!

— И вѣрно... Вотъ какъ перекладывали ограду-то, такъ ящикъ и виденъ былъ, и господа тутъ, которые были, каждый норовитъ кто щепочку, кто что себѣ взять... А Ивана Павлова и Акулину и вправду повидайте: безпремѣнно они разскажутъ вамъ все досконально. Потому Иванъ Павловъ, сказываютъ, и купаться не разъ съ нимъ хаживалъ и такъ говаривалъ.

Получивъ малую толику мѣдяковъ „на чай“, компанія ушла, по-видимому, очень довольная.

VI

Послѣдній лучъ заходящаго солнца длинною лентою прорѣзываетъ листву и красноватыми пятнами расплавленнаго золота дрожитъ на бѣлыхъ стѣнахъ монастыря.



Могила А. С. Пушкина

Но вотъ и онъ тускнѣетъ, меркнетъ, гаснетъ... Кругомъ тишина, торжественная, глубокая тишина...

Бѣлою лентою тянется монастырская ограда. Здѣсь же, подъ сѣнью этихъ деревьевъ затерялась безвѣстная могилка Арины Родіоновны, няни Пушкина.

Давнымъ-давно сравнялась она съ землею и никто не помнитъ, гдѣ покоится прахъ старушки, которую такъ любилъ поэтъ, которой онъ посвятилъ не мало задушевныхъ строкъ, съ которой короталъ свои одинокіе зимніе вечера.

Помните:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя;
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ.
Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена?
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

— Скажите, — обращаюсь я къ мимо идущему монаху-послушнику, — неужели неизвѣстно, гдѣ находится могила Арины Родіоновны?

Монахъ останавливается, съ любопытствомъ оглядываетъ насъ и наконецъ медленно, степенно отвѣчаетъ:

— Такъ что неизвѣстно, гдѣ находится ея могила.

Возвращаясь въ „чайную“, по пути заглянули мы въ Пушкинскую читальню.

Симпатичная барышня-библіотекарша предупредительно показала намъ помѣщеніе, книги, комнатку, гдѣ хранятся вѣнки съ могилы Александра Сергѣевича. Всюду чистота и образцовый порядокъ. Видно, что дѣлу маленькой читальни удѣлено не мало заботъ и вниманія.

День однако, какъ и предсказывалъ нашъ возница, не обошелся безъ дождя.

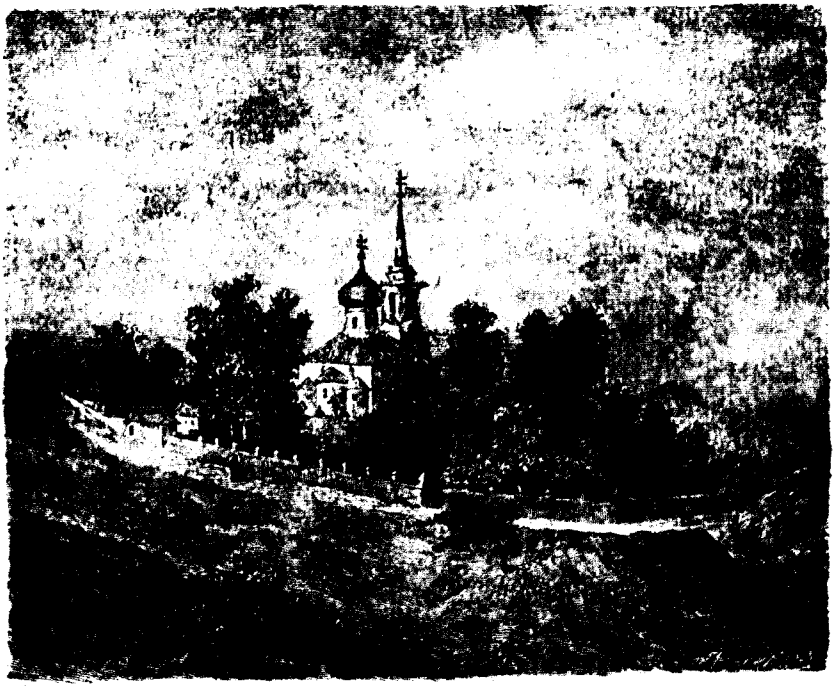
Едва мы добрались до своего пристанища, какъ хлынулъ теплый лѣтній ливень, который впрочемъ скоро пронесся дальше.

Сильнѣе запахло сочною зеленью, далекимъ, манящимъ ароматомъ свѣжаго сѣна.

Не безъ труда нашли мы возницу, взявшагося свезти насъ завтра утромъ въ Михайловское, и поздно, утомленные дорогой, крѣпко заснули подъ покровомъ гостепріимнаго домика.

VII

Утро выдалось на рѣдкость: тихое, погожее, залитое солнечными лучами. Проснулись мы чуть не съ солнышкомъ и, собравъ свой немногочисленный багажъ, напившись чаю, съ нетерпѣніемъ поджидали своего возницу. Шесть... половина седьмого... семь... Мы волнуемся...



Святогорскій монастырь

— Вѣроятно, не пріѣдетъ, и ждать не стоитъ; лучше, не теряя времени, махнемъ пѣшкомъ.

Мы уже и на самомъ дѣлѣ собрались было отправиться пѣшкомъ, но въ эту минуту послышалось громыханье телѣги.

— Наконецъ-то!.. Мы уже думали, ты не пріѣдешь...

— Зачѣмъ не пріѣхать! Только вы вотъ больно рано поднялись...

Мы распрощались съ привѣтливой старушкой-хозяйкой и взобрались на неуклюжую, громоздкую телѣгу, съ наваленною вмѣсто сидѣнья свѣжею травою. Лошаденки тронулись.

— Ну куда же сначала? Въ Михайловское, аль, какъ говорили, въ деревню Богомолы?

— Да вѣдь какъ тебѣ лучше: Богомолы-то вѣдь, кажется, по дорогѣ въ Михайловское будутъ?

— Не гораздъ-то по дорогѣ, а только лучше теперь заѣхать,— назадъ ворочаться не придется.

— Ну и отлично.

Миновали пустынную еще улицу, обогнули монастырскую ограду. Еще разъ мелькнулъ сквозь зелень деревьевъ бѣлый мраморъ памятника. Мы обнажили головы...

— Но-о-о-о, пошевеливай, родныя!..

Потянулись узкія, прихотливо извивающіяся проселочныя дороги, съ глубокими колеями, съ обступившею ихъ плотной стѣной колосящеюся рожью, съ мелькающими въ ней синими глазами васильковъ... Убогія, въ нѣсколько домишекъ, деревушки кажутся мутными пятнами на зеленѣющемъ фонѣ.

— Это не Богомолы ли?— указываю я на ближайшую деревушку.

— Нѣ, это Клопы; Богомолы тамъ, далѣ будутъ! — отзывается возница, раскуривая пожертвованную ему папироску.

— Клопы?

— Да, Клопы, названье такое! — невозмутимо пояснилъ онъ и, звучно сплюнувъ, добавилъ.—Вотъ не знаю, какъ теперь, починились ли, а прежде у Ивана Павлова такая хата была, что и войти боязно: того и гляди разсыплется...

— А что?

— Да дрянная гораздъ, совсѣмъ гнилая; какъ и держалась только, понять невозможно...

Шаловливый вѣтерокъ волнуетъ зеленѣющее море ржи. Заливаются жаворонки, купаясь въ безконечномъ просторѣ голубого неба...

Въѣхали въ крошечную деревушку. Тявкнула исхудалая собака, закудахтали испуганныя, мирно покоившіяся въ мусорѣ, куры.

— Ну вотъ и Павлова хата...

VIII

Скрипнули шаткія ступеньки.

— Вотъ сюда, сюда, въ эту дверь!—указывалъ Алексѣй.

Въ первое мгновеніе трудно было что-либо разобрать.

Ѣдкій, удушливый дымъ, словно туманъ, заволакивалъ внутренность избы. Было душно, точно въ раскаленной печи.

Мы въ нерѣшительности остановились у порога.

— Ахъ, касатики мои, плохо у насъ тутъ, ахъ, неладно! — заохала какая-то старушка, съ ухватомъ въ рукахъ копошившаяся у печки.—Кого вамъ, родные?

— Иванъ Павловичъ дома?

— Дома, дома, гдѣ же ему больше быть... Выдѣ-ка, выдь скорѣе! — засуетилась она, окликая кого-то изъ темнаго угла.—Эвона, накинь-ка зипунъ, да выдь-ка изъ избы на солнышко.

— Здравствуйте, господа! —послышался старческій голосъ.

Вотъ онъ, Иванъ Павловъ, Пушкинскій ветеранъ... Довольно еще бодрый старикъ, съ гривою сѣдовато-желтыхъ волосъ, съ дѣтски ясными голубыми глазами, сохранившій почти всѣ зубы и свѣтлую память.

Сколько видѣть онъ за свой долгій вѣкъ и сколько интереснаго могъ бы поразсказать!..

Мы усѣлись на деревянныхъ обрубкахъ у крыльца, на самомъ пригрѣвѣ.

— Скажи-ка, дѣдушка, говорятъ, ты зналъ Александра Сергѣевича Пушкина?

— Почто не знать, — отозвался старикъ, глядя на насъ своими голубыми глазами,—зналъ... Всѣ мы его тутъ по ту пору знали.

— Разскажи намъ, сдѣлай милость, что-нибудь про него.

— А что же разсказывать... Хорошій былъ онъ баринъ, на рѣдкость баринъ былъ, да и вся семья ихъ такая была,—этихъ господъ помяни Богъ. Жилъ онъ какъ, спрашиваете? А жилъ онъ одинъ, съ господами не вязался, на охоту не ходилъ, крестьянъ любилъ. По ярмаркамъ, бывало, ходитъ, соберетъ старцевъ,—старцами въ ту пору нищіе-то калѣки назывались,—ну и заставляетъ ихъ пѣть. Слушаетъ, какъ они поютъ, въ ину пору и самъ имъ подпѣвалъ.

— Ты, говоритъ, дѣдушка, и купался съ нимъ не разъ?

— Да вѣдь всяко бывало, и купаться, и разговаривать приходилось. А уѣзжалъ Александръ Сергѣевичъ, помню, такъ. Былъ это онъ въ девятую пятницу на ярмаркѣ, вдругъ пріѣзжаетъ адъютантъ къ нему и говоритъ: „Васъ, Александръ Сергѣевичъ, въ Питеръ требуютъ“.—„А,—говоритъ Александръ Сергѣевичъ-то въ отвѣтъ,—я нуженъ... Ну ѣдемъ“.—„Въ Михайловское не нужно ли вамъ заѣхать?“—спрашиваетъ адъютантъ.—„Не нужно, не нужно!“—говоритъ и, какъ ходилъ въ рубашкѣ, такъ и уѣхалъ.

— А что, дѣдушка, въ Михайловскомъ теперь ничего отъ прежняго, отъ того времени не осталось?..

Старикъ махнулъ рукою:

— Куды тамъ... Вотъ помню я,—оживился онъ,—дача лѣтняя была построена, хорошая дача, съ мебелью, все какъ слѣдуетъ, а поди-ка, найди, гдѣ она была, а я вотъ помню и указать могу... Прудъ былъ, а потомъ какъ Наталія Николаевна пріѣхала, такъ и приказала его засыпать, ну и засыпали... Вотъ изобразили бы мнѣ эту дачу-то, хоть полюбовался бы я!—обратился онъ ко мнѣ, заглядывая въ мой раскрытый альбомъ.

— Да вѣдь трудно нарисовать, дѣдушка, не видавъ...

— А я бы все обсказалъ, все разъяснилъ, я вѣдь какъ сейчасъ ее помню...

И въ этой наивной просьбѣ старика чувствуется теплое, безыскусственное чувство любви къ Александру Сергѣевичу.

Врядъ ли зналъ Иванъ Павловъ тогда что-либо объ Александрѣ Сергѣевичѣ больше того, что онъ „Михайловскій баринъ“, да врядъ ли и теперь онъ вполнѣ уяснилъ, чѣмъ былъ для насъ этотъ „баринъ“. Но и тогда и теперь для него это въ сущности было бы навѣрное безразлично: онъ всею глубиною своего простого сердца любилъ не мірового генія, не великаго поэта, а добраго, хорошаго, сердечнаго человѣка, сумѣвшаго воздвигнуть „нерукотворный памятникъ“ въ сердцахъ знавшихъ его людей, и эта любовь сохранилась въ сердцѣ старика долгіе десятки лѣтъ и угаснетъ только съ нимъ вмѣстѣ...

Разговоръ и воспоминанія видимо утомили старика, онъ зябко вздрагивалъ и кутался въ зипунъ.

— Ну, прощайте, дѣдушка, большое спасибо! Дастъ Богъ, еще увидимся, потолкуемъ еще.

— Прощайте, прощайте!—отозвался старикъ, выходя съ нами за ворота.

Снова закружились шаловливыя проселочныя дорожки; только вмѣсто ржи потянулись стройныя сосны, бѣлоствольныя березки. Повѣяло лѣсной прохладой...

Чирикали птицы, ослѣпительно сверкали золотистыя пятна на стволахъ березъ...

Бодрою рысцою трусили лошадки...

IX

Ѣхали молча. Мысли носились далеко. Вспоминались разсказы Ивана Павлова, думалось о томъ времени, когда, быть-можетъ, здѣсь, подъ тѣнью этихъ сосенъ, бродилъ погруженный въ свои думы Александръ Сергѣевичъ...

Село Михайловское

Вѣдь онъ любилъ свое Михайловское, любилъ эти рощи...

...Въ разныя годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни. Годы
Промчалися,— и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца.

Не хотѣлось говорить, не хотѣлось нарушать этой тишины...

Но вотъ и Михайловское. Мы въѣзжаемъ въ аллею старинныхъ елей, современницъ поэта, раскидистыхъ, нахмуренныхъ, словно посѣдѣвшихъ отъ времени и непогоды.

Вотъ домикъ, въ которомъ, какъ говорятъ, жилъ поэтъ. Крошечный, словно игрушечный, онъ почти совсѣмъ затерялся въ зелени обступившихъ его кустовъ.

— Домъ какъ есть старой постройки, — поясняетъ подошедшій къ намъ мужичокъ,—весь топоромъ рубленъ, нигдѣ пиленаго нѣтъ.

А вотъ и барскій домъ. Онъ перестроенъ, и въ немъ почти ничего не сохранилось отъ прошлаго: изъ обстановки одинъ только бильярдъ, у котораго поэтъ короталъ свое одиночество, играя самъ съ собою двумя шарами.

На угловомъ столикѣ обломокъ „Пушкинской“ сосны, одной изъ трехъ сосенъ, росшихъ „на границѣ владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ, гдѣ въ гору подымается дорога“...

Съ террасы открывается чудный видъ: серебрится озеро, извивается рѣка, темнѣетъ лѣсъ, тянутся зеленѣющія нивы съ разбросанными тамъ и сямъ деревушками... Вспоминаются невольно задушевныя, посвященныя этому уголку строки:

Вотъ холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По берегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни: тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...

Всматриваешься въ разстилающуюся передъ глазами картину, и кажется она давнымъ-давно знакомою со словъ поэта.

Нѣтъ вотъ только покривившейся мельницы, рухнувшей, вѣроятно, подъ напоромъ бурь, а остальное все то же, какъ было тогда...

Густая сирень обступила террасу, жужжатъ надъ ней хлопотливыя пчелы, рѣютъ ласточки, и тихо, невозмутимо тихо кругомъ...

Не хочется уходить.

X

Я зарисовалъ маленькій домикъ и снова отправился бродить по михайловскимъ дорожкамъ. Всюду чистота и образцовый порядокъ. Но отъ прошлаго сохранилось немногое.

Присоединившійся къ намъ управляющій Михайловскаго провелъ насъ въ старинную липовую аллею, къ засыпаннымъ, по словамъ Ивана Павловича, по приказанію Наталіи Николаевны прудамъ...

— Вотъ буду сегодня сосенки садить на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде три ихъ стояло. Садилъ я уже нѣсколько разъ да не принимались, — разсказывалъ онъ, — оттого, что ихъ въ іюнѣ только и садятъ. По-

Въ Тригорскомъ

пробую теперь, авось, примутся. Одна-то изъ старыхъ сосенъ долго еще стояла, я ее помню, да пастухи какъ-то, разводя костеръ, подпалили корни, — ну и свалилась... Вотъ поѣдете къ Тригорскому, увидите то мѣсто.

Мы еще разъ обходимъ садъ, заглядываемъ въ домъ, любуемся видомъ съ террасы. Спутникъ мой возится съ аппаратомъ, стараясь какъ можно больше сдѣлать снимковъ.

Но пора и въ путь... Пофыркиваютъ лошади; Алексѣй давно уже поджидаетъ насъ, покуривая свою самодѣльную „цыгарку".

Неохотно взбираемся на телѣгу и мы. Скрипнули колеса...

Мелькнула аллея старыхъ елей, и мы снова катимъ по извилистой лѣсной дорогѣ.

XI

— Ну, теперь, значитъ, на Вороничи ѣдемъ? — освѣдомляется Алексѣй, подстегивая лошадей.—Вотъ этой самой дорогой, что къ Тригорскому идетъ, и на Вороничи ѣхать придется.

Набѣгаетъ вѣтерокъ, и тихо шумятъ задумчивыя сосны, словно шепчутся о чемъ-то, словно разсказываютъ что-то далекое, неясное.

Сколько разъ проѣзжалъ по этой дорогѣ изъ Михайловскаго въ Тригорское Александръ Сергѣевичъ!..

Снова невольно вспоминаются знакомыя съ дѣтства строки:

На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ: одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ, при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ...

Старыхъ сосенъ уже нѣтъ давно, выросло и состарѣлось „племя младое", опустѣло славное гнѣздо Михайловское, но духъ великаго поэта, кажется, незримо витаетъ надъ этими мѣстами.

— Не знаете ли, Алексѣй, на которомъ мѣстѣ росли три сосны?

— А Богъ ихъ знаетъ, — надо полагать, здѣсь гдѣ-то, а гдѣ, доподлинно не знаю...

Отдохнувшія лошадки бойко трусятъ по неровной дорогѣ. Лѣсъ кончился. Мелькнули куполы чистенькихъ церквей.

— Вотъ,—оборачивается къ намъ Алексѣй,—говорятъ, въ старину здѣсь стоялъ богатѣйшій городъ Вороничи, а какъ разрушили его татары или литовцы, не упомню кто, такъ ничего съ тѣхъ поръ не осталось.

— А почему здѣсь двѣ церкви?

— Два прихода, — оттого. А городъ, надо полагать, большой былъ! — возвращается къ прежней темѣ Алексѣй,—вонъ по какимъ холмамъ раскинувшись былъ. И теперь вотъ въ ину пору, какъ пашутъ, такъ находятъ кое-какія желѣзки съ тѣхъ временъ еще, сталобыть, въ землѣ находятся.

— А это, дальше, вѣдь Тригорское?

— Оно тутъ же рядомъ и есть.

— А ты знаешь, гдѣ Акулина Ларіоновна живетъ?

— Найдемъ, безпокоиться не о чемъ, не въ лѣсъ заѣхали, укажутъ... Да вотъ, кажется, здѣсь... Ну да, какъ разъ и потрафили. Эта ея хата и будетъ...

XII

Въ маленькое оконце покосившейся избушки на насъ глядитъ древняя, древняя старушка.

Странное лицо, точно пергаментное, съ глубокими, начертанными десятками лѣтъ морщинами. Такія лица встрѣчаются на старинныхъ иконахъ, а въ жизни—у очень глубокихъ старцевъ.

— Здравствуйте, Акулина Ларіоновна!—привѣтствуемъ мы, заранѣе зная, что не ошибаемся и видимъ именно ее.

Старушка смотритъ на насъ большими тревожными глазами,—она видимо плохо слышитъ, какъ и Иванъ Павловъ, но кажется еще довольно бодрою.

— Вы Акулина Ларіоновна будете? — говорю я насколько возможно громче, наклоняясь почти къ самому уху ея.

— Я, я, родимые, я, я сама и буду.

— Здравствуйте, Акулина Ларіоновна. Мы повидать васъ пріѣхали.

— Повидать?.. Ой, родные, откуда же вы меня знаете? А?

— Да вотъ слышали, что вы Александра Сергѣевича Пушкина хорошо знали...

— Какъ не знать... какъ не знать нашего благодѣтеля! — живо отозвалась старушка. — Еще бы не знала... Благодѣтель онъ нашъ былъ, Царство ему Небесное...

— Такъ вотъ намъ интересно было бы услышать отъ васъ что-нибудь о немъ.

— Да что же вамъ разсказать? Знала-то я его хорошо, батюшка;

папенька мой священникомъ былъ, и очень его Александръ Сергѣевичъ любилъ. Бывало, какъ папенька день или два къ нему не поѣдетъ,—глядимъ, самъ Александръ Сергѣевичъ къ намъ жалуетъ.. „Ты что же это,—говоритъ папенькѣ,—не заглядываешь?“ Ну папенька и объясняютъ, что нельзя, молъ, Александръ Сергѣевичъ, было, требы, да свадьбы, да то, да другое. Александръ Сергѣевичъ въ отвѣтъ—чтобы, молъ, не было этого! Очень онъ папеньку любилъ и постоянно съ нимъ время проводилъ. Вернется, бывало, папенька отъ Александра Сергѣевича, а я и спрашиваю: „Что вы, папенька, тамъ все дѣлаете?“ А папенька и объясняетъ: „А вотъ, молъ, сидимъ, шутимъ, смѣемся,—только у насъ съ нимъ и дѣла, дочка“... Въ паркъ тоже, бывало, никого не допускали, а мнѣ можно было ходить. Ну и пойдемъ это мы утромъ, чуть свѣтъ, съ дѣвушкой грибы собирать,—грибовъ тамъ бѣлыхъ страсть сколько было,—смотришь, а Александръ Сергѣевичъ уже вставши, идетъ намъ навстрѣчу и окликаетъ: „Кто это здѣсь?“ Увидитъ меня, улыбается: „А это ты,—скажетъ,—поповна? Ну давай я вамъ помогу грибы собирать“. Вотъ и начнетъ ходить, палкой указывать, гдѣ грибовъ больше, зоветъ: „Сюда, поповна, сюда, смотри, сколько ихъ!“ Насбираешь корзину и станешь просить: „Батюшка баринъ, вы бы тоже себѣ взяли на фриштыкъ!“ А Александръ Сергѣевичъ улыбнется и спрашиваетъ: „Васъ сколько собиральщицъ?“ —„Да двѣ всего!“—говорю. „Ну, а у меня ихъ двадцать“. Такъ и уйдетъ.

— Благодѣтелемъ онъ нашимъ былъ, Александръ Сергѣевичъ!—разсказываетъ снова старушка.—Однажды возьми и подари папенькѣ семь десятинокъ,—а папенька-то и говоритъ: „Какъ же, Александръ Сергѣевичъ, нужно вѣдь все это на бумагу перенести, въ городъ поѣхать“... А Александръ Сергѣевичъ и отвѣчаетъ: „Ничего этого не надо, я самъ напишу, и никто отъ васъ моего подарка не отниметъ!“ И самъ тутъ же сейчасъ и написалъ эту бумагу. А вотъ какъ былъ у насъ пожаръ,—отъ молоньи домъ-то загорѣлся, такъ и сгорѣла и эта бумага, и все... семь картинъ хорошихъ со стеклами тоже въ огнѣ остались .. Говорилъ Александръ Сергѣевичъ, что никто, молъ, моего подарка не отниметъ, анъ вышло другое: бумага сгорѣла, и отняли отъ насъ землицу-то... Господа хорошіе, сдѣлайте милость, похлопочите, чтобы вернули мнѣ, старухѣ, ее, хоть двѣ-то десятинки... пусть вернутъ, хоть на старости-то чѣмъ порадоваться...

Въ голосѣ старушки слышатся слезы. Эти отнятыя семь десятинокъ, подарокъ Александра Сергѣевича, стоили ей, вѣроятно, много горькихъ слезъ.

— Отняли, отняли!—повторяетъ она,—хоть бы одну мнѣ оставили на утѣху...

— Будьте столь добры, сядьте вотъ сюда, Акулина Ларіоновна!—попросилъ мой спутникъ, вынимая фотографическій аппаратъ.

— Что это, никакъ снимать меня будутъ? Ахъ, не люблю я сниматься!—заволновалась старушка.—Какъ былъ праздникъ въ Святыхъ Горахъ, въ поминку Александра Сергѣевича, тоже снимали меня. Только не люблю я этого, не люблю...

Но затворъ аппарата уже щелкнулъ.

— А помнить-то я хорошо помню нашего благодѣтеля. Пріѣзжалъ онъ къ намъ на высокой красивой лошади; встрѣтитъ меня и спрашиваетъ: „Поповна, папенька дома?“ Молоденькая я въ ту пору дѣвочка была. Папенька мой былъ священникомъ, по имени Иларіонъ, а по фамиліи Раевскій, а звали его все больше по прозвищу—Шкодъ, Шкодой онъ прозывался... А насчетъ землицы моей не забудьте похлопотать,—напоминаетъ намъ еще разъ на прощанье старушка,—можетъ, порадуюсь я на старости лѣтъ...

Лошадки тронули, но старушка долго еще, заслонивъ глаза отъ солнца ладонью, глядѣла намъ вслѣдъ...

XIII

Медленно, лѣниво плетутся, поднимаясь въ гору, лошадки.

Надоѣдливо вьются надъ ними слѣпни. Пыль длинною, долго неулегающеюся полосою тянется за нами. Зноемъ пышетъ раскаленный воздухъ...

Ѣдемъ знакомою уже дорогою. Тотъ же однообразный, примелькавшійся видъ, бурыя полосы вспаханной земли, зеленѣющія лужайки...

Вотъ одинокій великанъ-дубъ раскинулъ свои могучія вѣтви, прорѣзывая синеву неба. Гордый, могучій, высится онъ надъ монотонно-унылыми полями... Много десятковъ лѣтъ стоитъ онъ несокрушимо подъ напоромъ бурь и вѣтровъ...

Такимъ же стройнымъ красавцемъ онъ былъ, вѣроятно, и тогда, когда этой дорогой проѣзжалъ Александръ Сергѣевичъ, и его вели-

чавая красота, гордая и могучая, быть можетъ, не разъ привлекала вниманіе поэта...

Мысли возвращаются невольно туда, къ тѣмъ мѣстамъ, которыя мы оставили за собою.

Тихая грусть сжимаетъ сердце. Точно покидаешь что-то родное, дорогое... И отъ старинныхъ липъ Тригорскаго, бѣлыхъ стѣнъ монастыря, вѣковыхъ елей Михайловскаго, наивныхъ разсказовъ Ивана Павлова и Акулины Ларіоновны вѣяло какою-то задушевною поэзіею—поэзіею старины...

Но вотъ и Новгородка. Позвякиваетъ колокольчикъ,—запрягаютъ лошадей. Еще нѣсколько минутъ, и мы снова катимъ по широкому ровному шоссе къ Острову.

Прощай, „Пушкинскій уголокъ".

Евгеній Шведеръ

ПУШКИНЪ ВЪ ГУРЗУФѢ

Прошлой весной я былъ въ Крыму. Мнѣ хотѣлось посѣтить мѣста, освященныя пребываніемъ въ нихъ великаго поэта А. С. Пушкина.

Яснымъ весеннимъ днемъ я выѣхалъ на катерѣ изъ Ялты въ Гурзуфъ. Какъ извѣстно, тамъ въ 1820 г. въ семьѣ Раевскихъ гостилъ Пушкинъ. Онъ пріѣхалъ сюда вмѣстѣ съ Раевскими съ Кавказа, и вотъ какъ въ одномъ изъ писемъ описываетъ эту поѣздку: „Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами. Вездѣ мелькали татарскія селенія. Корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними, справа – огромный Аю-Дагъ... И кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный“...

Тѣ же картины, тѣ же чувства впослѣдствіи изображены поэтомъ въ великолѣпныхъ стихахъ:

Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ—холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада—
Все чувства путника манитъ,
Когда въ часъ утра безмятежный,
Въ горахъ дорогою прибрежной
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-Дага...

Въ тѣнистомъ паркѣ я отыскалъ домъ, гдѣ жилъ поэтъ. Домъ не перестраивался, сохранился съ наружнаго вида тѣкимъ, какимъ

былъ въ пушкинскія времена, но въ самомъ домѣ не осталось никакихъ слѣдовъ о пребываніи въ немъ великаго поэта. Около дома огромный платанъ широко раскинулъ свои вѣтви; онъ только что почувствовалъ приближеніе весны, и лапчатые листья его были блѣдножелтаго цвѣта. Подъ этимъ платаномъ Пушкинъ любилъ укрываться отъ жгучихъ лучей полуденнаго солнца. Тутъ же недалеко темной колонной стоитъ кипарисъ; о немъ въ письмѣ къ другу своему Дельвигу Пушкинъ писалъ: „Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, исполненнымъ дружбы"...

Когда я ходилъ по парку, то невольно думалъ: вотъ здѣсь гулялъ поэтъ, подходилъ къ морю, слушалъ прибой волнъ, смотрѣлъ, какъ „синяго моря обманчивый валъ въ часы роковой непогоды" стремительно бросался на берегъ и, разбившись о прибрежныя скалы, съ пѣною бѣлой, съ шумомъ прядалъ назадъ. Или въ тихій, ясный день, когда море смѣялось и тысячи улыбокъ его сверкали подъ солнцемъ, поэтъ садился въ лодку и плылъ туда, къ Аю-Дагу, къ каменному гроту. Этотъ гротъ такъ и теперь называется „Пушкинскимъ"; о немъ писалъ поэтъ:

„Пріютъ любви, онъ вѣчно полнъ
Прохлады сумрачной и влажной.—
Тамъ никогда стѣсненныхъ волнъ
Не умолкаетъ шумъ протяжный..."

Недолго прожилъ Пушкинъ въ Гурзуфѣ, но о немъ у него на всю жизнь остались свѣтлыя воспоминанія. „Тамъ я прожилъ три недѣли,—пишетъ Пушкинъ,—счастливѣйшія минуты моей жизни провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго. Суди,—былъ ли я счастливъ. Свободная, безпечная жизнь, счастливое полуденное небо, прелестный край; природа, удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море... Другъ мой, любимая моя надежда—увидать опять полуденный берегъ".

И послѣ не разъ эти мысли высказывалъ Пушкинъ въ стихахъ:

О, скоро ль васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира?
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ!

Пушкинъ въ Гурзуфѣ

Изъ парка я спустился къ морю. Стоя на берегу, я думалъ: вотъ здѣсь, можетъ-быть, прощаясь съ моремъ, уѣзжая изъ Гурзуфа — поэтъ сказалъ:

„Прощай, свободная стихія,
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой!.."

Къ вечеру я возвращался въ Ялту. Проѣзжая мимо парка, съ палуба катера я старался еще разъ увидѣть домъ Пушкина, но его не было видно—онъ весь утонулъ въ зелени, а скоро и самый паркъ скрылся за уступомъ горы, и только темная масса Аю-Дага долго еще была видна на фонѣ вечерняго неба.

Ив. Бѣлоусовъ

1908 г.

ВЪ ОСТАФЬЕВѢ

Отъ станціи „Щербинки" Курской желѣзной дороги до Остафьева три версты. Сначала проѣзжаешь деревню Никольское, расположенную недалеко отъ станціи. Въ Никольскомъ въѣзжаешь на шоссе, ведущее прямо къ Остафьеву. Уже съ полпути виднѣются золоченыя главы остафьевской церкви и сѣрыя избушки села, разбросанныя по одну сторону неглубокаго оврага. Сейчасъ же за селомъ идутъ постройки церковнослужителей, потомъ самая церковь, а за ней уже начинаются „барскія владѣнія",—домъ управляющаго, службы... Черезъ плотину по дощатому мосту подъѣзжаешь прямо къ барскому дому. Обширный, спокойной архитектуры главный корпусъ дома съ двумя флигелями бѣлѣетъ среди темной зелени старыхъ деревьевъ. Сзади дома—паркъ. Старая липовая аллея примыкаетъ прямо къ срединѣ главнаго корпуса. Домъ этотъ, построенный въ концѣ XVIII столѣтія отцомъ князя-поэта П. А. Вяземскаго теперь принадлежитъ графу Шереметьеву.

Я нарочно пріѣхалъ изъ Москвы осмотрѣть этотъ замѣчательный домъ-музей. Управляющій любезно согласился показать его и, взявши ключи, повелъ меня по дорожкамъ парка къ дому.

Широкая каменная лѣстница ведетъ между колоннами къ парадному входу. Пройдя переднюю комнату, входишь въ какой-то мрачный залъ и сразу чувствуешь себя въ другомъ вѣкѣ: по стѣнамъ древнее оружіе,—шишаки, кольчуги, тяжелыя, кривыя сабли въ ржавыхъ ножнахъ, пики, мушкеты; тутъ же старинная посуда, фарфоръ и стекло съ гербами; дальше рядъ комнатъ съ живописью по стѣнамъ, скульптурными произведеніями и цѣлыми рядами полокъ и шкафовъ съ книгами... Всего при бѣгломъ осмотрѣ и разсмотрѣть невозможно.

— Вотъ сейчасъ поднимемся кверху въ Пушкинскую комнату— сказалъ управляющій.

По каменной лѣстницѣ мы поднялись во второй этажъ, прошли темный коридоръ, свернули направо и очутились въ свѣтлой просторной комнатѣ. Съ какимъ волненіемъ я входилъ туда: здѣсь жилъ и творилъ великій поэтъ! Всѣ стѣны увѣшаны портретами— все современники Пушкина: Жуковскій, Державинъ, Баратынскій, Д. Давыдовъ, Тютчевъ, Крыловъ, Гоголь. Многіе портреты съ надписями; подъ однимъ изъ портретовъ Жуковскаго слѣдующая надпись: „Побѣдителю-ученику отъ побѣжденнаго учителя въ тотъ высокоторжественный день, въ который онъ окончилъ свою поэму „Русланъ и Людмила“ 1820. Марта 26. *Великая пятница*“. Надъ входной дверью виситъ очень хорошо написанная картина—Пушкинъ въ гробу, а рядомъ—портретъ Лермонтова. У окна, выходящаго въ садъ, стоитъ простой столъ съ врѣзанной въ немъ мѣдной дощечкой съ надписью: „Столъ А. С. Пушкина 1837 г.“ На столѣ— письменныя принадлежности и камышевая гладкая трость, сверху перевязанная шелковымъ плетенымъ шнуркомъ съ двумя кисточками: шелкъ уже выцвѣлъ и, вмѣсто коричневаго, сталъ свѣтлосѣрымъ. Въ верхнемъ концѣ трости вдѣлана золоченая пуговица съ мундира Петра Великаго. Эта пуговица была подарена Петромъ Великимъ арабу Ганнибалу—прадѣду Пушкина. Тутъ же на столѣ ящикъ со стеклянной крышкой, на которой прикрѣпленъ карандашный рисунокъ мѣста дуэли Пушкина съ Дантесомъ, а въ самомъ ящикѣ находится жилетъ А. С. Пушкина, снятый съ него послѣ дуэли; въ этомъ жилетѣ онъ былъ смертельно раненъ. Жилетъ изъ чернаго сукна, двухбортный, съ воротникомъ, одинъ бокъ разорванъ и грубо защитъ побѣлѣвшими нитками; пуговицы роговыя, гладкія, черныя; воротникъ и подкладка подъ жилетомъ—довольно потертые; спина жилета, вмѣсто пряжки, туго стянута шелковой тесьмой. Тутъ же въ ящикѣ лежатъ перчатка и кора съ березы, подъ которой стоялъ Пушкинъ во время дуэли, и восковая свѣча. Въ ящикѣ положена, написанная рукою П. А. Вяземскаго, записка: „Для храненія въ Остафьевѣ. Жилетъ Александра Сергѣевича Пушкина, въ которомъ онъ дрался 27 января 1837 г. Перчатка моя; другая перчатка была брошена въ гробъ его Жуковскимъ. Александръ Тургеневъ былъ отправленъ съ гробомъ. Свѣча съ погребенія Пушкина. 1 февраля 1837 г.“

На другомъ столикѣ лежитъ небольшой черный ящичекъ; онъ былъ запечатанъ печатью П. А. Вяземскаго съ запиской на сѣрой бумагѣ, писаной его рукой гусинымъ перомъ: „Праздникъ Преполовенія за Невою. Прогулка съ Пушкинымъ 1828 г.“

Когда распечатали этотъ ящикъ, въ немъ оказалось нѣсколько мелкихъ щепъ, рубленныхъ топоромъ, и больше ничего. Никто не могъ объяснить, что должны обозначать эти щепы...

По стѣнѣ, противоположной окнамъ, стоитъ стеклянный шкафъ съ книгами и рукописями; здѣсь хранятся 8 автографовъ Пушкина.

Тишина; уединеніе. Изъ парка въ окна смотрятъ старыя липы и все здѣсь напоминаетъ великаго поэта и бережливо охраняется до сихъ поръ. Когда посмотришь на все это, какъ будто и человѣкъ, давно ушедшій отсюда въ иной міръ, становится ближе, роднѣе,— и тихая грусть ложится на сердце вмѣстѣ съ сознаніемъ безсмертія великой души, переживавшей здѣсь минуты творчества.

Ив. Бѣлоусовъ

ВЪ ПЯТИГОРСКѢ

Пятигорскъ! Какъ это слово неразрывно связано съ именемъ Михаила Юрьевича Лермонтова. Здѣсь поэтъ провелъ лучшіе годы своей жизни, здѣсь дикая величественная природа съ вѣчно снѣговыми горами, съ ущельями, обвалами, жизнь вольныхъ людей съ темными преданіями старины, вдохновляли поэта, давали ему образы и звуки для его безсмертныхъ произведеній. Здѣсь же и окончилась его короткая жизнь!..

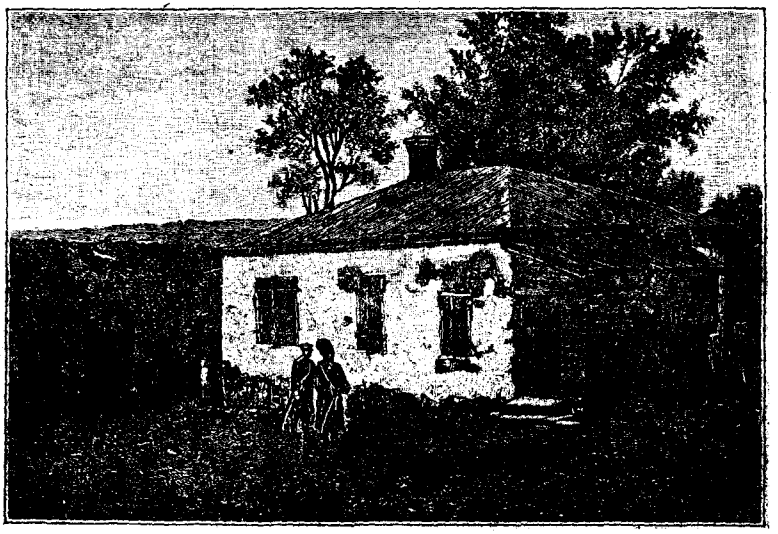
Какъ только я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, у меня явилось желаніе посѣтить мѣста, освященныя пребываніемъ поэта. Сначала я отыскалъ „Лермонтовскій гротъ", но онъ ничего особеннаго не представляетъ изъ себя; это—небольшая пещерка въ уступѣ скалы недалеко отъ Елизаветинской галлереи. Когда я подходилъ къ гроту, мнѣ невольно думалось: сюда удалялся Лермонтовъ отъ шумнаго общества, собирающагося у Елизаветинскаго источника. Можетъ-быть здѣсь, наединѣ съ своими думами онъ засиживался подолгу. „Вечерней мглы покровъ воздушный" окутывалъ очертанія далекихъ горъ; внизу городокъ затихалъ; кое-гдѣ зажигались огоньки, но въ воображеніи поэта ярче выступалъ двухглавый Эльборусъ, сѣдой Казбекъ, Дарьяльское ущелье, „гдѣ роется Терекъ во мглѣ"; поэтъ слышалъ его шумъ въ темномъ ущельи, надъ которымъ „старинная башня стояла, чернѣя на черной скалѣ", гдѣ „царица Тамара жила"...

Хорошо было бы сохранить этотъ гротъ въ томъ самомъ видѣ, какимъ онъ былъ при Лермонтовѣ, а теперь зачѣмъ-то входъ загородили желѣзными рѣшетчатыми дверьми, а внутри грота повѣсили доску съ безграмотными стихами.

Посмотрѣлъ я и памятникъ Лермонтову на площади около собора; фигура какъ-то нескладно посажена, но лицо поэта замѣчательно хорошо: оно одухотворено мыслью, а грустные глаза устремлены

выше того, что находится внизу,—въ шумномъ кавказскомъ городкѣ, куда съѣхались люди, полные заботъ о своихъ болѣзняхъ, о нарядахъ, объ удовольствіяхъ; глаза его смотрятъ на далекія вершины Кавказскихъ горъ съ ихъ вѣчными снѣгами...

Главная мечта моя была осмотрѣть „Лермонтовскій домикъ“; зналъ я его только по старинным фотографіямъ. Пока я собирался это сдѣлать, случайно встрѣтилъ одного своего пріятеля; и когда я высказалъ ему свою мысль о посѣщеніи „Лермонтовскаго домика“, онъ съ радостью согласился мнѣ сопутствовать.



Домикъ Лермонтова въ прежнемъ видѣ

По указанію встрѣчныхъ, мы безъ труда нашли улицу, гдѣ находился „Лермонтовскій домикъ , но самый домъ отыскать было довольно трудно. Съ улицы нѣтъ никакихъ слѣдовъ и примѣтъ, что домъ этотъ „Лермонтовскій“.

На воротахъ—вывѣсочка съ фамиліей Георгіевскаго; но мы съ пріятелемъ уже запаслись свѣдѣніями, что именно Георгіевскому и принадлежитъ домъ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ.

Входимъ черезъ ворота во дворъ—ни души. Когда же мы подходили къ другому флигельку внутри двора, появилась какая-то дѣвушка съ виду прислуга.

— Вамъ кого угодно?—спросила она.

— Намъ хотѣлось бы осмотрѣть домъ Лермонтова.

— Да вотъ онъ,—указала она на флигелекъ, около котораго мы стояли. Видимъ, дѣйствительно, около параднаго входа прибита дощечка съ надписью: „Здѣсь жилъ М. Ю. Лермонтовъ 1837—1841 г.“

— А какъ же бы намъ осмотрѣть внутренность дома?—обратились мы къ дѣвушкѣ.

Та стоитъ въ нерѣшительности.

— Право, не знаю какъ... Хозяина надо спросить.

— Ну что жъ! Спроси; мы подождемъ.

Дѣвушка скрылась за угломъ флигелька.

— Такъ вотъ онъ какой Лермонтовскій домикъ-то!—проговорилъ мой пріятель,—а я, вѣдь, его представлялъ себѣ не такимъ. Судя по старинным снимкамъ, это была простая мазанка съ камышевой крышей; теперь это хорошій кирпичный подъ желѣзной крышей особнякъ. Да онъ, какъ будто, больше размѣромъ сталъ...

Не успѣлъ еще мой пріятель окончить своихъ размышленій, какъ снова появилась, встрѣтившая насъ вначалѣ, дѣвушка.

— Хозяинъ обѣдаетъ, а потому не можетъ васъ принять,—заявила она.

— Какая неудача! Что жъ дѣлать, надо уходить,—предложилъ я своему пріятелю.

— Да, нужно,—согласился тотъ.

Однако мы продолжали стоять около домика.

Дѣвушка какъ-будто сжалилась надъ нами.

— А вы кругомъ дома обойдите, въ садъ зайдите,—предложила она.

Мы пошли по ея указанію, обогнули уголъ дома и очутились въ небольшомъ садикѣ, въ углу котораго стояла бесѣдка, а между старыми деревьями пестрѣли на солнцѣ грядки цвѣтовъ.

Больше смотрѣть было нечего, мы повернули къ выходу, и, когда проходили мимо крыльца, увидали стоящаго на немъ небольшого роста уже пожилого человѣка.

— А вы хотѣли бы осмотрѣть домъ Лермонтова?—спросилъ онъ.

— Очень хотѣли бы!—отвѣтили мы въ одинъ голосъ.

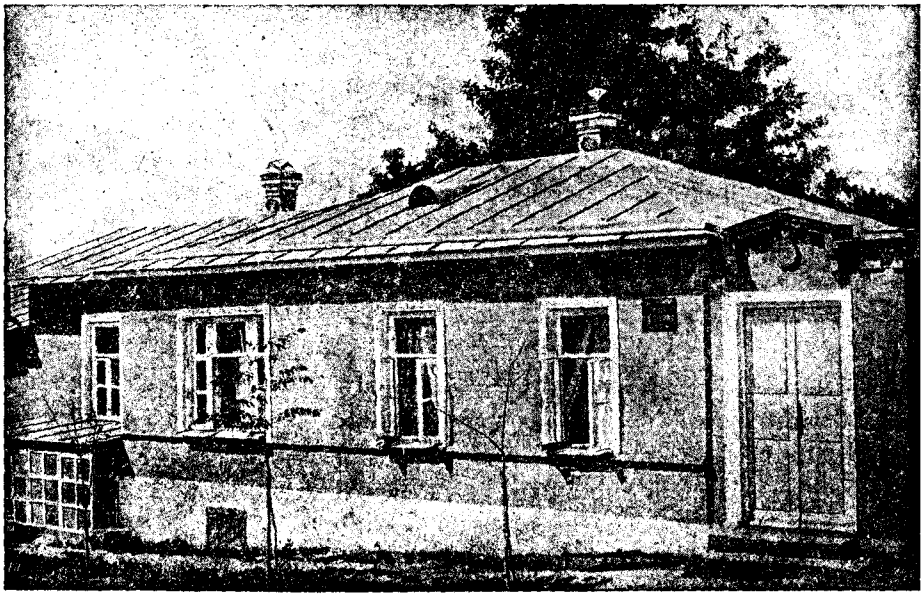
— Я владѣлецъ этого дома,—отрекомендовался онъ.—Очень ужъ много народу всякаго ходитъ. Кто его знаетъ, что за народъ. Какія нынче времена-то!—высказывалъ свои сомнѣнія хозяинъ.

Мы согласились.

— А на васъ я поглядѣлъ,—вижу, люди почтенные; милости прошу въ домъ.

Мы съ радостью послѣдовали за нимъ и, пройдя черезъ парадное крыльцо, очутились въ свѣтлой, уютной, чисто прибранной комнаткѣ.

— Вотъ тутъ,—началъ свои объясненія хозяинъ,—всего четыре комнатки, какъ и при Лермонтовѣ было, такъ онѣ и остались въ неприкосновенности, и окна тѣ же, на тѣхъ же мѣстахъ. Только я, видите ли, чтобы сохранить этотъ домикъ отъ разрушенія, обложилъ его стѣны кирпичомъ, а камышевую крышу, отъ времени



Домикъ Лермонтова въ настоящее время

совершенно развалившуюся, замѣнилъ желѣзной. А вотъ эта пятая комнатка уже въ пристройкѣ, ея при Лермонтовѣ не было.

— То-то,—замѣтилъ мой пріятель,—я какъ поглядѣлъ снаружи на домъ, подумалъ, что здѣсь что-то не такъ.

— Все такъ, все такъ!—поспѣшилъ успокоить хозяинъ,—все, какъ при Лермонтовѣ, а пристройка это отдѣльно. А теперь въ садъ пожалуйте, тамъ тоже есть кое-что,—предложилъ хозяинъ.

Мы снова очутились въ саду.

— Видите,—говорилъ хозяинъ,—вотъ старая акація; она стоитъ какъ разъ противъ итальянскаго окна,—можетъ-быть, здѣсь находился кабинетъ Лермонтова. И на самыхъ старинныхъ фотографіяхъ и рисункахъ это дерево изображено на этомъ самомъ мѣстѣ. Да тутъ много есть современниковъ Лермонтова,—вотъ орѣховое дерево, вотъ другое со сломанной вершиной,—все остатки сада, который былъ при Лермонтовѣ. Можетъ-быть, поэтъ сиживалъ подъ этими деревьями или въ тѣни ихъ скрывался отъ солнца...

— А эта бесѣдка—тоже Лермонтовская?—прервалъ я размечтавшагося хозяина.

— Нѣтъ, это ужъ я построилъ,—отвѣтилъ онъ.

Мы поблагодарили хозяина за радушный пріемъ и распрощались.

Вернулся я домой не совсѣмъ удовлетвореннымъ, мнѣ стало жаль, что домикъ, въ которомъ жилъ одинъ изъ крупнѣйшихъ поэтовъ, не могли сохранить въ цѣлости такимъ, какимъ онъ остался послѣ смерти поэта. Можно было бы сохранить и внутреннюю обстановку, собрать вещи, принадлежавшія поэту, и въ этомъ домикѣ устроить маленькій музей.

Хотѣлось мнѣ возстановить въ своей памяти то мѣсто изъ „Героя нашего времени", гдѣ Лермонтовъ описываетъ свой домикъ. Я раскрылъ книгу и снова, не въ первый разъ, перечиталъ это дивное описаніе:—„Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтви цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно, а вѣтеръ иногда осыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками". Мнѣ не хотѣлось отрываться отъ книги, но свечерѣло: высокія деревья у моего окна густой листвою загораживали остатки дневного свѣта и мѣшали мнѣ читать. Я растворилъ окно,—сквозь вѣтви смутно выдѣлялся на вечернемъ небѣ Машукъ, „какъ мохнатая персидская шапка"; сверху онъ заволакивался облаками, а снизу по лѣсистымъ склонамъ его ползла вечерняя мгла.

Ив. Бѣлоусовъ

1909 г.

ВЪ ТАРХАНАХЪ

Прежде чѣмъ посѣтить могилу М. Ю. Лермонтова въ с. Тарханахъ, Пензенской губ., мнѣ пришлось остановиться въ с. Колдусѣ, отстоящемъ въ 12 верстахъ отъ Тарханъ; здѣсь, въ старомъ помѣщичьемъ одноэтажномъ домѣ, Лермонтовъ со своей бабушкой часто гостилъ у помѣщицы Лопатиной, дружившей съ бабушкой поэта. Домъ этотъ сохранился до сихъ поръ въ прежнемъ видѣ какъ снаружи, такъ и внутри: два подъѣзда,—одинъ парадный, другой—черный, большая прихожая, кухня съ полатями; огромный залъ, а изъ него двери въ гостиную и диванную; широкій коридоръ, съ дверьми, ведущими въ отдѣльныя комнаты,—все это носитъ слѣды глубокой старины и барской первобытности. Изъ диванной выходъ на широкій балконъ съ лѣстницей, ведущей въ садъ...

Отъ родившейся и постоянно живущей въ Колдусѣ старушки я узналъ кое-какія подробности изъ жизни бабушки Лермонтова—Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой... Вотъ содержаніе этого разсказа воспоминаній:

Когда дочь Е. А. Арсеньевой—Марья Михайловна—мать поэта была просватана за Юрія Петровича Лермонтова, то Елизавета Алексѣевна во что бы то ни стало хотѣла какъ можно торжественнѣй и пышнѣе отпраздновать эту свадьбу, но въ такой день, чтобы на это число по святцамъ не приходилось празднованіе памяти мученика или мученицы. По ея повѣрію выходило, что если бы дочь повѣнчалась въ такой день, то она стала бы мучиться всю жизнь. Такъ она выбирала дни во время всего мая мѣсяца и свадьба отложилась до іюня. Бракъ былъ несчастливъ:—Ю. П. Лермонтовъ ревностью, доходящей до болѣзненности, мучилъ и изводилъ молодую жену. Такъ, однажды возвращаясь съ какого-то бала отъ сосѣдей, дорогой онъ поссорился съ женой. Доѣхавъ до крутой горы, онъ

разогналъ лошадей, направилъ ихъ мимо моста, а самъ выскочилъ изъ экипажа. Къ счастію лошади запутались въ вожжахъ и остановились. Были случаи, когда мать поэта скрывалась по деревенскимъ избамъ и овинамъ отъ преслѣдованія мужа. Все это разстроило и безъ того слабое здоровье Марьи Михайловны и привело къ роковому концу: въ субботу 27 февраля 1817 г. ея не стало. Съ мужемъ она прожила около трехъ лѣтъ, рѣдко видаясь съ нимъ.

На другой день послѣ полудня я отправился изъ Колдуса въ Тарханы. Все тѣ же зеленыя поля, пересѣкаемыя балками и холмами, тянутся по сторонамъ дороги. Влѣво отъ дороги уже недалеко отъ Тарханъ — дубовая роща; виднѣется барскій домъ съ домовой церковью, за ними — постройки, службы. Усадьба утопаетъ въ зелени. Обширная площадь зеленаго выгона отдѣляетъ ее отъ села. За выгономъ идетъ улица, вплотную подходящая къ церкви съ часовней-склепомъ, гдѣ покоится прахъ поэта.

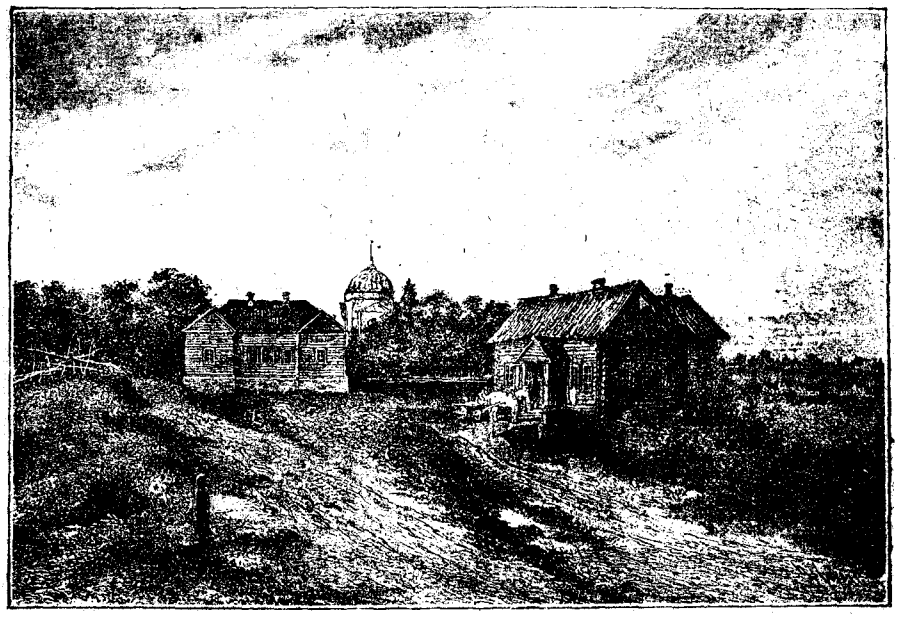
Подхожу все ближе и ближе; глазъ уже ясно различаетъ постройки Тарханъ,—тѣхъ самыхъ Тарханъ, откуда Лермонтовъ 16 января 1836 г. писалъ С. А. Раевскому: „Я теперь живу въ Тарханахъ, въ Чембарскомъ уѣздѣ, у бабушки, слушаю, какъ подъ окномъ воетъ метель (здѣсь все время ужасное, — снѣгъ въ сажень глубины, лошади вязнутъ, сосѣди оставляютъ другъ-друга въ покоѣ, что, въ скобкахъ, весьма пріятно), ѣмъ за десятерыхъ, пишу четвертый актъ новой драмы изъ происшествія, случившагося со мной въ Москвѣ“...

Широкимъ переулкомъ вошелъ я въ село; проходя мимо Лермонтовскаго начальнаго училища, меня окружили дѣти-школьники. Одинъ передъ другимъ они начали мнѣ разсказывать о Лермонтовѣ, а одна дѣвочка прочитала стихотвореніе Лермонтова. Заночевалъ я у бывшаго учителя Тархановскаго училища; вечеромъ къ учителю пришли знакомые крестьяне, завязалась бесѣда; стали читать сочиненія Лермонтова и остановились на стихотвореніи „Предсказаніе“—

Настанетъ годъ,— Россіи черный годъ,
Когда царей корона упадетъ,
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И лица многихъ будетъ смерть и кровь.
Когда дѣтей, когда невинныхъ женъ
Низвергнутый не защититъ законъ;
Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ

Начнетъ бродить среди печальныхъ селъ,
Чтобы платкомъ изъ хижинъ вызывать;
И станетъ гладъ сей бѣдный край терзать...

Долго мы разбирали смыслъ и пророческое значеніе этого стихотворенія, такъ ясно предсказавшаго то, что происходитъ теперь. Изъ бесѣды я узналъ, что какъ только начались разгромы имѣній, очередь дошла и до Тарханской усадьбы. Но тутъ взяло верхъ благоразуміе: собравшись на общемъ сходѣ, тарханцы постановили домъ, садъ и экономическія постройки оставить нетронутыми,



Село Тарханы

однако скотъ рѣшили подѣлить поровну. Сельскохозяйственный инвентарь не уничтожили и продолжаютъ имъ обрабатывать поля. И такъ Тарханы болѣе или менѣе уцѣлѣли. Изъ живыхъ, помнящихъ Лермонтова, въ Тарханахъ никого не осталось. Лѣтъ пять тому назадъ умерла кормилица поэта, а года три спустя — камердинеръ Арсеньевой, но память о поэтѣ не умираетъ среди тарханцевъ: все въ селѣ носитъ имя поэта,—„Лермонтовское общество сельскаго хозяйства“, „Лермонтовское кредитное товарищество“, „Лермонтовская библіотека-читальня“. „Лермонтовская волость“ и даже с. Тарханы

со дня 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія поэта 1914 г. переименовано въ „Лермонтовское—Тарханы".

Утромъ 5 мая я отправился прямо въ усадьбу. Пройдя небольшую улицу села, я подошелъ къ „Лермонтовскимъ курганамъ". Расположены курганы близко другъ къ другу; на вершинѣ кургановъ воронкообразныя углубленія; на одномъ изъ кургановъ растетъ дикая яблоня. Происхожденіе кургановъ неизвѣстно, но надо предполагать, что это были дѣтскія крѣпости; можетъ быть, здѣсь на широкомъ выгонѣ происходили дѣтскія войны, и маленькій Лермонтовъ со своими сверстниками — деревенскими ребятишками строилъ эти крѣпости.

Отъ кургановъ дорожка спускается на плотину малаго пруда, а потомъ мимо сада-парка поднимается къ дому.

Домъ, въ которомъ жилъ М. Ю. Лермонтовъ, сгорѣлъ до основанія въ 1915 г. На мѣстѣ сгорѣвшаго въ скоромъ времени былъ построенъ новый домъ, по наружному виду ничѣмъ не отличающійся отъ прежняго,—такъ же съ двумя подъѣздами, мезониномъ и двумя балконами, выходящими въ садъ. Изъ оконъ дома открывается широкій видъ на Тарханы, на Чембарскую дорогу и на большой прудъ, на которомъ по описанію друга поэта А. П. Шанъ-Гирея „православный людъ стѣна-на-стѣну сходился на кулачки. И я помню, какъ разъ распалакался Мишель, когда Василій садовникъ выбрался изъ свалки съ губой, разсѣченной до крови. На пруду мы разбивались на два стана и перекидывались снѣжными комьями"...

Теперь прудъ обмелѣлъ и сузился.

Расположеніе комнатъ внутри дома—новое. Все, относящееся къ М. Ю. Лермонтову, или сгорѣло, или отвезено родственниками въ Москву.

При послѣдней владѣлицѣ имѣнія—родственницѣ Арсеньевой—въ усадьбѣ произошли большія измѣненія: срублены рощи, вырублена липовая аллея временъ Лермонтова, нѣтъ и старыхъ ветелъ у пруда.

Прямо передъ балкономъ паркъ; влѣво отъ схода съ балкона растетъ старый вязъ-великанъ—современникъ Лермонтова. Отъ пожара въ 1915 г. вязъ сильно пострадалъ, но въ немъ еще сохранился остатокъ жизни и онъ зазеленѣлъ.

Вправо отъ балкона, на любимомъ мѣстѣ матери поэта, послѣ ея смерти бабушкой поэта была построена каменная домовая церковь въ честь Маріи Египетской. Въ концѣ сада уцѣлѣлъ грунто-

вой сарай-теплица старыхъ временъ. За домомъ постройки—всѣ новыя; старыхъ построекъ, временъ Лермонтова, не осталось...

Теперь мнѣ нужно было осмотрѣть часовню, гдѣ покоится прахъ поэта. Ключъ отъ часовни хранится у мѣстнаго священника, кото-

Часовня надъ могилой М. Ю. Лермонтова

рый не отказался пойти и показать мнѣ часовню. Часовня большая, просторная; посрединѣ ея стоитъ надгробный памятникъ поэту изъ чернаго мрамора. На трехъ ступеняхъ постамента изъ плитняка

поставленъ простой обелискъ, возглавленный урной съ крестомъ. Памятникъ обнесенъ черной металлической оградой.

На лицевой, передней сторонѣ памятника написано:

Михайло Юрьевичъ
Лермонтовъ.

Выше надписи выбитъ золотой дубовый вѣнокъ.

Съ лѣвой стороны значится:

Родился
1814-го года, 3-го Октября.

На правой сторонѣ памятника написано:

Скончался
1841-го года, 15-го Іюля.

Позади и влѣво отъ памятника похоронена мать поэта Марія Михайловна. Небольшой изъ сѣраго мрамора памятникъ заканчивается урной съ крестомъ. У подножія креста лежитъ переломанный якорь—символъ разбитой надежды, поруганной вѣры и обманутой любви. На лицевой сторонѣ памятника написано:

Подъ камнемъ симъ лежитъ тѣло
Маріи Михайловны
Лермонтовой,

Урожденной Арсеньевой.
Скончалась 1817-го года, Февраля, 27-го дня въ субботу.
Житія ея было 21 годъ, 11 мѣсяцевъ и 7 дней".

Рядомъ съ памятникомъ матери и вправо отъ памятника поэта, стоитъ памятникъ надъ могилой дѣда. На правой сторонѣ этого памятника значится:

Михайло Васильевичъ
Арсеньевъ.

На передней—

Скончался
1810-го года, 2-го Января.

На лѣвой—

Родился
1718-го года, 8-го января.

Къ нижней части лѣвой стѣны отъ входа и памятника М. Ю. Лер-

монтова прикрѣплена бѣлая мраморная доска съ надписью, указывающей могилу его воспитательницы-бабушки:

Елизавета Алексѣевна
Арсеньева.
Рожденная Столыпина.
Скончалась 16 го ноября 1845-го года.
85-ти лѣтъ.

Памятникъ на могилѣ М. Ю. Лермонтова

На задней стѣнѣ, противоположной двери, позади памятниковъ виситъ большой образъ Воскресенія Христова. Надъ образомъ, по карнизу часовни написано: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ“.

Стѣны часовни окрашены въ бѣлую краску и увѣшаны старинными фамильными образами Арсеньевыхъ.

Снаружи надъ часовней склоняются двѣ старыхъ липы, еще помнящихъ поэта, а у входа растетъ молодой развѣсистый дубокъ, посаженный чьей-то заботливой рукой во исполненіе завѣщанія поэта:

...Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ...

Отъ часовни открывается чудесный видъ на окрестности Тарханъ, на пруды, на усадьбу, гдѣ протекли дни дѣтства поэта и гдѣ ему пришлось „обманутому жизнью во всемъ, которую онъ и ненавидѣлъ и любилъ,—уснуть послѣднимъ сномъ“...

Г. Д. Смагинъ

10 мая 1918 г.

ВАСИЛЬЕВКА

30 мая 1903 года подъѣзжалъ я къ Васильевкѣ. Необъятный просторъ кругомъ... Вспомнилось описаніе степи у Гоголя: „Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши! Ничего въ природѣ не могло быть лучше; вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ"...

Колосятся хлѣба; гречиха цвѣтетъ; степные цвѣты пестрѣютъ повсюду.

Курганы встрѣчаются. Я попросилъ моего возницу остановиться, взошелъ на курганъ. Маленькая зеленая ящерица грѣлась на припекѣ; она испугалась моихъ шаговъ, быстро сбѣжала и скрылась въ травѣ. Съ кургана еще шире, еще величественнѣе казалась степь.

Почти ровная, гладкая дорога тянется по черноземy, окаймленная зеленью хлѣбовъ, травы и цвѣтами. Небо чистое, безоблачное. Солнце высоко; было бы жарко, если бы свѣжій и ароматный вѣтерокъ не дулъ прямо въ лицо. Гудитъ вѣтерокъ мимо ушей, словно хочетъ разсказать что-то, можетъ быть, о сказочномъ прошломъ этихъ степей.

Вотъ показалась бѣлая церковь Васильевки и барскій домъ, и постройки, и садъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы подъѣзжали къ дому Ольги Васильевны Головни.

На террасѣ встрѣтили меня ея внукъ, 13-лѣтній Сережа Головня, и бывшая гувернантка отца Сережи, старушка Елизавета Ивановна Фаренфругъ. Они любезно приняли меня, познакомились.

— Ольга Васильевна сейчасъ выйдетъ,—сказала Елизавета Ивановна и провела меня въ комнату, гдѣ помѣщаются гостиная и столовая вмѣстѣ.

На стѣнахъ портреты. Портретъ Н. В. Гоголя масляными красками, по сторонамъ старые портреты его матери и тетки, тоже мас-

ляными красками; на другой стѣнѣ такіе же портреты сестры и бабушки Н. В. Гоголя и между ними большой портретъ-фотографія ея сына, Вас. Як. Головни. На стѣнѣ, противоположной этой, виситъ старый, масляными красками, портретъ кого-то въ генеральской лентѣ; это какой-то давно умершій министръ, фамилію котораго здѣсь уже забыли и не назвали мнѣ.

Ольга Васильевна скоро вышла и привѣтливо со мной поздоровалась.

— Какъ жаль, что сына моего и его жены нѣтъ дома; они въ Полтавѣ; но вы погостите у насъ?.. Они завтра пріѣдутъ...

Меня пригласили обѣдать.

— Мы здѣсь рано обѣдаемъ!—улыбнулась Ольга Васильевна.

Было около часу дня.

Послѣ обѣда мы вдвоемъ съ Сережей Головней отправились гулять. Сходили посмотрѣли школу, сходили къ могилѣ родителей Н. В. Гоголя, въ оградѣ церкви. На покосившемся крестѣ надпись:

„Василій Аѳанасьевичъ (род. 1777 г., скон. 1825 г.) и супруга его Марія Ивановна (род. 1791 г., сконч. 1868 г.) Гоголь. Миръ праху вашему!“

Посмотрѣли деревянную звонницу, построенную въ оградѣ церкви по рисунку Н. В. Гоголя.

Прошли къ группѣ ясеней, насаженныхъ Н. В. Гоголемъ.

Потомъ гуляли въ дивномъ Гоголевскомъ саду; я любовался и прудомъ, и цвѣтущей у пруда бузиной, и огромными дубами, и зарослями береста, и ясенями, и тополями, и кленомъ... Хорошо было въ тѣни этого сада...

Ольга Васильевна Головня, родная сестра Н. В. Гоголя, чудная старушка: добрая, привѣтливая. Ей 78 лѣтъ, но едва ли на видъ можно ей дать больше шестидесяти. Одѣта она во все свѣтлое и совершенно не терпитъ чернаго цвѣта.

— Съ тѣхъ поръ, какъ пришлось носить трауръ по братѣ...— сказала мнѣ она.

Ненависть ея къ черному цвѣту была одной изъ причинъ, почему не поѣхала она въ Москву на чествованіе памяти брата.

Пришлось бы одѣваться для панихиды въ черное...

Она не держитъ даже черныхъ индюковъ и куръ, только бѣлыхъ и пестрыхъ держитъ.

Ольга Васильевна нѣсколько глуха на оба уха, но это не отъ старости: она съ дѣтства оглохла, съ шести лѣтъ.

Глухою зналъ ее и любилъ ея великій братъ, и вотъ какъ относился онъ къ этому ея недостатку.

— Однажды въ моемъ присутствіи,—разсказала мнѣ Ольга Васильевна,—братъ велъ оживленный разговоръ съ одной дамой. Потомъ я сказала брату: „Какъ жаль, что я глуха, не слышала вашего разговора“... А онъ отвѣтилъ: „Это хорошо, что ты глуха: ничего дурного не слышишь“... Онъ и самъ былъ немножко глуховатъ, но только на одно ухо, и при разговорѣ иногда склонялся ухомъ къ говорившему и спрашивалъ: „А?..“

Нужно громко говорить, чтобы слышала Ольга Васильевна. Она любитъ поговорить; сама любитъ вспомнить о братѣ.

Я пробылъ въ Васильевкѣ цѣлый день. Ольга Васильевна нѣсколько разъ въ теченіе дня разсказывала о братѣ; я записалъ все, что отъ нея услышалъ. Самъ я не рѣшался безпокоить добрую старушку разспросами, я только высказалъ удивленіе, почему вотъ на этомъ портретѣ Николая Васильевича художникъ изобразилъ волосы и глаза темнѣе, чѣмъ на портретахъ въ Третьяковской галлереѣ.

— Тѣхъ портретовъ я не видѣла,—сказала Ольга Васильевна,—а брата представляю себѣ именно такимъ, какимъ видите вы его на этомъ портретѣ... Помню я брата почти съ моего дѣтства. Мнѣ было уже двадцать шесть лѣтъ въ 1852 году, когда онъ умеръ. Онъ былъ на шестнадцать лѣтъ старше меня: онъ родился въ девятомъ, а я—въ двадцать пятомъ году, и замѣтьте, въ одинъ и тотъ же день, 19 марта, родились мы: онъ, первый сынъ, а я — послѣдняя дочь въ нашей семьѣ. Это случайность, что онъ родился въ Сорочинцахъ... Вотъ какъ это было. У нашей матери было два выкидыша... Послѣ того родители молились предъ чудотворной иконой и дали обѣщаніе, что если родится у нихъ сынъ, то назовутъ его Николаемъ, во имя святителя Николая чудотворца. Тогда трудно было устроить, чтобы пріѣхали къ вамъ во-время акушерка или докторъ. Когда пришло время, отецъ поѣхалъ съ матерью къ доктору Трофимовскому, въ его имѣніе Сорочинцы. И вотъ родился тамъ, въ домѣ доктора, мой братъ, и родители назвали его Николаемъ. Братъ любилъ вспоминать о томъ, почему назвали его Николаемъ. Какъ только мать оправилась, переѣхала съ новорожденнымъ въ Васильевку. Здѣсь онъ и росъ, и жилъ... Да, я очень хорошо помню брата...

Волосы у него были русые, а глаза—коричневые. Въ дѣтствѣ у него были свѣтлые волосы, а потомъ потемнѣли. Особенно у него потемнѣли волосы послѣ того, какъ онъ обрился въ Петербургѣ. Существовало такое убѣжденіе, что кто изъ Малороссіи пріѣзжаетъ въ Петербургъ, на того вода петербургская такъ дѣйствуетъ, что волосы вылѣзаютъ... И братъ, какъ пріѣхалъ въ Петербургъ, обрился. Послѣ того волосы у него потемнѣли. Ѣздилъ съ нимъ лакей отсюда, онъ и тому совѣтовалъ обриться, но лакей не послушался и лысымъ сталъ... Росту братъ былъ ниже средняго; худощавымъ я его никогда не видѣла; лицо у него было круглое, какъ видите на портретѣ, и всегда у него былъ хорошій цвѣтъ лица, я не видала его болѣзненно-блѣднымъ... Немножко онъ былъ сутуловатъ, это замѣтнѣе было, когда онъ сидѣлъ. Говорятъ, гдѣ-то, кто-то слышалъ, какъ онъ малороссійскія пѣсни пѣлъ, а я не слышала чтобы онъ пѣлъ. Онъ любилъ слушать, какъ поютъ или играютъ. Меня часто просилъ играть ему на фортепіано малороссійскія пѣсни. „А ну-ка,—говоритъ,—сыграй мнѣ „Чоботы"... Стану играть, а онъ слушаетъ и ногой притопываетъ... Ужасно любилъ онъ малороссійскія пѣсни... Видѣла я, какъ онъ разъ нищихъ позвалъ, и они ему пѣли... Но это онъ хотѣлъ сдѣлать такъ, чтобы никто изъ насъ не видѣлъ: онъ позвалъ ихъ къ себѣ въ комнату.. Братъ жилъ тогда во флигелѣ... Я разсказала этотъ случай художнику Волкову, а онъ картину такую написалъ...

Ольга Васильевна показала мнѣ фотографію съ картины.

— Вотъ, видите, художникъ написалъ террасу прежняго дома, братъ сидитъ, кобзарь поетъ, а на террасѣ, можетъ быть, это мать, а это кто-нибудь изъ насъ, сестеръ... Слушалъ братъ кобзаря не здѣсь... А вотъ на этой самой террасѣ, которую Волковъ написалъ, принималъ братъ и угощалъ однажды мужиковъ, при этомъ и я была. Попросилъ братъ напечь пироговъ съ сыромъ, приготовить наливки, позвать всѣхъ тяглыхъ мужиковъ, имѣющихъ воловъ и отбывающихъ барщину. Когда они всѣ собрались, братъ, угощалъ ихъ каждому далъ по два рубля и сказалъ:

— Спасибо вамъ, братцы, что вашими волами вы моей матери землю обрабатываете!..

Мужики были очень удивлены, а одинъ изъ нихъ бросился брату въ ноги и воскликнулъ:

— Баринъ, ужъ будьте вы сами хозяиномъ!..

— Старайтесь, чтобъ у васъ все было, — сказалъ тогда мужикамъ братъ.

Однажды братъ прислалъ матери денегъ, просилъ купить и раздать по теленку тѣмъ мужикамъ, у кого нѣтъ скотины, чтобы обзаводились.

Какъ-то позвалъ меня братъ:

— Пойдемъ, сестра, къ мужикамъ...

Пошли мы съ нимъ. Зашли въ одну хату: чистота, порядокъ хотя и не видно лишняго... Одна только баба дома оказалась... Обрадовалась намъ: „Вотъ,—говоритъ,—сегодня ко мнѣ двѣ пташки влетѣли, къ чему-то, думаю?.. А вотъ оно такъ и вышло: опять, вижу, двѣ пташки ко мнѣ влетѣли...Сядьте, — говоритъ, —покушайте". Не успѣли мы возразить, какъ она яицъ нѣсколько штукъ разбила на сковородку, солому въ печкѣ зажгла и уже яичницу намъ подаетъ. Намъ совсѣмъ не хотѣлось ѣсть, но пришлось поѣсть яичницы, чтобы не обидѣть бабу. Въ другую хату пришли, видно, прямо богато живутъ... Братъ обрадовался и сталъ хозяина хвалить за то, что онъ старается, работаетъ и сберегаетъ... И сталъ говорить изъ Евангелія, что кто много имѣетъ, тому еще больше Богъ пошлетъ, что нужно стараться, работать... Еще въ одну хату зашли: бѣднота кругомъ — и грязно и неряшливо... Мужикъ въ той хатѣ сталъ кланяться, просить помощи на бѣдность свою. Братъ огорчился и ничего не далъ мужику тому и посрамилъ, что онъ не умѣетъ заработать, зажиться. И больше въ тотъ разъ не захотѣлъ братъ заходить въ другія хаты, пошли мы съ нимъ домой.

Онъ былъ мнителенъ: не расхвораться бы; часто лѣчился. Просилъ меня дѣлать ему цѣлебныя настойки. Мы ходили съ братомъ въ степь, и онъ указывалъ мнѣ тамъ цѣлебныя травы, о которыхъ, впрочемъ, онъ и самъ зналъ мало... Указывалъ желтенькіе цвѣточки, похожіе на пуговички, а листья, какъ у рябины, и говорилъ:

— Это — рябинка, полезная трава... Ты сдѣлай мнѣ изъ нея настойку.

Еще просилъ сдѣлать настойку, которая называется: „Бѣлая невхорошь", и лѣчился этой настойкой. Часто братъ любилъ говорить мнѣ, что каждый человѣкъ непремѣнно долженъ стараться быть полезнымъ для другихъ, чѣмъ только онъ въ силахъ; нельзя жить только для себя одного... Я долго думала, чѣмъ бы и я могла быть полезной другимъ?.. Надумала лѣчить. Тогда по деревнямъ ни док-

торовъ, ни фельдшеровъ не было. Брату очень понравилась моя мысль. Посовѣтовалъ онъ мнѣ научиться лѣчить травами, и тогда мы съ нимъ старались вмѣстѣ распознавать въ степи какъ можно больше цѣлебныхъ травъ. Дѣло шло плохо: мы очень мало знали. Братъ говоритъ:

— Вотъ подожди, я выпишу изъ Кіева профессора Максимовича, онъ пріѣдетъ и насъ поучитъ.

Пріѣхалъ Максимовичъ къ намъ, привезъ книги и сталъ намъ всякія травы показывать и объяснять... И по книгамъ, и въ лѣсу травы искали и въ степь ходили. Мы съ братомъ слушаемъ, смотримъ... Вижу, что мнѣ и въ нѣсколько лѣтъ всего не усвоить, и говорю профессору Максимовичу: „Вы уже мнѣ только однѣ полезныя для лѣкарствъ цѣлебныя травы показывайте“... Сталъ онъ только однѣ цѣлебныя травы показывать... И все-таки не очень-то многому научились мы въ двѣ недѣли, пока гостилъ у насъ профессоръ Максимовичъ. Однако чему научились, тѣмъ стали пользоваться: лѣчить крестьянъ. Скоро у меня стали очень многіе лѣчиться. Братъ говорилъ:

— Только смотри же, никогда за лѣкарства денегъ не бери.

По ту сторону пруда, гдѣ теперь домъ и садъ Быковыхъ, тамъ нигдѣ не было дорожекъ. Братъ захотѣлъ расчистить тамъ дорожки. Крестьяне имѣли въ недѣлю три дня свободныхъ отъ панщины. Братъ нанималъ крестьянъ въ ихъ свободные дни, и они расчищали дорожки; по утрамъ иногда уходилъ онъ смотрѣть, какъ работаютъ. Однажды братъ меня спрашиваетъ:

— Можешь ты встать къ тремъ часамъ утра, къ восходу солнца?

Я отвѣтила: „Если нужно, то могу“.

— Такъ, пожалуйста, я тебя прошу, завтра къ тремъ часамъ будь за прудомъ, гдѣ расчищаютъ дорожки, и понаблюдай за работами, пока я приду.

Назавтра я встала рано и уже къ тремъ часамъ была за прудомъ и смотрѣла, какъ работали; въ седьмомъ часу братъ пришелъ, отпустилъ меня домой, а самъ остался. Вздумалось брату сдѣлать тамъ же, въ лѣсу, по ту сторону пруда, возвышеніе. Стали насыпать земли: бугоръ вышелъ, словно могила... Онъ хотѣлъ каждый годъ постепенно прибавлять земли къ этому возвышенію, чтобы съ вершины далеко видно было кругомъ... Впослѣдствіи на этомъ возвышеніи дерево посадили, и теперь оно растетъ...

Братъ вставалъ въ шесть часовъ утра, пилъ кофе и садился писать. Иногда послѣ утренняго кофе шелъ въ лѣсокъ, по ту сторону пруда, понаблюдать, какъ тамъ работали: расчищали дорожки, и, уже вернувшись оттуда, садился писать. Занимался до часу дня, иногда до двухъ. Онъ каждый день писалъ; кажется, насколько я помню, и въ праздники братъ писалъ. Послѣ занятій уходилъ въ садъ гулять. Потомъ обѣдали. Послѣ обѣда, часа въ четыре, братъ уходилъ каждый день пѣшкомъ въ Яворивщину,—тамъ пасѣка наша и лѣсъ. Это за четыре версты отсюда. Около семи часовъ вечера онъ возвращался домой; всѣ собирались въ гостиной и занимались какимъ-нибудь рукодѣльемъ.

Иногда братъ говорилъ:

— Вотъ вы всѣ за дѣломъ, а у меня нѣтъ работы.

И принимался раскрашивать библейскія картинки, которыя онъ привезъ. Эти картинки, размалевавши красками, онъ просилъ меня раздать мужикамъ и объяснить имъ, что на картинкахъ изображено, и просилъ разсказывать мужикамъ библейскую исторію.

Пили поздній вечерній чай, и часовъ въ девять или десять вечера братъ, какъ и всѣ мы, ложился спать.

Такъ изо дня въ день.

Пріѣзжалъ братъ въ Васильевку обыкновенно въ маѣ, такъ числа девятаго, а уѣзжалъ въ концѣ августа.

Однажды, когда пріѣхалъ братъ, былъ голодный годъ. Хлѣба такіе были низенькіе, что бабы руками вырывали ихъ изъ земли, потому что нельзя было захватить серпомъ... Машинъ тогда не было.

Мы шли съ братомъ изъ Яворивщины; онъ остановился посмотрѣть, какъ бабы работаютъ: хлѣба изъ земли вытаскиваютъ... Стали плакаться бабы, какъ имъ трудно теперь, какъ руки саднятъ, болятъ... А братъ утѣшалъ ихъ:

— Это хорошо,что такъ теперь страдаете, зато будетъ вамъ блаженство въ Царствѣ Небесномъ.

Былъ у насъ въ Яворивщинѣ старикъ-пасѣчникъ, и тоже примнѣ сталъ онъ брату жаловаться, какъ трудно ему старость переносить... И ему тоже братъ сказалъ:

— Это хорошо, что трудна тебѣ старость: выстрадаешь себѣ Царство Небесное.

А пасѣчникъ отвѣтилъ:

— Эхъ, панъ, что больше живешь, то больше грѣха наберешься!..

Часто братъ давалъ деньги для помощи истинно нуждающимся. Если ему говорили, почему онъ о себѣ не думаетъ, что самому ему понадобятся деньги, онъ отвѣчалъ:

— Я и думаю о себѣ... Это я взаймы даю: на томъ свѣтѣ я получу обратно.

Одинъ разъ, когда мы шли съ нимъ изъ церкви, братъ на ходу правой рукой обнялъ меня за шею, печально склонилъ голову къ моему плечу и сказалъ:

— Сестра, какъ бы это устроить, чтобы давали въ церкви просфору не только однимъ панамъ, но всѣмъ молящимся?.. Вотъ что: я буду тебѣ присылать денегъ, а ты покупай муки на просфоры... Каждое воскресенье пусть разрѣжутъ двадцать-пять просфоръ, каждую на четыре части, и чтобы въ церкви давали всѣмъ...

Такъ мы и дѣлали.

Съ каждымъ пріѣздомъ все чаще жаловался братъ на боль въ груди.

— Вотъ тутъ больно,—показывалъ онъ.

Холода онъ очень боялся. Въ послѣдній разъ онъ уѣхалъ отсюда съ намѣреніемъ прожить зиму въ Римѣ, но заѣхалъ въ Москву, а тамъ друзья стали упрашивать его остаться, пожить въ Россіи, не ѣздить въ Римъ... Братъ очень отговаривался, все повторялъ, что ему вредны морозы... А надъ нимъ подшучивали, увѣряли его, что это все ему только такъ представляется, что отлично онъ перенесетъ зиму въ Россіи... Уговорили брата... Онъ остался—и умеръ.

Потомъ старшій мой сынъ умеръ. Тогда намъ сталъ невыносимъ нашъ старый домъ...

Есть въ народѣ такое повѣрье: если строящій домъ подрядчикъ разсердится на хозяина и если „заложитъ домъ на его голову“, то несчастье тяготѣетъ надъ тѣмъ домомъ. Въ нашей семьѣ всѣ мужчины умирали... Мы рѣшили, что проклятый этотъ домъ, и срыли его, а новый построили, хотя и рядомъ почти съ прежнимъ, но все же на другомъ мѣстѣ. И вотъ какое странное явленіе было послѣ того, какъ разрушили старый домъ. Подъ Свѣтлый праздникъ наша горничная отпросилась пойти къ своимъ роднымъ, собралась уходить, но легла отдохнуть на минутку и крѣпко заснула. А когда проснулась, разсказала намъ, что видѣла сонъ: будто бы старый прежній домъ былъ цѣлъ и она тамъ была, и видѣла въ томъ домѣ много мужчинъ, только однихъ мужчинъ, и ни одной женщины. И стала

она разсказывать намъ, кого видѣла. Назвала моего умершаго сына, моего брата, отца... „А еще,—говоритъ,—видѣла мужчину съ черной бородой", и другія стала примѣты говорить. Мы узнали по ея разсказу нашего умершаго дядю, котораго она никогда не видѣла и не знала. Также она разсказала намъ и о другихъ нашихъ умершихъ мужчинахъ-родственникахъ, которыхъ видѣла въ этомъ снѣ, но которыхъ она никогда не знала...

Когда я слушалъ этотъ разсказъ, мнѣ думалось, что въ большомъ чудномъ пруду Васильевки еще живутъ русалки, и что ночью

О. В. Головня

можно было бы видѣть, какъ онѣ выходятъ на берегъ пѣть заунывныя пѣсни и расплетать свои дивныя косы... И мнѣ жаль было, что не могу я остаться въ Васильевкѣ на „Майскую ночь"... А меня радушно оставляли погостить.

Я могъ пробыть еще не больше трехъ часовъ. Этимъ временемъ предложили мнѣ воспользоваться, чтобы съѣздить на пасѣку, въ Яворивщину.

Пара лошадей быстро покатила тарантасъ; кучеръ только чуть пошевеливалъ вожжами. Въ тарантасѣ мы сидѣли вдвоемъ съ О. В. Головней.

Въ Яворивщинѣ встрѣтилъ насъ пасѣчникъ; мы прошли къ уль-

ямъ. Въ хаткѣ подъ соломенной крышей были сухіе соты и разный скарбъ пасѣчника.

— Эта хата какъ разъ такая самая, какая и при братѣ была... А можетъ-быть, и та же самая... А вотъ эти ульи новые; тогда были круглые ульи, простые, вотъ какіе,—показала Ольга Васильевна на нѣсколько уцѣлѣвшихъ старыхъ дуплистыхъ ульевъ.

Недавно пасѣчникъ скосилъ немного травы; медовымъ, какимъ-то особенно сладкимъ ароматомъ вѣяло здѣсь отъ свѣжаго сѣна.

Кустарники и лѣсокъ тянулись къ ложбинѣ; тамъ, въ глубинѣ ложбины—густыя заросли лѣса и свѣжесть, и прохлада, и слышались теперь тамъ соловьиныя трели.

— Вонъ кустикъ въ степи, видите?..—показалъ мнѣ пасѣчникъ.— То на границѣ, дальше—Кочубея земля.

По окраинѣ лѣса Яворивщины насажены фруктовыя деревья, это—молодой садъ.

Пасѣчникъ указалъ Ольгѣ Васильевнѣ на первыя созрѣвшія черешни.

— Нужно попробовать первую ягоду,—сказала Ольга Васильевна и, сорвавъ двѣ ягоды, сначала одну скушала сама, потомъ другую отдала мнѣ:—Попробуйте. Если первую ягоду хозяинъ попробуетъ,—сказала Ольга Васильевна,—много у него будетъ и ягодъ, и фруктовъ; а если первую ягоду чужой человѣкъ себѣ возьметъ, тогда весь урожай фруктовъ пропадетъ: разворуютъ люди... Такъ-то и у насъ бывало.

И опять вспомнилась мнѣ „Майская ночь“...

Въ Васильевку вернулись мы какъ разъ въ то время, когда я долженъ былъ уѣзжать къ поѣзду.

Горячо поблагодаривъ, я простился и сѣлъ въ экипажъ моего возницы. Но тутъ ожидалъ меня еще одинъ пріятный сюрпризъ: срѣзали нѣсколько розъ и бутоновъ и отдали мнѣ.

— Возьмите изъ Гоголевскаго сада на память,—сказала Ольга Васильевна.

Экипажъ покатился. Снявъ шляпу, оглянулся я назадъ, на это гнѣздо великаго пѣвца, откуда я уѣзжалъ. Три милыя, добрыя дамы стояли на террасѣ дома и махали платками, пока скрылся я за постройками и садомъ на поворотѣ дороги.

Такъ радушна Васильевка.

А. Мошинъ

7 іюня 1903

Н. В. ГОГОЛЬ ВЪ ВАСИЛЬЕВКѢ.

Жаркій іюльскій день! Такой яркій, веселый, солнечный, какіе бываютъ въ Малороссіи.

Надъ Васильевкой,—родовымъ имѣніемъ Гоголей,—полудневная тишина. На неширокомъ балконѣ, за колоннами не видать ни души. Окна, выходящія на солнечную сторону, завѣшаны отъ жгучихъ лучей солнца занавѣсками. Изрѣдка вѣтерокъ доноситъ съ сосѣдней дороги запахъ чебреца, а съ ближайшихъ огородовъ тянетъ мятой, спѣлымъ макомъ и подсолнечниками...

Сегодня въ Васильевкѣ праздникъ: пріѣхалъ баринъ — Николай Васильевичъ Гоголь. Сестра его—Ольга Васильевна Головня — ужъ такъ-то обрадовалась пріѣзду брата, котораго давно не видала; она сейчасъ же послала за батюшкой, чтобы отслужить благодарственный молебенъ, и заказала парадный обѣдъ; сама ходила на кухню, присматривала за кушаньями, то за тѣмъ, то за другимъ посылала людей на погребъ...

И вотъ теперь господа только что вернулись изъ церкви отъ обѣдни. Они отслушали молебенъ, а потомъ сходили на погостъ и поклонились роднымъ могиламъ,—отслужили панихиду. Тамъ, около церковной ограды почиваетъ родитель Николая Васильевича—Василій Аѳанасьевичъ... Вернулись господа въ домъ и завтракаютъ во внутреннихъ покояхъ.

Николай Васильевичъ немного усталъ съ дороги, но чувствуетъ себя хорошо; онъ разспрашиваетъ сестру о хозяйствѣ, о крестьянахъ... Кругомъ тишина. Вдругъ издалека послышалось пѣнье,—звуки — густые и крѣпкіе—разливались и плыли въ воздухѣ; слышался знакомый мотивъ и знакомыя слова, — это слѣпецъ-лирникъ шелъ по дорогѣ и пѣлъ, все ближе и ближе приближаясь къ усадьбѣ

Вотъ уже и слова можно разобрать—онѣ величественно-строги, какъ и самый мотивъ старой казацкой думы:

Ой, зійшла заря вечіровая,
Надъ Почаівомъ стала.
Віступало турецкее війско
Як та черна хмара...

(Ой, вышла звѣзда вечерняя и надъ Почаевомъ встала. Выступало турецкое войско, какъ черная туча...)

Николай Васильевичъ замолчалъ и прислушивается

Ой, рятуй, рятуй, Божая Матірь,
Монастырь загибае...

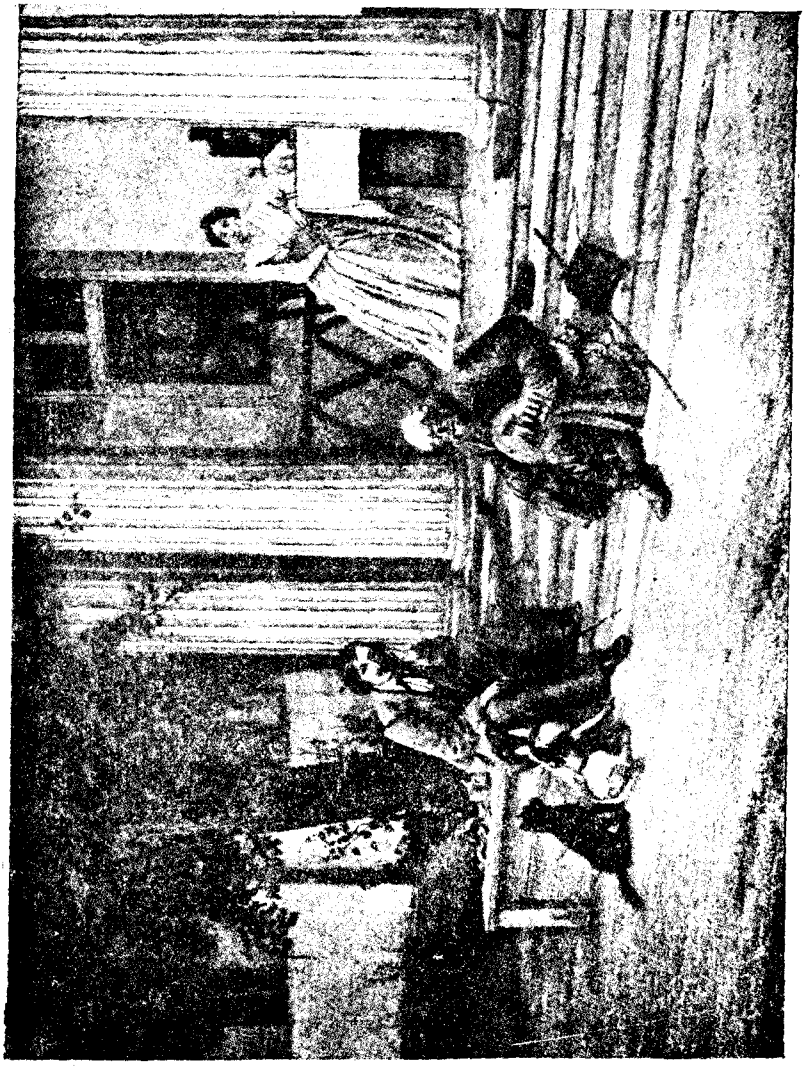
Какъ будто плачетъ и молитъ голосъ лирника. Николай Васильевичъ поднялся изъ-за стола и направился къ дверямъ на балконъ;—дверь отворилась и его фигура въ черномъ сюртукѣ четко выдѣлилась на бѣломъ фонѣ колонны. Онъ стоялъ неподвижно, прислушиваясь, а пѣсня все приближалась и приближалась, и замолкла. Николай Васильевичъ какъ будто очнулся и быстро вошелъ въ домъ,—и сейчасъ же оттуда выбѣжала горничная въ бѣломъ передникѣ и побѣжала къ калиткѣ сада. Черезъ нѣсколько минутъ она уже возвращалась назадъ, ведя за собой высокаго, сѣдого старика съ лирой. Николай Васильевичъ снова появился на балконѣ. Слѣпца-лирника усадили на ступеньки террасы и Николай Васильевичъ помѣстился тутъ же рядомъ съ нимъ. Вышла и Ольга Васильевна; она приказала вынести самоваръ на террасу и усѣлась за столъ.

И старушка мать Николая Васильевича—Марья Ивановна, услышавъ знакомое пѣніе, подошла къ окну и слушаетъ. Прибѣжали двѣ собачки и ласкаются къ Николаю Васильевичу, а онъ и не замѣчаетъ ихъ,—онъ и про чай забылъ, который принесла ему сестра и поставила съ пастилой и вареньемъ тутъ же, на террасѣ. Онъ весь слухъ и вниманіе; передъ его духовными очами встаетъ былое Украины,—какъ бились запорожцы съ турецкимъ султаномъ и гордымъ ляхомъ, какъ они носились на лихихъ коняхъ по степнымъ просторамъ; въ его душѣ оживаютъ образы и картины его „Тараса Бульбы"...

А лирникъ уже началъ другое:

Ой не шуми, луже,
Зеленій байраче!

Не плачь не журися,
Молодый казаче!
Не сам же я плачу—



Гоголь въ Васильевкѣ

Плачуть карі очі,
Що не ма спокою
А ні вдень, ні вночі...

Николай Васильевичъ подперъ голову рукой—слушаетъ—и слова не проронитъ.

Пѣсня кончена. Лирникъ замолчалъ и шаритъ рукой около себя,—справляется—тутъ ли его шапка и палка.

— А ну,—про Морозенку!—говоритъ Николай Васильевичъ.

Лирникъ мѣняетъ строй и уже повышеннымъ голосомъ начинаетъ:

Ой, Морозе—Морозенку,
Ти славний козаче;
За тобою, Морозенку,
Вся Вкраіна плаче...

Голосъ пѣвца звучитъ увѣренно—въ немъ слышна и удаль казацкая и грусть великая о томъ, что было и не вернется никогда... Задумался и Николай Васильевичъ, еще ниже опустилъ голову—и весь ушелъ въ прошлое, далекое прошлое...

Ив. Бѣлоусовъ

НА РОДИНѢ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Давно уже созрѣло у меня желаніе побывать на родинѣ Тараса Григорьевича Шевченка. Осенью 1913 г. желаніе это осуществилось.

Отъ станціи Воронцово Городище, юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, до Кирилловки тридцать верстъ.

Рано утромъ поѣздъ подошелъ къ станціи. Пустынно и тихо вокругъ. Стоятъ два крестьянина съ батогами въ рукахъ, повидимому, извозчики. Спрашиваю:

— Вы извозчики будете?

— А вамъ куда?—спрашиваютъ извозчики въ свою очередь и, точно сговорились—въ одинъ голосъ.

— Въ Кирилловку.

Задумались; чешутъ затылки.

— Не поідемо.

— Почему такъ?

— Далеко.

Больше и разговаривать не стали, отвернулись и ушли вдоль платформы.

Солнце успѣло уже подняться высоко. Оборванный еврейскій мальчишка суетъ обтрепанныя грязныя газеты. Но мнѣ не до газетъ.

Подходитъ священникъ. Типичный малороссъ. Борода густая, съ просѣдью, лицо круглое, подернутое загаромъ деревенскаго воздуха.

— Вы куда это рядили извозчиковъ? Суббота сегодня; если бы не суббота,— вы могли бы найти еврея. Здѣсь евреи занимаются извозомъ.

Помолчавъ съ минуту, онъ добавилъ:

— Хотите, я васъ свезу. Мнѣ все равно ѣхать черезъ Кирилловку. Только вамъ придется подождать. За мною долженъ пріѣхать

псаломщикъ, да вотъ что-то нѣтъ; задержало, должно быть, что-нибудь.

Мнѣ оставалось только поблагодарить любезнаго батюшку.

Рядомъ стоитъ молодой человѣкъ въ фуражкѣ чиновника.

— Это мой родственникъ, — поясняетъ священникъ, — ѣдетъ ко мнѣ погостить. Я былъ въ Кіевѣ, вотъ и прихватилъ.

— А помѣстимся ли мы на одной повозкѣ?—освѣдомился я.

— О, на этотъ счетъ не безпокойтесь. Повозка у моего псаломщика вмѣстительная. У васъ вещей немного? Ну, такъ чего же вы! И у меня немного—всего одна корзина. А у него чемоданъ,— указалъ онъ на чиновника.

Вмѣсто псаломщика пріѣхалъ старикъ лѣтъ подъ семьдесятъ, съ сухой морщинистой кожей на лицѣ и какой-то сѣрой растительностью—отецъ псаломщика.

Сговорились за два рубля. Возница покормилъ лошадей. Сѣли и поѣхали.

„Батюшка“ рядомъ съ возницей, подмостилъ подъ сидѣнье корзину, а я и чиновникъ сзади, „якъ подобае панамъ“, какъ выразился возница.

II

Степь... широкая, безпредѣльная. Ни кустика, ни деревца. Тонутъ въ прозрачномъ воздухѣ синѣющія дали. У самаго горизонта протянулась палевая полоса—должно быть, лѣсъ. Летаютъ грачи, садятся и сливаются съ черной, разрыхленной для посѣвовъ землей. Несмотря на конецъ августа, солнце припекаетъ по-лѣтнему и кое-гдѣ киваютъ головками придорожные голубенькіе и желтые цвѣты. На помѣщичьихъ земляхъ круторогіе волы парою и четверней цугомъ дробятъ желѣзными боронами землю, а крестьяне пашутъ тощими низкорослыми лошаденками, похожими издали на котятъ.

А степь застыла, отливаетъ маревомъ, уходитъ далеко.

Гей, старый казаче, выходи, взгляни по сторонамъ; твоя ли это степь, гдѣ игралп удаль и молодечество? гдѣ лихіе вѣтры носились и гнали безъ предѣла-краю колесомъ ковыль-траву? гдѣ маячили и горбились могильные курганы? Теперь и могилъ не видно; все сравняла рука человѣка. Размножился народъ по Днѣпровской равнинѣ, размножилось и выросло его горе тяжкое.

Думи мої, думи,
Лихо мині з вами...

Бродятъ они „сумными рядами“, а вѣтеръ подхватываетъ и несетъ по полю.

Повозку то и дѣло подбрасываетъ; не дороги, а костоломки какія-то.

— Вы знаете Тараса Шевченка?—спрашиваетъ „батюшка“, обращаясь къ возницѣ. Старикъ удивленно глядитъ на „батюшку“.—Не знаете. Того самого, що болівъ за васъ душею и сердцемъ. Всю жизнь надію на васъ клавъ, шо вы въ розумъ войдете, да такъ и въ могилу ушовъ. По сій самой земли, що мы ідемо, и вінъ колись ходивъ, а може и іздивъ.

Попадаются по пути села, мелькнула вдали помѣщичья усадьба, густо обсаженная пирамидальными тополями. Ѣдемъ такъ долго. Уже и солнце близится къ закату. На западѣ стоитъ туча, большая и круглая, а края золотые. Возница говоритъ:

— Да тутъ и не тридцать верстовъ.

— А сколько же?

— Більше.

— „Батюшка“ безпокоится, какъ бы къ вечернѣ не запоздать. А возница успокаиваетъ:

— Доідемо. Як Бог даст,—усе буде добре.

III

Вотъ и Кирилловка.

Улицы кривыя и узкія; мелькаютъ изъ-за вишневыхъ садиковъ начисто выбѣленныя хаты съ крохотными подслѣповатыми оконцами; полуразвалившіеся плетни густо и причудливо увиты широкими лопушастыми листьями „гарбуза“. Точно нетухнущія далекія лампадки свѣтятся желтыя чашечки цвѣтка съ золотистой пылью внутри. Уже и плоды созрѣли, перевѣсились они черезъ плетни огромными шапками, а горячее солнце все еще родитъ жизнь, и новые побѣги тянутся и даютъ новые цвѣты.

Зачахнутъ они и умрутъ, побиты ранними морозами, и все же они тянутся, просятъ ласки у солнца.

Старикъ бредетъ по улицѣ. Глаза мутные, какъ застоявшаяся вода въ озерѣ, на головѣ „брыль“, сѣдовато-желтая борода. Палка

въ рукахъ. Тяжело старикъ опирается на толстую суковатую палку.

Мнѣ надо знать, гдѣ хата Григорія Шевченка, и я обращаюсь къ старику:

— Дѣдъ, вы не знаете, гдѣ хата Григорія Шевченка?

Дѣдъ останавливается, подымаетъ голову и пристально вглядывается.

— Вамъ якого Григорія Шевченка, іх тут два.

— Внука Тараса Григорьевича, того самаго, что портреты снимаетъ.

— Як не знаю,—отвѣчаетъ старикъ и какъ будто удивляется, что ему задаютъ такого рода вопросъ.—Вулочку пройдете,—поверните направо. Бачите маячитъ церковь?

— Бачу,—отвѣчаю я, стараясь попасть въ тонъ старику.

— Недалечко отъ церкви и хата Григорія Шевченка буде. Там опитаете у людей.

„Батюшка“ съ удивленіемъ поглядываетъ на меня.

— Столько времени ѣдемъ, а я и не спросилъ,—говоритъ онъ.—Вы, можетъ быть, ѣдете матеріалъ собирать о Тарасѣ Григорьевичѣ?

Я подтвердилъ предположеніе „батюшки“.

— А сами откуда?

— Изъ Москвы.

Тогда онъ, обращаясь къ возницѣ, сказалъ:

— Отъ бачите, изъ самой Москвы человѣкъ пріѣхалъ, а вы, можетъ, сто разъ ѣздили черезъ Кирилловку, какое сто разъ,—поправился онъ,—можетъ, тысячу разъ, а о Тарасѣ Шевченкѣ ничего не знаете. Темны вы люди! Тарасъ Шевченко великій человѣкъ! Сто годовъ буде, як родився вінъ, а до сихъ поръ нема человѣка равнаго ему. Эге, вотъ значитъ якій бувъ человѣкъ. Постойте, пріѣдемъ до дому, я дамъ книжечку, нехай вамъ ваши внучата почитаютъ о немъ.

Выѣхали изъ „вулочки“ и очутились на левадѣ, густо заросшей травой. Стадо гусей пасется, телята ходятъ. Изъ хаты выбѣжалъ мальчикъ, босой и простоволосый, остановился и какъ бы застылъ, такъ любопытно было ему глядѣть на насъ.

— Кругу дадимъ,—говоритъ „батюшка“, все еще безпокоясь, что солнце совсѣмъ уже низко опустилось и онъ можетъ опоздать къ вечернѣ.—Дайте хлопчику двѣ копейки, вінъ и снесе ваши вещи и до Григорія Шевченка проведе.

Я снимаю съ повозки свой ручной чемоданъ и подзываю хлопчика. Нечего и говорить, что хлопчикъ охотно и не безъ удовольствія согласился проводить меня къ Григорію Шевченкѣ и снести вещи.

Поблагодаривъ за любезность „батюшки", я распрощался съ нимъ.

Недолго мнѣ пришлось итти съ „хлопчикомъ". Хата Григорія Шевченки была недалеко. Стоитъ она въ саду. Такъ густо разрослись деревья, что изъ-за нихъ и не видать хаты вовсе.

С. Кирилловка

Узенькая „стежечка". Невольно припоминается:

Утоптала стежечку черезъ яръ,
Черезъ гору, серденько, на базаръ...

Крыльцо, поддерживаемое тоненькими столбиками, густо увито дикимъ виноградомъ. Кудластая собачонка такъ и набросилась.

Вышла жена Григорія Шевченка, женщина сравнительно еще молодая.

— А мы васъ ждали. Мужъ уѣхалъ на тростянецкій сахарный заводъ буряки принимать. Пожалуйте въ комнату.

Дѣти вьются. Три дѣвочки; младшей лѣтъ семь.

Сѣни на земляномъ полу. Фотографическій аппаратъ стоитъ. Крохотная передняя и такія же двѣ крохотныя комнаты.

На стѣнахъ картины, портреты. На особенно почетномъ мѣстѣ портретъ Т. Г. Шевченка.

— Скоро пріѣдетъ Григорій Петровичъ?

— Онъ недавно еще уѣхалъ; мѣсяца черезъ полтора, не раньше.

Жену Григорія Петровича зовутъ Вѣра Ефимовна.

— А вы не безпокойтесь,—говоритъ она, замѣтивъ на лицѣ моемъ безпокойство.—Если вы хотите осмотрѣть усадьбу, гдѣ жилъ Тарасъ Григорьевичъ, побывать у его племянниковъ,—это можно и безъ Григорія Петровича сдѣлать: я васъ свожу. Конечно, лучше было бы, если бы вы застали мужа; онъ могъ бы разсказать вамъ много кой-чего.

Дѣвочки окружили меня. На нихъ коричневыя платьица и черные передники, и въ нихъ онѣ похожи на гимназистокъ. Двѣ изъ нихъ учатся въ четырехклассномъ смѣшанномъ училищѣ; мальчики и дѣвочки вмѣстѣ.

— Папа говорилъ, что мы приходимся правнучатами Тарасу Григорьевичу,—говоритъ одна изъ дѣвочекъ, снимаетъ съ полки открытки съ видами примѣчательныхъ мѣстъ Кирилловки и раскладываетъ на столѣ.

Пока мы разсматривали виды, хозяйка куда то исчезла. А черезъ нѣкоторое время на столѣ появилась яичница, колбаса.

Настоящее украинское хлѣбосольство!

Солнце еще не зашло, но уже близко къ закату. Отражается на листьяхъ молодого садика золотисто-красными бликами.

— Сегодня хотите осмотрѣть усадьбу Тараса Григорьевича?

— Непремѣнно сегодня.

Собрались и пошли.

IV

Здороваются по дорогѣ люди. Вѣра Ефимовна говоритъ:

— Нашего села новшества еще не коснулись. Незнакомый вы для нихъ человѣкъ, а они здороваются.

— Можетъ-быть, они съ вами?

—Все равно.

Ходилъ я потомъ по селу одинъ; все равно здоровались и со мной.

Вдали машетъ полотняными крыльями мельница.

— Это млинъ Петра Шевченка,—поясняетъ Вѣра Ефимовна,— одного изъ племянниковъ Тараса Григорьевича. Всѣ племянники живутъ бѣдно, а этотъ хорошо.

Я стараюсь разглядѣть то, что говорило бы мнѣ, что здѣсь жилъ одинъ изъ величайшихъ украинскихъ поэтовъ. Но старанія мои тщетны. Ничто не говоритъ мнѣ объ этомъ. Все такъ сѣро, и обыденно, буднично. И только поэзіи много. Эти аккуратно побѣленныя хатки съ „вишневыми садочками“ невольно располагаютъ къ созерцательному настроенію, вызываютъ былые образы и картины. Вотъ „Наймичка“, „Катерина“.

Ползутъ мысли, роемъ толкутся въ головѣ. Здѣсь... здѣсь все это зародилось въ душѣ поэта, чтобы потомъ окрѣпнуть и вылиться въ такія чудныя поэтическія формы, яркія и захватывающія въ своихъ трепетныхъ переживаніяхъ, выхваченныя прямо и непосредственно изъ народной души.

Вотъ и пришли!

Пропала иллюзія, улетѣла, какъ испуганная птица, разсѣялась, какъ туманъ подъ лучами ярко блеснувшаго солнца, какъ сонъ мимолетный на зарѣ нарождающагося дня. Вотъ и пришли... Хата. Крыша желѣзная. И потому, что крыша желѣзная, хата похожа на городской мѣщанскій домикъ. Сиротливо какъ-то и одиноко стоитъ она. Ворота крѣпко заколочены. Дворъ пустой; густо заросъ травою.

На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла хата Тараса Григорьевича, лежитъ мельничный жерновъ, врытый въ землю ребромъ, и на немъ надпись масляною краскою:

„Тутъ була хата Тараса Гр. Шевченка“.

Въ сторонѣ стоитъ другая хата, чуть только прикрытая соломой, обуглившаяся, безъ дверей и оконъ; внутри цѣлыя кучи мусора.

Вдова племянника Тараса Григорьевича—Химка (Евфимія) Шевченко, старуха уже, поясняетъ расположеніе хаты. Изъ словъ ея явствуетъ, будто это та самая хата, въ которой жилъ Тарасъ Григорьевичъ. Но это не совсѣмъ такъ. Спустя нѣкоторое время я получилъ письмо отъ Григорія Петровича Шевченко, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ: „хати тіеі, що жив Т. Г., давно вже

немае, та що ви бачили, це вже мабуть третя; трічи горіла, но часть дерева изъ прежней хати"...

На мое замѣчаніе, что Т. Г. Шевченко былъ великій человѣкъ, а усадьба находится въ такомъ запустѣніи, старуха отвѣчала:

— Що з того, що вінъ був великий человік!—користи мало. Живу ось якъ! Наступить зима—ни дровинки, ни соломинки. Такъ у холодной хатi и гину, звиняйте, як сучка бездомна пiд тином. Кусочка хліба инши раз не маю. Лиха година, та и тілько!

Старуха подперла голову рукой и на глазахъ ея показались слезы.

На ней сподница, безрукавка; рукава сорочки замережены, голова повязана платкомъ, а ноги босы.

— Пріѣзжаютъ къ вамъ взглянуть на усадьбу Тараса Григорьевича?—спросилъ я.

— Пріѣзжают. З Москви пріѣзжают, з Петербурга. Торішне лiто приізжали три студента изъ Галиции, називали и город, та я забула. Довго ходили та усе разглядивали. Переночевали у Трохима*) та й поіхали собі з Богомъ. Гарни таки люде! А то раз з Петербурга якись сивий пан пріизжав, пив карбованца дав.

Я поинтересовался узнать о знаменитой калинѣ, подъ которой прятался Шевченко, будучи мальчикомъ, отъ злой и сердитой мачехи. Гдѣ она находится?

— Въ чужім городі,—отвѣтила Химка.—Повела б вас та боюсь, що б не лаяли.

Оказалось, что владѣлецъ знаменитой калины—человѣкъ необузданный, не пускаетъ въ свой огородъ туристовъ.

Конечно, калина не можетъ расти чуть не сотню лѣтъ. Но корень все еще живетъ и не умираетъ, и отъ него, по словамъ очевидцевъ, идутъ все новые и новые отростки.

Цѣлыхъ пять кустовъ находится этой самой калины въ чужомъ огородѣ.

Химка Шевченко приглашаетъ насъ въ хату.

— Ходимте у хату,—сказала она,—я вамъ де-що покажу.

Внутри хаты чисто, аккуратно, какъ и у всѣхъ почти малороссовъ. Цѣлый рядъ иконъ въ углу. Изъ-за иконъ старуха достала письмо и фототрафическую карточку дочери и показала не безъ

*) Трофимъ Шевченко—племянникъ Тараса Григорьевича

гордости. Письмо написано по-малороссійски. Учится дочь въ акушерскомъ училищѣ въ Галиціи.

Кромѣ нея, у старухи еще три дочери и сынъ. Двѣ учатся въ ремесленномъ училищѣ, а третья гдѣ-то служитъ. Сынъ—слѣпой. Всѣ четверо дѣтей находятся въ Кіевѣ.

Когда вышли изъ хаты, начинало уже вечерѣть. Ложатся на землю синія, слегка лиловатыя сумерки. Неподвижно стоятъ на небѣ облака, чуть-чуть окрашенныя пурпуромъ. А въ Кирилловкѣ тихо, такъ тихо...

V

Трофимъ Осиповичъ Шевченко, по уличному Гринь, не только племянникъ Тараса Григорьевича, но и крестникъ его.

Надо замѣтить, что въ Малороссіи рѣдко кто не имѣетъ уличной фамиліи.

На слѣдующій день, рано утромъ, Вѣра Ефимовна свела меня къ нему.

Это высокій сѣдой старикъ. Ему уже 75 лѣтъ. Немного согнувшійся, но все еще достаточно бодрый и крѣпкій.

Встрѣтились мы съ нимъ во дворѣ. Дворъ небольшой; прямо—старая хата, а съ боку—новая, наполовину недостроенная. Увидалъ насъ—остановился; всматривается сосредоточенно и пристально.

— А мы къ вамъ,—говоритъ Вѣра Ефимовна.—Здравствуйте!

Старикъ подходитъ ко мнѣ совсѣмъ близко, засматриваетъ въ глаза.

— Не узнаю.

Вѣра Ефимовна поясняетъ:

— И не узнаете... издалека... изъ Москвы.

— То-то, гляжу, гляжу... незнакомый.

— Я къ вамъ, дѣдушка, поразспросить о Тарасѣ Григорьевичѣ, вашемъ дядюшкѣ и крестномъ отцѣ,—говорю я.—Помните вы его?

Старикъ сразу и быстро оживляется. Видимо одно упоминаніе имени Тараса Григорьевича доставляетъ ему большое удовольствіе. Онъ слегка какъ будто обижается, что ему задаютъ такого рода вопросъ.

— А то як же!

Вести разговоръ среди двора неудобно и онъ приглашаетъ насъ въ хату.

Хата большая, просторная. Рушники на стѣнахъ*); какія-то засушенныя травы. Портретъ Тараса Григорьевича виситъ. Надо замѣтить, что портреты Т. Г. имѣются во многихъ хатахъ; и не у однихъ только родственниковъ его.

— Сідайте!

Старуха, жена Трофима Осиповича, не безъ удивленія поглядываетъ на меня, какъ человѣка незнакомаго.

— Просятъ разсказать про Тараса Григорьевича.

— Що жъ, разскажи, що знаешь.

— Пас я воли,—сразу началъ онъ,—кличут: „иди до дому". Питаю: зачим?—„Панъ приіхавъ". Прихожу до дому,—вечерить стало,—сидить за столом панок и батько з ним, горілку пьють; завжде сивеньки, лисеньки, боридка невеличка. Поздоровався я з ним: добрий вечеръ, помогай Боже!—такъ люде добри въ старину казали и мене научили.—„Здоров, хлопче!" Поглядив на мене та и пита: „чий се такий хлопецъ?" А якъ узнав, що я хрещений син его, ухопив та и став цілювать. Я его у руку поціловав. Він и каже: „никого не цілуй у руку—ни батька, ни матер, ни пана... не цілуй".—У мене въ ті пори чуб великий був.—„На що ти такий чуб запустив?"—Панъ, кажу, велів.—„Давай ножници!" Посадивъ він мене на лавку та и остриг.

— Знали вы, что онъ вирши пишетъ?—спрашиваю я у старика.

Старикъ подумалъ съ минуту.

— Ні; де мині було знати. Хлопецъ був я,—паньскіи воли пас.

— Больше Тарасъ Григорьевичъ къ вамъ не пріѣзжалъ?

— Приізжав... из Корсуня приізжав; як раз діло було у Петривку. У саду зелено; принесли горілку. Сусіди пришли, по чарці пьють. Прибіжав эконом та и каже: „погоняй на панщину". А батько ему: „гость приіхав".—Який гость?.."—„Тарас Григорович". А Тарас Григорович пиднялся, налив чарку.—„На, каже, випи чарку". Батько въ той день так и не іздив на панщину.

Не сразу старикъ можетъ все припомнить, а видно по всему, какъ хочется ему припомнить, поразсказать.

— Знав би—де-що записав... людей попросив. Батько бувало мині разсказуе: „хлопоче Тарас, що б нас на волю випустили". За рік и два місяци нас на волю випустили.

---

*) Полотенца въ Малороссіи вѣшаютъ на стѣны, какъ украшеніе хаты

— Вы въ то время Энгельгардовы были?

— Ні. Энгельгардт продав нас Шерковскому. Прийшов эконом та и каже: „ідіть у контору". Батько пита: „зачим у контору?"— „Панъ зове". Пришли у контору.—„Випускаю вас на волю". Одинадцать душ освободив от панщини.

— И землю далъ?

— Ні, земли не дав, без земли и остались.

Посидѣли мы у Трофима Шевченка около часу и отправились къ Григорію Михайловичу Шевченку, брату Варфоломея Шевченка, умершаго въ 1892 году. Варфоломей Шевченко—„названный" братъ Тараса Григорьевича. Родной братъ Т. Г.— Никита умеръ лѣтъ 37 тому назадъ. Старшая сестра Ярина была замужемъ за Бойко, а младшая за Красицкимъ; обѣ давно уже умершія.

Григорію Михайловичу Шевченко въ настоящее время уже 83 года. Изъ себя онъ дряхлый старикъ; слышитъ плохо. Но память у него все еще крѣпкая и Тараса Григорьевича помнитъ хорошо.

До малѣйшихъ подробностей разсказываетъ онъ біографію его не то вычитанную имъ изъ книгъ, не то усвоенную имъ самостоятельно. Какъ злая мачеха „рубанцем ударила Тараса по голові", какъ мальчикъ прятался по огородамъ и „закуткамъ", чтобы не итти учиться къ пьяному дьяку, а все-таки находили и уводили силою въ Тарасовку, сосѣднее съ Кирилловкой село. По словамъ старика, „Тарас був у дьяка місяц, або два". Разсказалъ, между прочимъ, какъ дьякъ посылалъ мальчика читать псалтирь по покойникамъ.— „Принес одинъ раз Тарас чотире шаги, а дъяк и каже: „зачим так мало?„—„Стилько дали".—„Брешешь, гадовъ син". И почавъ его, лупцовать".

Однимъ изъ самыхъ древнихъ старожиловъ села Кирилловки, помнящихъ Тараса Григорьевича, является Никита Даниловичъ Мурза. Ему 87 лѣтъ, и въ жилахъ его течетъ татарская кровь. 51 годъ прослужилъ онъ десятскимъ въ сельской управѣ; въ настоящее время оставилъ службу и живетъ у сына.

— У маляра Бойка, — разсказывалъ онъ, между прочимъ,—що держав сестру Шевченка, Ярину, я частенько випивав по чарці с Тарасом Григоровичем. Хороший чоловік був. А що веселий та балакучий... не хто его не переговорит... У Бойка садочекъ невеличкий був. Тарас Григорович мав завжде боротись на траві і то лежаче: „хто, каже, мене удержить під собою",—то не хто не удержить—

завжде вивернется, а я було удержу. За се мав от Тараса три карбованци грошей. „Оце тобі, каже, за те, що ти такий здоровий та дужий". Молодим я був дуже здоровий та дужий.

Отецъ и дѣдъ Тараса Григорьевича похоронены на кирилловскомъ кладбищѣ. На могилѣ дѣда имѣется надгробный камень въ формѣ квадратнаго столбика съ отбитой верхушкой и надписью: „Тутъ спочивае дід малороссійскаго поэта Т. Г. Шевченка—Иванъ. Померъ 1843 року".

VI

Переночевалъ я; назавтра снова пошли.

Чуть не цѣлый день пришлось употребить на то, чтобы обходить село, побывать у людей, знавшихъ Тараса Григорьевича лично.

Петра Шевченка, сына родного брата Тараса Григорьевича—Никиты мы не застали дома. Онъ былъ въ млинѣ.

Его дочь, дѣвушка лѣтъ восемнадцати, вызвалась позвать его.

А тѣмъ временемъ жена его разсказала о своемъ житьѣ-бытьѣ: „Два раза погоріли... Дочку віз переіхав... Сорок років без двух свекрухою була"...

Млинъ стоялъ за селомъ. Ждать пришлось долго. Вѣра Ефимовна ушла. А я остался.

Въ хатѣ было душно. Вышелъ на дворъ и сѣлъ на „призьбу" *).

Наконецъ и Петръ Никитичъ пришелъ.

Ему уже 68 лѣтъ, но выглядитъ онъ значительно моложе своихъ лѣтъ. Борода и волосы на головѣ слегка только подернуты сѣдиной, а лицо круглое, румяное и полное. Онъ хорошо грамотенъ, выписываетъ кіевскую газету „Рада" и интересуется общественной жизнью своей родины. У него имѣлось подлинное письмо Тараса Григорьевича, адресованное его отцу, Никитѣ Григорьевичу. Письмо онъ отдалъ въ „Кіевскую Старину" и тамъ оно напечатано, а себѣ оставилъ копію „на память". На поляхъ письма рукою Тараса Григорьевича было зачеркнено нѣсколько рисунковъ: головки, руки, ноги. Петръ Никитичъ скопировалъ и рисунки и, судя по воспроизведенному въ „Кіевской Старинѣ" автографу, довольно удачно.

---

*) Призьбой у малороссовъ называется завалинка

Письмо имѣетъ дату 2 марта 1840 года. Напечатано въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1891 годъ.

По словамъ Петра Шевченка Тарасъ Григорьевичъ пріѣзжалъ въ Кирилловку въ 1859 году и пробылъ всего три дня.

У Петра Никитича имѣется икона, бывшая въ гробу Тараса Григорьевича, съ надписью на оборотной сторонѣ ея: „Подарена въ память Тараса Г. Шевченка, умершаго въ Спб. 2 26—61 г. брату Микити Шевченко помѣщикомъ Михаиломъ Михайловичемъ Великогорскимъ 7 мая 1861 г. въ Кіевѣ“.

На прощанье Петръ Никитичъ вызвался меня проводить.

— Винеси мині брилѣ,—обратился онъ къ женѣ.

Въ соломенномъ „брилѣ“ похожъ онъ былъ не то на трансваальскаго бура, не то на нѣмецкаго колониста.

Вышли за ворота.

— Винеси мині палку.

— Ото який же ты!—разсердилась жена.—Зараз и не скаже.

На что Петръ Никитичъ возразилъ:

— Хиба ж зараз усе припомнишь!

Дорогою онъ говорилъ:

— Помремо — и никому буде разсказувати. Мині було десять років, як первий раз побачив я его, а стоит він у мене перед очима, як живий, неначе я бачив его тілько усего вчора. Ну, бувайте здоровеньки!

И вдругъ спохватился:

— Запишіть мині свій адресъ.

Какъ странно! На родинѣ Гоголя, въ Миргородѣ, имѣется прекрасное Гоголевское училище, въ Кирилловкѣ ничего этого нѣтъ. Пять школъ, изъ которыхъ одна четырехклассная, гдѣ вмѣстѣ съ мальчиками учатся и дѣвочки, одна двухклассная, три одноклассныхъ и ни одна изъ нихъ не носитъ славнаго имени поэта. И только при одной изъ школъ имѣется библіотека имени Шевченка.

VII

Рано утромъ кто-то постучалъ въ дверь комнаты, гдѣ я спалъ. Открываю глаза—утро свѣжее, румяное; и не похоже, что на дворѣ конецъ августа.

— Вы не спите?

— Что случилось?

— Обѣгала все село. Никто не соглашается везти васъ на вокзалъ: всѣ заняты работой.

Извѣстіе далеко не изъ пріятныхъ. Что дѣлать? Не итти же тридцать верстъ пѣшкомъ съ чемоданомъ въ рукахъ.

Черезъ минуту Вѣра Ефимовна добавляетъ:

— Есть на станціи пара лошадей, только меньше какъ за четыре рубля везти не соглашаются и при условіи ѣхать сейчасъ же.

Торопливо вскакиваю съ постели, поспѣшно принимаюсь одѣваться.

Едва я успѣлъ одѣться, какъ Вѣра Ефимовна возвратилась обратно и сказала:

— Хотите ѣхать вмѣстѣ съ учителемъ? Учитель нашей церковно-приходской школы ѣдетъ на вокзалъ. Сейчасъ случайно встрѣтила одного человѣка. „Везу, говоритъ, учителя на вокзалъ". Согласенъ и васъ взять.

— Прекрасно! Я согласенъ.

Вѣра Ефимовна посылаетъ дѣвочку къ человѣку предупредить, чтобы онъ заѣхалъ за мною.

Черезъ какихъ-нибудь четверть часа подвода стоитъ на улицѣ въ ожиданіи меня.

Гостепріимная хозяйка, дѣти — всѣ вышли проводить.

Я взбираюсь на повозку съ цѣлой горой сѣна.

— А гдѣ же учитель?

Оказывается, что онъ просилъ заѣхать за нимъ.

Вѣра Ефимовна говоритъ:

— Подождите минуточку.

Прибѣжала дѣвочка и принесла цѣлое лукошко сливъ; въ числѣ ихъ были и желтые наливные ренглоты.

Славная дѣвочка! Глаза такъ и свѣтятся неподдѣльной искренностью и добротой.

Пожеланія счастливаго пути.

— Не забывайте насъ, пріѣзжайте еще!

Удастся ли?..

Прощай Кирилловка, прощай родина великаго поэта! Плохо ты оцѣнила заслуги своего сына. Что дѣлать? Такова участь великихъ людей.

Н. Степаненко

ПОѢЗДКА НА МОГИЛУ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Пароходъ отчалилъ отъ пристани. Мы прошли желѣзнодорожный мостъ—и Кіевъ остался позади. Еще долго виднѣлись золотыя главы лаврскихъ церквей, наконецъ онѣ скрылись изъ глазъ.

Правый берегъ—нагорный; изрѣдка встрѣчаются долины—балки, спускающіяся между горами къ Днѣпру; балки покрыты лѣсомъ, и отъ нихъ вѣяло прохладой, а день былъ жаркій; мы выѣхали въ 9 часовъ утра, но и въ это уже время іюльское солнце высоко стояло на небѣ и посылало жгучіе лучи на землю.

Лѣвый низменный берегъ разстилался ровно и широко и далеко открывалъ горизонты; на заливныхъ лугахъ его стояли, словно остроконечныя шапки, похожіе одинъ на другой, стога сѣна. Селеній у береговъ не было видно: на правомъ берегу они, повидимому, находились за горами, а на лѣвомъ—сторонясь могучаго весенняго разлива Днѣпра,—отошли далеко отъ берега.

Берега Днѣпра казались безлюдными, и на самой водѣ не было большого оживленія; изрѣдка попадался встрѣчный пароходъ; при встрѣчѣ пароходы такъ взбудораживали воду, что издалека было видно, какъ она, волнуясь, билась, пѣнясь и роя песчаные берега. Иногда видишь, какъ цѣлая ватага голыхъ ребятишекъ стоитъ на берегу и ждетъ, когда пройдетъ пароходъ и взволнуетъ воду; они съ крикомъ бросаются навстрѣчу волнамъ, идущимъ одна за другой къ песчанымъ берегамъ. Брызги воды сверкаютъ на солнцѣ, и нашъ пароходъ, мѣрно постукивая лопастями колесъ, плыветъ дальше; крики стихаютъ, и ребятишки скрываются изъ глазъ. Встрѣчаются иногда небольшія утлыя лодчонки съ „рыбалками“ (съ рыбаками); одной рукой онъ закидываетъ переметъ (веревку съ крючками и насадкой) на сомовъ, а другой рукой, съ короткой трубкой, ударяетъ по водѣ, отчего получается глухой звукъ—„клюмъ! клюмъ!“

Такой звукъ издаютъ самки сомовъ, и самцы собираются на эти звуки,—это „рыбалки“ приманивали рыбу къ переметамъ.

На протяженіи 140 верстъ внизъ по Днѣпру, отъ Кіева до Канева, близъ котораго находится могила украинскаго поэта Т. Г. Шевченка,—цѣль нашей поѣздки,—пароходъ нѣсколько разъ останавливался у пристаней. Всякій разъ при остановкахъ публика выходила на берегъ и покупала у мѣстныхъ жителей-крестьянъ арбузы, дыни и груши; шумѣла на берегу, толкалась у разложенныхъ прямо на землѣ продуктовъ сельскаго хозяйства и снова, торопясь, всходила по сходнямъ на пароходъ.

Иногда пароходъ, подходя къ какой-нибудь незначительной пристани, не останавливался, а только замедлялъ ходъ. Въ это время съ носа парохода слышалось:

— Е кто, Остапе?!

— Никого нѣту!..—доносилось въ отвѣтъ съ берега. Капитанъ наклонялся надъ рупоромъ, говорилъ строго и повелительно: „полный!“—и мы плыли дальше.

Къ 3 мъ часамъ дня мы были въ Каневѣ. Нашъ пароходъ, шедшій по фарватеру около лѣваго берега, недалеко отъ города круто поворотилъ вправо и подошелъ къ пристани. Мы вышли на берегъ и стали дожидаться, пока отчалитъ пароходъ. Скоро прогудѣлъ 3-й свистокъ, и съ верхней палубы раздалось: „отдай!“

— Готово було!—отвѣтили ему съ пристани.

Канаты, державшіе пароходъ, глухо шлепнулись о воду, и ихъ быстро подобрали наверхъ.

— Дурень, — не вмійе отдавать!—ворчалъ матросъ, собиравшій намокшіе канаты на палубѣ.

Пароходъ отчалилъ.

— Ну, что же, Николай Артемьевичъ, какъ же мы теперь съ вами поступать будемъ?—задалъ я вопросъ своему спутнику.

— А очень просто,—пойдемъ налѣво по берегу и придемъ къ могилѣ Шевченка; она верстахъ въ 3-хъ отсюда,—это я знаю. А по дорогѣ еще выкупаться можно.

Пройдя съ версту по берегу, мы встрѣтили песчаный отлогій спускъ къ рѣкѣ и съ большимъ удовольствіемъ выкупались здѣсь.

Не доходя деревни Монастырекъ, раскинувшейся по склонамъ балки, раздѣлявшей нагорный берегъ, мы встрѣтили цѣлую толпу дѣвчатъ; онѣ были одѣты по-праздничному; ярко пестрѣли на нихъ

вышитыя узорами „плахты“, на головахъ были вѣнки, а на ногахъ красныя сапожки.

Вся группа дѣвчатъ поравнялась съ нами, изъ среды ея вдругъ выдѣлилась одна и степенно подошла къ намъ.

Прошу покорно ко мнѣ на „весільля“ (свадьбу),—сказала она.

И батько проситъ, и матерь проситъ!—добавила она съ низкимъ поклономъ и такъ же степенно повернулась и присоединилась къ подругамъ.

Не зная этого малороссійскаго обычая, что невѣста приглашаетъ въ день ея свадьбы всѣхъ встрѣчныхъ къ себѣ на „весільля“, мы не могли да и не успѣли ничего ей отвѣтить и только поклонились.

Подошли къ самой деревнѣ; на улицахъ не было видно ни души, только откуда-то доносились звуки молотка по желѣзу, да изъза тына, окружавшаго бѣленькую хатку, слышался торопливый, звонкій женскій голосъ; въ отвѣтъ ему изрѣдка доносилось глухое басовое мычанье, сейчасъ же прерываемое еще болѣе звонкимъ, еще болѣе торопливымъ женскимъ голосомъ,—словно горохъ сыпался на желѣзные листы.

Это „жинка“ своего „человіка“(мужа) пробираетъ, вытащила, должно быть, его изъ шинка, да и потѣшается надъ нимъ, подумалъ я.

— А какъ бы намъ, добрый человѣкъ, къ Шевченковой могилѣ пройти?—спросилъ я у встрѣчнаго, одѣтаго въ сѣрую свитку.

— А вонъ тудою, панычи, тудою,—тамъ стежечка (тропинка) у гору е,—показалъ намъ онъ.

Подъемъ былъ крутъ, и мы съ трудомъ стали взбираться на гору. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ шире открывались горизонты; впереди, за Днѣпромъ—безконечная степь, позади насъ была холмистая мѣстность.

Наконецъ мы добрались до вершины горы и, едва переводя духъ, остановились. Прямо передъ нами выросъ покрытый травою курганъ,—„могила“—какъ называютъ такіе курганы на Украйнѣ, на вершинѣ кургана одинокій бѣлый крестъ,—это и было мѣсто вѣчнаго успокоенія, могила Тараса Шевченка. По деревянной лѣстницѣ, положенной по склону кургана, мы подошли къ самому кресту, огороженному желѣзной рѣшеткой. Подъ крестомъ, по одной сторонѣ, обращенной къ Днѣпру,—барельефное изображеніе поэта и подъ нимъ только одно слово: „Шевченко“ а на противоположной сторонѣ надпись:

Могила Шевченко

„Родивсь Р. Б. 1814. Лютого 25 дня,
Почивъ Р. Б. 1861. Лютого 25 дня"

(Т.-е. родился года Божьяго 1814, февраля 25 дня. Умеръ года Божьяго 1861, февраля 25 дня).

Чудный видъ открылся съ вершины!

Широко передъ нами развертывалась картина лѣваго побережья Днѣпра, освѣщенная заходящимъ солнцемъ, а самый Днѣпръ на далекомъ пространствѣ извивался широкой лентой и только вдали сливался съ синею далью...

Налюбовавшись картиной Днѣпра и горъ, мы сошли съ кургана и направились къ хатѣ Шевченка, стоявшей тутъ же, недалеко отъ могилы. Хата покрыта соломой, выбѣлена, какъ всѣ малорусскія хаты.

На крылечкѣ насъ встрѣтилъ хлопецъ лѣтъ 15—16.

— А что, можно намъ здѣсь отдохнуть?—спросили мы.

— Можно.

— И чаю можно напиться?

— Можно и чаю.

Хлопецъ отворилъ намъ дверь въ хату, а самъ пошелъ въ пристройку къ хатѣ.

Мы вошли въ чистенькую, уютную, съ тремя оконцами комнату.

Прямо противъ входа на стѣнѣ висѣлъ портретъ Шевченка—копія масляными красками съ картины Рѣпина. Рама портрета увѣшана рушниками (полотенцами) съ малороссійскими узорами и съ вышитой надписью:

„Подивитесь на рай тихий
На свою Вкраину;
Полюбите щирим сердцемъ
Велику руину..."

Въ переднемъ углу образъ Св. Тарасія и столъ, покрытый скатертью. На столѣ лежитъ въ хорошемъ переплетѣ „Кобзарь" и книга, гдѣ расписываются посѣтители. На стѣнѣ, противоположной окнамъ, картина старинной живописи, изображающая кобзаря, окруженнаго украинцами въ національныхъ костюмахъ. Кругомъ по стѣнамъ—лавки, тоже покрытыя расшитыми рушниками. Вотъ и все убранство хатки! Но какъ все это трогательно!.. Я взглянулъ въ окошко, возлѣ него разбитъ небольшой садочекъ и огородъ. Такъ вотъ о какомъ уголкѣ мечталъ поэтъ.

„Над Дніпром широким
Поставлю хаточку, садочек
Кругом хатині насажу..

Глядя въ окно, я думалъ:

„Если бы ему удалось устроиться здѣсь при жизни, и у него вотъ тутъ былъ бы такой же садочекъ съ вишнями, съ грушами, огородъ съ „гарбузами" и „кавунами". Но не судилось ему покончить свой многострадальный вѣкъ на Украинѣ, и только послѣ смерти друзья поэта, вспомнивши его завѣщаніе „похоронить на

Хата у могилы Шевченка

Украинѣ милой", исполнили его волю: его схоронили на томъ самомъ мѣстѣ, которое Шевченко, незадолго до своей смерти, покупалъ у одного помѣщика для того, чтобы отдохнуть отъ пережитыхъ страданій и зажить „какъ въ раю" среди простыхъ людей".

Хлопецъ принесъ и поставилъ на столъ чайную посуду и самоваръ. Мы принялись за чай, а со стѣны ласково, дружелюбно смотрѣлъ на насъ „батько Тарасъ"; его глаза словно улыбались намъ, словно онъ радъ былъ, что мы пришли навѣстить его одинокую могилу...

Когда солнце почти уже опускалось къ горизонту, пріѣхала съ лѣвато берега Днѣпра на „дубу“ (большая лодка) компанія человѣкъ въ 20 народныхъ учителей и учительницъ. Какъ видно, они здѣсь бывалые люди: сейчасъ же заказали сторожу самоваръ, а сами разбрелись вокругъ могилы. Часть изъ нихъ отправилась въ ближайшій лѣсъ и возвратилась оттуда съ охапками хвороста. У нихъ и припасы съ собой были привезены; пшено, куры, хлѣбъ... Выпросили у сторожа котелокъ, приготовили все для „кулеша“, а сами пошли на могилу, встали у креста, обнажили головы и хоромъ запѣли „Заповѣдь“ Шевченка:

„Як умру, то поховайте
Мені на могилі.
Середь степу широкого
На Вкраїні милій“.

Свѣжіе, молодые голоса звучно и мощно раздавались въ тихомъ вечернемъ воздухѣ. Что-то торжественное, величественное и вмѣстѣ грустное слышалось въ этихъ звукахъ. Особенно сильно выдѣлились мужскіе голоса на словахъ:

Поховайте та вставайте,
Кайдани порвите

Такой панихиды мнѣ никогда не приходилось слышать.

— А мы частенько навѣщаемъ нашего батьку Тараса Григорьевича,—сказалъ мнѣ одинъ изъ учителей, сходя со мною съ могилы.— Вотъ только въ послѣднее время стали присматривать,—думаютъ и Богъ знаетъ, что мы тутъ дѣлаемъ, видно помнятъ старую легенду, о томъ, что въ могилѣ зарыто оружіе...

Тѣ, кто впередъ сошелъ съ могилы, принялись приготовлять ужинъ. Запылалъ костеръ подъ котелкомъ; часть молодежи усѣлась вокругъ костра поддерживать огонь и смотрѣть за „кулешомъ“, а часть отправилась въ хату приготовлять „вечерю“ (ужинъ). Сзади шевченковой комнаты была другая большая комната для пріѣзжихъ. Мнѣ невольно вспомнилось чудное стихотвореніе Шевченка:

„Садок вишневій коло хати:
Хрущі над вишнями гудуть:
Плугатарі с плугами йдуть,
Співають ідучи дівчата,
А матері вечерять ждуть...“

Вошелъ и я въ шевченковскую комнату. Было уже темно въ

хатѣ; на столѣ горѣла небольшая керосиновая лампочка. Кто-то читалъ „Кобзаря“; 5—6 человѣкъ сидѣло за столомъ и слушало чтеніе. Тутъ же въ уголкѣ сидѣлъ и старикъ-сторожъ; онъ положилъ загорѣлыя руки на колѣна, опустилъ голову и слушалъ знакомыя, родныя слова:

Учітеся, брати мої,
Учітесь, читайте,

слышалось среди общаго молчанія. И къ этимъ звукамъ какъ будто прислушивалась тихая лѣтняя ночь, вливаясь прохладой въ открытыя окна...

— Вечерять! Вечерять! Гей, хлопцы, дивчата, вечерять!—послышались голоса. Всѣ стали собираться въ хату на „вечерю“. Пригласили и насъ раздѣлить компанію. Усѣлись за длиннымъ столомъ и,

Памятникъ на могилѣ Шевченка

кое-какъ дѣлясь ложками и тарелками, стали „вечерять“. Тѣ, кто постарше, сѣли на одну сторону; появилась бутылочка „терновки“, чтобы помянуть „батьку Тараса“. Веселый дѣвичій смѣхъ и шутки перемѣшивались съ воспоминаніями о Шевченкѣ и во всей шумной, веселой бесѣдѣ сквозилъ тонкій малороссійскій юморъ.

Заря давно уже погасла. Стемнѣло. Взошла луна и перекинула золотой мостъ черезъ Днѣпръ. Послѣ „вечери“ опять пошли къ могилѣ, и тутъ пѣснямъ не было конца. Много было пропѣто шевченковыхъ пѣсенъ: „Реве та стогне Дніпр широкий“, „Бьють пороги, місяц сходіть“... и казацкихъ думъ: „Закувала та сива зозуля“, „Ой зійшла зоря вечеровая“, „Засвистали козаченьки“... Пѣсни грустныя и веселыя чередовались и будили тишину украинской но-

чи, и она, съ тысячами крупныхъ звѣздъ на темномъ небѣ, тихая, молчаливая, какъ будто вспоминала о томъ, что было когда-то и что больше никогда не вернется.

Послѣ полуночи молодежь стала собираться „до дому". Гурьбой стали спускаться съ горы. Мы остановились послѣдній разъ взглянуть на освѣщенный луною бѣлый крестъ и, распрощавшись со всѣми, пошли къ пароходной пристани, а компанія шумно и весело отправилась къ своей лодкѣ, къ Днѣпру.

Ив. Бѣлоусовъ.

1907 г.

НА РОДИНѢ КОЛЬЦОВА И НИКИТИНА

Это было въ 1885 году. Я тогда только что переселилась на жительство въ Воронежъ и знакомилась съ достопримѣчательностями этого города. Разумѣется, какъ человѣка, причастнаго къ литературѣ, меня больше всего интересовало то, что такъ или иначе было связано съ памятью воронежскихъ поэтовъ Кольцова и Никитина, и вотъ, въ одинъ жаркій іюньскій день я отправилась поклониться ихъ могиламъ. Гдѣ они были похоронены, я не знала; знакомыхъ въ то время у меня было очень мало въ Воронежѣ, да я и не хотѣла ихъ разспрашивать ни о чемъ; мнѣ интересно было лично убѣдиться, знаетъ ли своихъ знаменитыхъ земляковъ рядовой воронежскій обыватель, хранитъ ли память о нихъ и какъ ихъ чтитъ. Съ этимъ намѣреніемъ я и пустилась въ путь.

Самая главная и самая людная улица въ Воронежѣ—Дворянская, и я прежде всего направилась туда. Было около 4 час. дня, и раскаленное добѣла небо дышало горячимъ зноемъ. Разморенные жарой извозчики дремали на своихъ клячахъ въ тѣни старыхъ пирамидальныхъ тополей; пустые вагоны конки тоскливо громыхали по рельсамъ: прохожихъ попадалось очень мало. На углу Дворянской и Богоявленской, противъ полицейской части, стоялъ городовой и отъ скуки бесѣдовалъ съ старухой-торговкой сѣмечками. Я подошла къ нему.

— Скажите, не знаете ли вы, на какомъ кладбищѣ похороненъ Кольцовъ?

Городовой обернулъ ко мнѣ свое красное, потное лицо съ бѣлобрысыми усами и равнодушно спросилъ:

— Это какой-такой Кольцовъ? Купецъ, что ли?

— Не купецъ,—писатель. Стихи писалъ, пѣсни.

— Что-то не слыхали такого, — сказалъ городовой и вопросительно посмотрѣлъ на торговку. Но та, должно быть, тоже ничего не слыхала „про такого“ и молча, моргая слезящимися глазами, глядѣла на меня.

— Какъ же это вы не знаете? Да ему еще памятникъ поставленъ въ саду, на базарѣ? Кольцовскій скверъ называется.

Городовой оживился и, немножко смущенный своей неосвѣдомленностью, радостно воскликнулъ:

— А, гакъ это вонъ какой Кольцовъ!? Какъ же, какъ же, это мы знаемъ! Кольцовскій скверъ какъ же не знать? И памятникъ знаю. Да тутъ и Кольцовская улица есть. Только вѣдь тамъ купцы живутъ, Кольцовы; я думалъ, вы про этихъ. А памятникъ-то, значитъ, не ихній?

— Нѣтъ, не ихній. Памятникъ—это писателя, Алексѣя Васильевича Кольцова, онъ тоже здѣшній былъ и на всю Россію прославился тѣмъ, что стихи очень хорошіе писалъ. Не слыхали?

— Нѣтъ, не слыхалъ... Гдѣ же намъ слыхать?—смущенно бормоталъ городовой.—Я думалъ—купецъ. А онъ что же, померъ недавно?

— Нѣтъ, давно, годовъ 50 тому назадъ. Вотъ я и хотѣла бы узнать, гдѣ его могила?

— А на что вамъ?—спросилъ городовой и посмотрѣлъ на меня уже не равнодушно, а съ нѣкоторымъ подозрительнымъ вниманіемъ.

— Да какъ же наменитый былъ человѣкъ, его стихи во всѣхъ школахъ учатъ, памятникъ ему поставленъ, интересно и на могилѣ у него побывать, поклониться.

Городовой помолчалъ, что-то соображая, и лицо его снова сдѣлалось сонно-равнодушнымъ.

— Не могу вамъ ничего объяснить. Я вѣдь здѣсь недавно служу: спросите у слѣдующаго постового.

Я поблагодарила и отошла. И слышала, какъ сзади городовой продолжалъ свою бесѣду съ торговкой.

— Кольцовъ какой-то... Нешто ихъ всѣхъ упомнишь? А памятникъ, это точно, есть. Да вѣдь кто его знаетъ, чей онъ?

Торговка что-то шамкала въ отвѣтъ.

Навстрѣчу мнѣ шла благообразная старушка интеллигентнаго вида. Черная шляпка, мантилья съ кружевами, перчатки, зонтикъ. Лицо.

хорошее, добродушное, съ лучистыми морщинками на щекахъ. Я къ ней.

— Простите, пожалуйста... Не можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ могила Кольцова?

Памятникъ А. В. Кольцову въ Воронежѣ

Старушка сначала удивилась, потомъ покраснѣла и заволновалась.

— Кольцова?.. Ахъ, Боже мой!.. Поэта Кольцова?.. Кажется, на

Чугунномъ кладбищѣ... Да, да! Навѣрное, на Чугунномъ кладбищѣ... Вы идите все прямо, прямо, до театра, а тамъ сверните направо, по Садовой... Тамъ и кладбище... Должно быть, тамъ и могила Кольцова.

Должно быть, тамъ... А, можетъ-быть, и не тамъ? Нѣтъ, спрошу еще у кого-нибудь. Вотъ книжный магазинъ. У витрины остановился молодой человѣкъ въ шляпѣ котелкомъ, съ тросточкой, внимательно читаетъ заглавія книгъ.

Извинилась, спрашиваю.

— Кольцова?.. Позвольте... Что-то помню... Недавно было что-то въ газетахъ,—кажется, пятидесятилѣтіе со дня кончины или что-то въ этомъ родѣ. Панихиду служили... Но гдѣ, представьте, забылъ! На Чугунномъ? Да, да, кажется, на Чугунномъ!.. А можетъ, на Новостроящемся... Не то на Чугунномъ, не то на Новостроящемся. Да вы спросите кого-нибудь...

Иду дальше. Почтенный господинъ въ крылаткѣ... Гимназистка... Человѣкъ въ поддевкѣ... Старикъ-извозчикъ съ огромнымъ сизымъ носомъ... Дама... Еще господинъ... Всѣ съ большимъ сочувствіемъ относятся къ моимъ разспросамъ, охотно останавливаются, отвѣчаютъ, указываютъ, какъ пройти и къ Чугунному и къ Новостроящемуся кладбищу, но никто не знаетъ, гдѣ похороненъ Кольцовъ, а извозчикъ и человѣкъ въ поддевкѣ даже не слыхали ничего о „такомъ". Кольцовскій скверъ знаютъ, памятникъ видали, а кто такой Кольцовъ и гдѣ его могила, не слыхали.

Такимъ образомъ, разспрашивая всѣхъ встрѣчныхъ, дошла до Кольцовскаго сквера. Это—небольшой садикъ, обнесенный простой рѣшеткой; одна сторона его выходитъ на Дворянскую, другая—на Большую Московскую, а двѣ оставшихся примыкаютъ къ базарнымъ улицамъ. Въ то время деревья еще не разрослись и давали скудную тѣнь; вообще садикъ плохо содержался и имѣлъ запущенный, унылый видъ.

Я присѣла на скамейку передъ памятникомъ отдохнуть; рядомъ со мной помѣстились трое мужиковъ-пильщиковъ. Они толковали о деревенской нуждѣ, о безработицѣ, о засухѣ. Съ улицы доносилась трескотня пролетокъ, шмыганье шаговъ, голоса прохожихъ. Мраморное лицо поэта съ сѣрымъ налетомъ уличной пыли въ глазныхъ впадинахъ грустно смотрѣло на насъ съ высоты своего пьедестала. Унынiемъ и заброшенностью вѣяло отъ пыльныхъ деревьевъ

и кустовъ, отъ неметенныхъ дорожекъ, усѣянныхъ подсолнечной шелухой и окурками; уныніе и заброшеность звучали въ рѣчахъ мужиковъ, пришедшихъ въ городъ искать хлѣба и работы, и ничего не знавшихъ о томъ, кто съ такой любовью воспѣвалъ въ своихъ стихахъ крестьянское горе и крестьянскія радости. Имъ было не до того...

Памятникъ на могилѣ Кольцова

Потомъ встала и опять пошла искать забытую могилу поэта.

Прохожіе попадались рѣдко; дома пошли одноэтажные, низенькіе, иногда съ мезанинчиками; потомъ потянулись кузницы съ пылающими горнами, съ оглушительнымъ звукомъ молотовъ.

На порогѣ мелочной лавчонки стоялъ розовый малый и грызъ

съмечки. Спросила его о могилѣ Кольцова. Онъ вытаращилъ на меня глаза, помоталъ головой и отвѣтилъ что-то невнятное. Пошла дальше. Вдругъ на перекресткѣ двухъ улицъ изъ-за угла, прямо мнѣ подъ ноги, вывернулся мальчикъ. Дѣловито сопя и отъ усердія скрививъ на сторону ротъ, онъ тащилъ на спинѣ огромный мѣшокъ съ мукой. Сиреневая ситцевая рубашка, картузъ на затылкѣ, волосики, мокрые отъ пота, прилипли ко лбу. Славная рожица, бойкіе черные глазенки, носъ въ мукѣ и въ веснушкахъ.

— Мальчикъ, гдѣ Новостроящееся кладбище?

Остановился, осторожно спустилъ мѣшокъ со спины на тротуаръ и, держась за него обѣими руками, какъ бы кто не отнялъ, посмотрѣлъ на меня.

— Новостроящееся-то? Да вонъ оно, гдѣ церква-то! Сейчасъ направо, а потомъ все прямо, тамъ и ворота!

— Ну, спасибо. А небось не знаешь, гдѣ Кольцова могила?

— Кольцова-то? Эна! Какъ же не знаю! Знаю!

— Да ну? Гдѣ же она?

— Да вотъ же на Новостроящемъ и есть! Насъ туда учитель сколько разъ водилъ. Я стихи Кольцова знаю.

— Неужели? Какіе же?

Мальчикъ вытеръ рукавомъ носъ, вобралъ въ себя побольше духу и забарабанилъ:

— Ну, тащися, сивка, пашней-десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо о сырую землю...

Отмахалъ безъ передышки все до конца и съ торжествомъ посмотрѣлъ на меня.

— Молодецъ! Ну, а Никитина тоже знаешь?

— Вона! Да они оба рядомъ тамъ. На Новостроящемъ.

И, снова взваливъ на спину мѣшокъ, онъ пошелъ дальше, а я направилась по указанному направленію.

Вотъ и кладбище. За оградой бѣлѣетъ церковь, блестя золотыми главами, зеленѣютъ купы деревьевъ. Ворота гостепріимно растворены настежь; площадка передъ церковью посыпана свѣжимъ песочкомъ, вянутъ на пескѣ еловыя вѣтки. Кого-то хоронили сегодня... Тишина; въ вѣтвяхъ возятся и чирикаютъ птицы. Я обогнула церковь, и мнѣ сразу бросилась въ глаза дощечка съ надписью: „Дорога къ могиламъ поэтовъ Кольцова и Никитина . Вотъ и они. Мальчикъ сказалъ правду: лежатъ рядомъ, какъ родные братья. А

надъ ними растутъ другіе братья—вязъ и тополь; густая листва ихъ сплелась и бросаетъ на памятники узорчатую тѣнь...

Памятникъ Кольцова изъ темносѣраго мрамора съ бѣлымъ крестомъ наверху. На передней сторонѣ высѣчено: „Здѣсь покоится прахъ Алексѣя Васильевича Кольцова, скончавшагося 19 октября 1842 г. на 34 году отъ рожденія". На остальныхъ трехъ сторонахъ отрывки изъ его стихотвореній:

Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онъ сгорѣлъ и погасъ...
Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ,
И что ждало меня,
Я не видѣлъ за нимъ.
Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма-судьба,
Только силу мою
Сокрушила борьба...

Въ рядъ съ поэтомъ схоронены: по одну сторону — отецъ Василій Петровичъ Кольцовъ, и мать, Прасковья Ивановна, оба умерли на 77 году отъ рожденія: по другую—сестры: Анисья, Анна и Александра, въ замужествѣ Семенова, Золотарева и Андронова. Тутъ же покоятся и останки супруговъ Анны и Анисьи. На памятникѣ послѣдней, похороненной вмѣстѣ съ младенцемъ Владиміромъ и умершей на 26 году отъ роду, высѣчено:

Подъ крестомъ—моя могила,
На крестѣ—моя любовь.

Памятникъ Никитина — напротивъ Кольцовскаго, въ разстояніи менѣе двухъ шаговъ, обнесенъ чугунной рѣшеткой. На подножіи изъ дикаго камня — четырехгранная глыба бѣлаго мрамора съ надписью по карнизу: „Никитину". У подножія другая надпись: „Почитатели таланта и друзья". Еще ниже, на сѣрой, наклонно поставленной мраморной доскѣ высѣчено: „Иванъ Саввичъ Никитинъ. Родился 21 сентября 1824 г. Скончался 16 октября 1861 г. въ Воронежѣ". На передней сторонѣ памятника барельефный профиль поэта, окруженный кольцеобразно свившеюся змѣей. Подъ медальономъ римская цифра: MDCCCLXIII,—вѣроятно, годъ постановки памятника. И такъ же, какъ на памятникѣ Кольцова, по тремъ сторонамъ мраморной глыбы высѣчены отрывки стихотвореній:

Вотъ она, слышится пѣснь беззаботная!
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише! О жизни покончен вопросъ:
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

Какъ узникъ я рвался на волю,
Упрямо цѣпи разбивалъ,
Я свѣта, воздуха желалъ!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой,
Не ради шутки, не отъ скуки
Я, какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ—
Я воплощалъ боль сердца въ звуки.

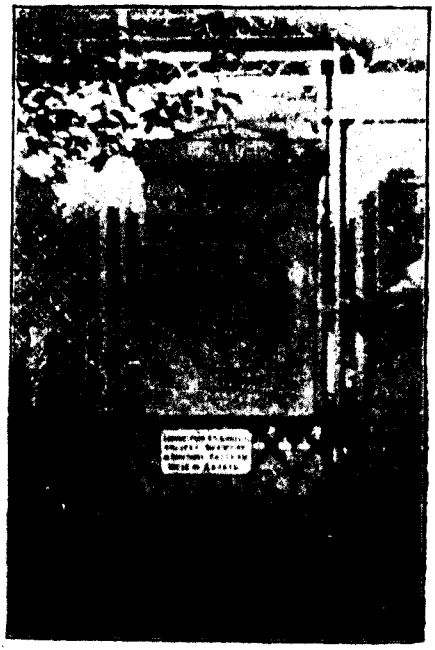
Вырыта заступомъ яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла...

Къ сожалѣнію, оба памятника носили печать заброшенности и забвенія. Мраморъ потрескался, исчерченъ вдоль и поперекъ надписями, ни цвѣтка, ни вѣнка, кругомъ, на землѣ, окурки и неизбѣжная подсолнечная шелуха... Тѣсно и бѣдно покоятся воронежскіе поэты: при жизни ихъ не баловала судьба и послѣ смерти не вознаградила ни почестями, ни славой, ни благоговѣйною памятью потомковъ. По сосѣдству съ поэтами вширь и ввысь раскинулась огромная богатая усыпальница какого-то Борисова (впослѣдствіи я узнала: водочнаго заводчика) и совсѣмъ загнала въ уголокъ скромныя могилки ихъ, загородила отъ посторонникъ взоровъ великолѣпною рѣшеткой, массивными саркофагами изъ дорогого мрамора, металлическими вѣнками и прочими надгробными украшеніями. Только солнце щедро сыплетъ золото своихъ лучей и на роскошные саркофаги водочнозаводчика и на бѣдныя могилки поэтовъ, да вязъ и тополь по-братски дѣлятъ между ними зеленую, душистую тѣнь, да пташка-пѣвунья залетная одинаково для всѣхъ поетъ свою беззаботную пѣсню.

Тише! О жизни покончен вопросъ...

Недавно я опять посѣтила дорогія могилы. Прошло 13 лѣтъ. Ничто не измѣнилось. Только тополь и вязъ еще гуще, да на мра-

морѣ памятниковъ прибавились новыя трещины и надписи. Ихъ очевидно стираютъ, но взамѣнъ старыхъ появляются другія. Какой-то Мамоновъ пишетъ: „30 августа посѣтилъ могилу дорогого И. С. Никитина". Потомъ еще: „Слава Никитину не умретъ никогда, товарищи!" А поперекъ стихотворенія: „Вырыта заступомъ яма глубокая" размашисто расписался никому невѣдомый, но жаждущій славы Гутерманъ. Впрочемъ, я замѣтила и новость; прежде этого не было. На рѣшеткѣ Никитинскаго памятника появилась бѣлая дощечка съ многозначительной надписью: „Администрація кладбища проситъ гг. по-



Памятникъ на могилѣ Никитина

сѣтителей надписей на памятникахъ поэтовъ не дѣлать". Въ отвѣтъ на это какой-то остроумецъ вычеркнулъ изъ надписи *не* и *над*,— получилось нѣчто неприличное... Такъ забавляются наши современники на могилахъ лучшихъ русскихъ людей. Невольно вспоминается мысль Некрасова о„ великихъ могилахъ," когда „нѣтъ величія въ живыхъ"...

На кладбищѣ было тихо и безлюдно. Глухо доносились сюда голоса городской жизни. Желтые листья, какъ тихія слезы, съ груст-

Памятникъ И. С. Никитину въ Воронежѣ

нымъ шорохомъ падали на могилы. И гостьи погоста, залетныя птички, такъ же, какъ и 13 лѣтъ тому назадъ, разсыпали надъ

ними серебро своихъ пѣсенъ, купаясь въ хрустальной синевѣ далекаго холоднаго неба.

Тотъ, кто желалъ бы найти на родинѣ поэтовъ какіе-нибудь другіе памятники ихъ, встрѣтилъ бы большія затрудненія. Существуетъ только Кольцовско-Никитинская библіотека, содержащаяся на частныя средства и обслуживающая кварталы, населенные рабочимъ людомъ. Старожиловъ, современниковъ Кольцова и Никитина, никого не осталось въ живыхъ; все, что сохранилось изъ ихъ рукописей и бумагъ, давно уже собрано библіографами; былъ въ Публичной библіотекѣ автографъ Кольцова, но и онъ отосланъ въ Академію наукъ. Домъ на Большой Дворянской улицѣ, гдѣ жилъ и умеръ Кольцовъ, давно не существуетъ; онъ уже изъ вторыхъ рукъ перешелъ къ богатому воронежскому купцу Самофалову, который на его мѣстѣ воздвигъ великолѣпное зданіе, гдѣ помѣщается теперь Центральная гостиница и ресторанъ и только недавно находилось общественное собраніе. И тамъ, гдѣ Кольцовъ писалъ нѣкогда свои думы и пѣсни, гдѣ онъ умиралъ, одинокій, всѣми покинутый, — нынѣ щелкаютъ билліардные шары, звенятъ рюмки и бокалы, носятся между столами съ салфетками черезъ плечо расторопные „человѣки“ и кутящая публика коротаетъ свои веселые досуги. „Всюду жизнь!..“ Домъ Никитина еще цѣлъ, но тоже находится въ другихъ рукахъ. Онъ стоитъ на Третьей Дворянской улицѣ, которая недавно въ честь поэта переименована въ Никитинскую.

Въ 1911 г. на площади Попова рынка на собранныя по подпискѣ деньги открытъ памятникъ И. С. Никитину.

Поэтъ изображенъ сидящимъ на камнѣ задумчивымъ. На пьедесталѣ короткая надпись:

„Ивану Саввичу Никитину 1911 г.“

В. І. Дмитріева

НА РОДИНѢ ЛАЖЕЧНИКОВА

I

Я въ Коломнѣ, на родинѣ Ивана Ивановича Лажечникова.

Здѣсь прошли его милыя дѣтство и отрочество, о которыхъ съ такою любовью и нѣжностью онъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ „Бѣленькіе, черненькіе и сѣренькіе“ и въ романѣ „Немного лѣтъ назадъ“, здѣсь впервые увидѣлъ онъ старинныя башни, говорившія объ ушедшихъ вѣкахъ, отсюда послалъ печатать первую вещь, — здѣсь, подъ сѣнью историческихъ башенъ, складывался характеръ писателя, автора историческихъ романовъ.

Я иду по уличкамъ городка. Въ небѣ точно раскололось солнце и брызжетъ раскаленными лучами. Заполдни,—тотъ часъ, когда бываютъ миражи, когда видишь сны наяву.

И не миражъ ли предо мною?! „Сонъ давнихъ дней“...

Я въ восемнадцатомъ вѣкѣ, — такъ должно было быть тогда! Улицы мощены огромными булыжинами, стоятъ дома архитектурныхъ стилей позапрошлаго вѣка, — барокко и классицизмъ. Вотъ тянется каменный заборъ съ урнами на пилястрахъ и стоитъ навеселѣ „Эрмитажъ“... А вотъ и домъ. Я стою очарованный. На стѣнахъ лѣпка, виньетки, завитушки, крыльцо въ паркъ, пилястры—барокко!.. Иду дальше. Еще домъ, еще красивѣе, еще интимнѣе. На немъ вывѣска— Коломенская женская „Пушкинская“ гимназія, на подъѣздѣ барельефы— головы Діониса, и маленькія колонки—это уже примѣшался къ барокко классицизмъ... На окрайнѣ города стоятъ заставы — по два маленькихъ бѣлыхъ домика съ колоннами, полосатая будка и обелиски съ гербами города на своихъ шпицахъ...

Но вотъ — я уже не въ восемнадцатомъ,—я въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Я въ Кремлѣ. Стоятъ башни, высятся стѣны, поднимается соборъ, оставшійся отъ четырнадцатаго вѣка, вотъ церковь, гдѣ по преданію вѣнчался съ женою своею Дмитрій Донской, вотъ ворота,

черезъ которыя онъ уходилъ воевать съ Мамаемъ, — Пятницкія ворота, на нихъ написано, когда и какъ это было, и стѣнопись воспроизводитъ прежнее—Дмитрія съ воинствомъ на коняхъ, воеводу и горожанъ съ хлѣбомъ-солью, духовенство, народъ...

„Миръ городу сему и всѣмъ, кто пройдетъ врата сіи"—написано на нихъ. Я прохожу ихъ. Направо подъ холмомъ Москва рѣка, въ которую впадаетъ Коломенка. На Коломенкѣ шумитъ мельница (въ „Бѣленькихъ, черненькихъ и сѣренькихъ" она описана). За Москвою-рѣкою луга и среди нихъ—Бабреневъ монастырь (преданіе говоритъ, разбойникъ Бабреня его основалъ). За Коломенкою—*Запрудье*. Въ „Запрудьи" родился Ив. Ив. Лажечниковъ... Слѣва за Кремлемъ—базаръ, полукругомъ идутъ каменные ряды. Впереди—Брусенскій женскій монастырь, а за нимъ видна Маринкина башня,—по преданію въ ней схоронена Марина Мнишекъ...

Тихо, безлюдно, палитъ раскаленное солнце. Не миражъ ли это?

Нѣтъ, не миражъ. Такъ же описывалъ Коломну и Ив. Ив. Лажечниковъ. Только съ тѣхъ поръ она не измѣнилась ничуть.

Есть на Руси города, которымъ давала исторія многое, но потомъ отнимала все. Такъ было съ Коломной. Коломна въ древнихъ лѣтописяхъ упоминается почти на сто лѣтъ раньше Москвы, и долго эти два города конкурировали между собою. Тогда исторія первый разъ отняла у Коломны все, сдѣлавъ ее форпостомъ Москвы противъ рязанскаго княжества. Потомъ она опять получила многое.

Коломна лежитъ на сліяніи Москвы-рѣки съ Окою, на Великомъ водномъ пути, и она стала торговымъ посредникомъ между Поволжьемъ, Каспіемъ, Персіей и Москвою,—недаромъ въ Коломнѣ все купцы (Ив. Ив. Лажечниковъ тоже происходилъ изъ купеческаго рода). Коломна процвѣтала, богатѣла, про нее говорили: „Коломна городокъ — Москвы уголокъ". Но тутъ, на рубежѣ позапрошлаго и прошлаго вѣковъ, въ дни дѣтства Лажечникова, исторія еще разъ обдѣлила Коломну — отняла у нея Москву-рѣку и Оку: рѣки обмелѣли (отъ этого разорился, между прочимъ, отецъ Лажечникова, взявшій поставъ соли для всей Московской губерніи и не выполнившій его благодаря невозможности доставить его водянымъ путемъ). И отъ дней дѣтства Ив. Ив. Лажечникова до теперешнихъ дней — Коломна осталась такою же, замерла, развѣ чуть подряхлѣла...

Такою, какъ сейчасъ она, видѣлъ ее и Ив. Ив. Лажечниковъ.

II

Но гдѣ онъ родился, гдѣ тотъ домъ, въ которомъ онъ игралъ и по-дѣтски озорничалъ? Я зналъ изъ автобіографіи что родился онъ въ Запрудьѣ и что въ скорости послѣ рожденія переѣхалъ въ новый домъ въ центръ, на Астраханскую улицу.

Старая исторія! Я ходилъ, спрашивалъ—сначала у общественныхъ дѣятелей, потомъ у старожиловъ,—никто не знаетъ. Лишь случайно, у старичка на улицѣ, я узналъ о „новомъ домѣ". Старичокъ, согбенный и бѣлый, сидѣлъ у калитки, грѣясь на солнцѣ.

— Не знаете-ли, дѣдушка, гдѣ тутъ домъ, въ которомъ раньше жили купцы Лажечниковы?—спросилъ я.

— Что, батюшка? Слышу плохо,—отвѣтилъ онъ тихо, по-старчески безсильно.

Я повторилъ вопросъ.

— Про сочинителя Ивана Ивановича хочешь знать? — отвѣтилъ онъ.—Какъ-же, знаю, знаю... Самого видали, самого его, батюшку Ивана Ивановича...

„Сонъ давнихъ дней!.."

— Самого? Когда? Гдѣ?!

— Спервоначалу жили они на Запрудьѣ. Это, конечно, не при мнѣ было, я еще не родился, и про то, гдѣ старый домъ, я спрашалъ, никто не знаетъ: не-то цѣлъ онъ, не-то разобрали его, не знаю, думаю только, что его и нѣтъ больше совсѣмъ А новый домъ—вонъ онъ, противъ Іоанна Богослова, теперь въ немъ купецъ Нестеровъ живетъ... Конечно, когда здѣсь Иванъ Ивановичъ мальчикомъ жилъ, я тоже не помню, потому еще не родился. А я изъ крѣпостныхъ господина Сазонова, въ оркестрѣ у него на пиколѣ игралъ. Иванъ Иванычъ тогда пріѣзжали сюда ужъ офицеромъ, а потомъ чиновникомъ, приходили къ нашему барину въ гости ужъ въ зрѣломъ возрастѣ. Обходительный баринъ были, дали разъ мнѣ на чай рубль ассигнаціями. Я на пиколѣ игралъ...

Больше онъ ничего не разсказалъ, забылъ все уже... „Сонъ давнихъ дней"!

III

Я иду къ купцу Нестерову.

Домъ стоитъ на главной улицѣ, противъ него Іоаннъ Богословъ, лѣвѣе Брусенскій монастырь, совсѣмъ налѣво — видна Маринкина башня, справа базаръ, торговые ряды, вдалекѣ видна Спасская церковь, сохранившаяся отъ тринадцатаго вѣка.

Домъ отодвинулся отъ уличнаго ряда вглубь двора. Ворота на улицу — двѣ колонны — уже развалились. Налѣво во дворѣ бѣлыя каменныя службы, направо бѣлый флигель. Домъ большой, бѣлый, двухъэтажный, каменный, безъ всякихъ украшеній наружи, съ широкой лѣстницей парадная, съ двустворчатымъ парадным входомъ. За домомъ паркъ, отъ прежняго осталось нѣсколько липъ. Надъ паркомъ виситъ терраса.

Я звоню, говорю, зачѣмъ пришелъ. Меня любезно впускаютъ.

И опять—„сонъ давнихъ дней"!

Домъ, какъ всѣ старинные дома, имѣетъ внизу кладовыя за рѣшетчатыми окнами и людскія комнаты—кухня, лакейская, дѣвичья. Наверхъ ведетъ широкая, темноватая лѣстница, но наверху широкая передняя, съ двумя большими окнами. Изъ передней направо и налѣво амфилада комнатъ, паркетные полы, лѣпные потолки, камины. Здѣсь жилъ Лажечниковъ... Комнаты,—какъ во всѣхъ старыхъ домахъ,—проходныя. Вотъ вѣрно была гостиная, вотъ кабинетъ, вотъ залъ, откуда дверь на террасу, вотъ вѣрно была столовая—сюда ведетъ узкая лѣсенка снизу, а вотъ вѣрно дѣтская... Большая комната съ большими окнами, здѣсь уже простые потолки и крашеный полъ... Здѣсь слушалъ Ив. Ив. нянины сказки, отсюда любовался на Кремль...

Неудобно долго быть въ чужомъ домѣ, особенно, когда около стоитъ ждущій человѣкъ. Я быстро прохожу по комнатамъ и спускаюсь внизъ... Здѣсь ходилъ, здѣсь былъ грустенъ и радостенъ Ив. Ив., здѣсь онъ написалъ первую свою вещь... здѣсь онъ любилъ первый разъ... здѣсь первый разъ омрачились его глаза грустью объ уходящемъ,—когда онъ смотритъ на Кремль. Сейчасъ здѣсь живетъ купецъ Нестеровъ,—но онъ ничѣмъ не виноватъ.

„Сонъ давнихъ дней"...

Я иду въ Кремль. Солнце ушло къ западу. Въ церквахъ звонятъ къ вечернѣ. Древній старикъ все еще сидитъ у калитки.

— Ну, что, видалъ?—спрашиваетъ онъ и улыбается.

— Видалъ.

— Вотъ здѣсь и жили. Богато жили. Потомъ, конечно, обѣднѣли и продали все. Теперь купцы тамъ живутъ... Я на пиколѣ игралъ у господина Сазонова...

— Давно это было?..

— Да вотъ, посчитай... Мнѣ теперь сто три года...

Сонъ давній!.. Въ Брусенскомъ монастырѣ, рядомъ надъ нами, ударилъ колоколъ. Старикъ перекрестился, посмотрѣлъ въ небо и, заснулъ на солнцѣ—прикрылъ глаза.

Я тихо побрелъ по уличкамъ.

Бор. Пильнякъ

АБРАМЦЕВО С. Т. АКСАКОВА

I

Не мало сотенъ верстъ отдѣляетъ первопрестольную Москву отъ привольнаго Уфимскаго края, гдѣ протекли дѣтскіе годы Багрова внука, Сергѣя Тимофеевича Аксакова.

На склонѣ дней, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, поѣздки въ родныя палестины стали почти невозможны для маститаго писателя, да и Москва сороковыхъ годовъ своими общественными, научными и литературными интересами притягивала какъ самого старика, такъ и сыновей его. Годы однако не умеьшили въ Сергѣѣ Тимофеевичѣ его исконной любви къ природѣ, русской деревнѣ и въ особенности къ уженью рыбы. Любовь эта и навела его на мысль купить имѣніе поблизости отъ столицы.

Еще до рожденія Сергѣя Тимофеевича, дѣдушка его, извѣстный Степанъ Михайловичъ, мечтая имѣть первенца-внука, совѣтовалъ своей молодой невѣсткѣ молиться преподобному Сергію о дарованіи сына и тогда же далъ обѣтъ окрестить ребенка именемъ угодника.

Такимъ образомъ Сергѣй Тимофеевичъ съ самаго рожденія находился какъ бы подъ особымъ покровительствомъ Радонежскаго чудотворца и всегда тяготѣлъ къ его обители.

И вотъ, когда вопросъ о пріобрѣтеніи подмосковной былъ рѣшенъ утвердительно, старикъ сталъ прежде всего подыскивать ее по сосѣдству съ Троицкой лаврой, тѣмъ болѣе, что окрестности этого монастыря издавна славятся своей живописностью.

Подходящимъ имѣніемъ оказалось Абрамцево съ небольшими деревнями Мутовками и Быковымъ, отстоящее въ 12 верстахъ отъ лавры, въ 3 верстахъ отъ Хотьковскаго дѣвичьяго монастыря и расположенное на гористомъ берегу извилистой рѣчки Вори.

Пишущій эти строки помнитъ Абрамцево такимъ, какимъ оно было куплено нынѣшнимъ владѣльцемъ у вдовы Аксакова въ 70-хъ

годахъ прошлаго столѣтія *). Это была типичная дореформенная усадьба помѣщика средней руки. Впрочемъ, и до сихъ поръ общій характеръ Абрамцева измѣнился мало, а домъ поддерживается въ томъ самомъ видѣ, какъ его знали Гоголь, Загоскинъ, Тургеневъ, Щепкинъ и многіе другіе близкіе русскому сердцу люди.

Отъ Хотькова и полотна Ярославской ж. д. къ Абрамцеву ведетъ черезъ старый еловый лѣсъ прямая просѣка. Частый ельникъ выпираетъ на самую дорогу, и потому лѣсъ, несмотря на малую площадь, имъ занимаемую, кажется дремучимъ.

Самый абрамцевскій домъ становится виденъ съ середины лѣсной просѣки. Онъ стоитъ на крутомъ взгорьѣ по ту сторону широкой лощины, образуемой теченіемъ Вори. Красная крыша ярко горитъ среди окружающей зелени липъ и березъ.

По крутому скату вы спускаетесь къ мосту, и рѣчка сразу привлекаетъ наше вниманіе своей уютностью. Другое выраженіе для нея трудно подобрать.

---

*) Имѣніе Абрамцево куплено извѣстнымъ меценатомъ, строителемъ М.-Ярославской ж. д. и покровителемъ искусствъ Саввой Ивановичемъ Мамонтовымъ. Въ 80 гг. здѣсь, какъ и въ Аксаковскія времена, кипѣла жизнь, полная художественныхъ начинаній. Люди искусства съ именами на ходили въ Абрамцевѣ пріютъ и поддержку въ своихъ работахъ.

Здѣсь создавались образцы всемірнаго искусства. Мальчикомъ росъ здѣсь извѣстный художникъ Сѣровъ; жили и творили Антокольскій, Рѣпинъ, Врубель, братья Васнецовы, Суриковъ, Полѣновъ.

Кромѣ скульпторовъ и художниковъ, бывали здѣсь писатели, пѣвцы, музыканты.

Между прочимъ Ѳ. И. Шаляпина можно считать воспитанникомъ Саввы Ивановича...

Еще при жизни Сав. Ив—чъ передалъ Абрамцево своей женѣ, которая послѣ своей смерти завѣщала его своимъ внукамъ—дѣтямъ дочери, бывшей замужемъ за А. Д. Самаринымъ.

Самъ Сав. Ив—чъ скромно доживалъ свой вѣкъ въ Москвѣ, гдѣ и скончался на 78 г. своей жизни 24 марта 1918 г., оставивъ своей дѣятельностью неизгладимый слѣдъ въ исторіи русской живописи и русскаго театра.

Погребенъ Сав. Ив—чъ въ Абрамцевѣ въ фамильномъ склепѣ при церкви.

Итакъ Абрамцево, пріобрѣтенное ветераномъ русской литературы—С. Т. Аксаковымъ, перешло въ другой родъ, не менѣе славный въ исторіи русской словесности—Самариныхъ.

Настоящая статья написана по просьбѣ редакціи сыномъ Сав. Ив—ча—Сергѣемъ Саввичемъ, талантливымъ писателемъ и драматургомъ, умершимъ въ 1915 году.

И. Б.

Подпруженная ниже плотиной, Воря течетъ медленно и кажется полноводной. Подернутая кувшинками и травами, глубокая, ключевая вода просвѣчиваетъ зеленоватымъ цвѣтомъ. Стрекозы снуютъ

Домъ Аксакова въ Абрамцевѣ

надъ осокой, и рѣзвыя серебряныя уклейки стаями мечутся на тихой поверхности... Ольхи, лознякъ и сухія коряги съ обрывистыхъ береговъ склоняются къ самой рѣкѣ, скрывая отъ глазъ наблюдателя неожиданныя заводи и повороты русла.

Выше, по крутому яру, громоздятся надъ рѣкой темныя, косматыя ели. Въ самые жаркіе дни на берегахъ Вори, въ тѣни деревьевъ, бываетъ прохладно, а температура воды ея никогда не превышаетъ 13—14 градусовъ.

Каждая заводь Вори, каждый омутокъ, каждая отмель бѣлаго песочка напоминаютъ объ авторѣ „Записокъ объ уженьи рыбы", и вамъ становится понятнымъ, что именно на этой уютной Ворѣ Аксаковъ могъ такъ поэтично и подробно описать всѣ прелести своей любимой охоты.

Абрамцево стоитъ на высокомъ берегу, сходящемъ къ рѣкѣ уступами, на которыхъ разбитъ садъ и тѣнистый старинный паркъ.

Самый домъ простой русской архитектуры, съ мезониномъ, выкрашенный по тесу въ сѣрую краску, построенъ не менѣе ста лѣтъ назадъ изъ такого лѣса, для котораго не существуетъ времени. Какъ онъ стоялъ при Аксаковѣ, такъ стоитъ и теперь, перемѣнивъ за свою вѣковую жизнь развѣ только обшивку, крышу и другія несущественныя части.

Съ широкой террасы, обращенной въ сторону рѣки, прежде открывался черезъ просѣку видъ на бѣлые храмы Хотькова монастыря, на которые въ погожіе дни молилась послѣ трапезы Аксаковская семья. Теперь просѣка заросла и храмовъ не видно.

Съ правой стороны, версты на двѣ, змѣится по лощинѣ, среди своихъ зеленыхъ зарослей и болотистыхъ луговинъ, Воря. Но и тутъ просторъ ея преграждаетъ незнакомая Аксаковымъ желѣзнодорожная насыпь, непрошено пересѣкающая поле зрѣнія.

Съ другой стороны дома, за широкимъ дворомъ, въ чертѣ самой усадьбы, лежатъ одинъ за другимъ два маленькіе пруда-сажалки. Въ нихъ до нашихъ дней водятся потомки тѣхъ самыхъ карасей, которыхъ уживалъ, не выходя, такъ-сказать, изъ дома, престарѣлый Сергѣй Тимофеевичъ. Приходится удивляться, какимъ образомъ на высокомъ холмѣ, занимаемомъ усадьбой, удерживается круглый годъ въ незначительныхъ углубленіяхъ почвы сравнительно чистая вода, дающая пріютъ хотя бы такой уживчивой рыбѣ, какъ караси. Впрочемъ, во всемъ Абрамцевскомъ имѣніи земля очень глинистая и дождевая вода просыхаетъ медленно даже въ знойную лѣтнюю пору.

Съ западной стороны къ усадьбѣ примыкаетъ липовый садъ, нѣкогда представлявшій правильную сѣть пересѣкавшихся аллей,—

одинъ изъ тѣхъ садовъ, которые въ первой половинѣ XIX столѣтія составляли неотъемлемую принадлежность и справедливую гордость всѣхъ зажиточныхъ дворянскихъ гнѣздъ средней Россіи,—садовъ, по липовымъ аллеямъ которыхъ мечтательно прогуливались Наташи Ростовы, Татьяны Ларины, Лизы Калитины и другія героини нашей прежней „дворянской“ литературы.

Въ абрамцевскомъ саду половина липъ погибла отъ старости, но заботливая рука на мѣсто прежнихъ великановъ сажаетъ молодыя деревья. Въ 80-хъ годахъ въ чертѣ сада построена церковь по образцу древняго Спаса-Нередицкаго въ Новгородѣ. Сооружала эту церковь своими трудами группа русскихъ художниковъ съ Васнецовымъ, Полѣновымъ и Рѣпинымъ во главѣ.

Въ мезонинѣ абрамцевскаго дома есть комната, до сихъ поръ носящая названіе Гоголевской. Здѣсь, гостя у Аксаковыхъ, жилъ и работалъ Н. В. Гоголь. Комната просторная, съ двумя окнами, выходящими на широкій дворъ, пруды и старый дубовый лѣсъ, покрывающій противоположную возвышенность.

II

Лѣтъ 25 тому назадъ въ Абрамцевѣ доживалъ свой вѣкъ старичокъ Ефимъ Максимычъ, бывшій крѣпостнымъ камердинеромъ Сергѣя Тимофеевича Аксакова.

Это былъ человѣкъ стараго закала, какихъ теперь уже не найдешь на бѣломъ свѣтѣ. Невысокій, коренастый, плотный, съ черными, несмотря на преклонный возрастъ, волосами, Максимычъ въ молодости былъ вывезенъ бариномъ изъ Новаго Аксакова (Багрова) нынѣшней Самарской губерніи и любилъ прихвастнуть своей бодростью и силой. Одѣтъ онъ былъ всегда въ длинный черный сюртукъ, бороду брилъ и говорилъ большею частью въ шутливомъ тонѣ, лукаво посматривая изъ-подъ нависшихъ бровей маленькими сѣрыми глазками. Вотъ что разсказывалъ Максимычъ о жизни Сергѣя Тимофеевича Аксакова въ Абрамцевѣ.

— Баринъ-то уже стары были, какъ въ это имѣніе переѣхали. Охотой ружейной не подъ силу имъ уже было заниматься, такъ они рыбку и удили, когда на Ворѣ, а когда и здѣсь на пруду на ближайшемъ.

— Идутъ это, бывало, Сергѣй Тимофеевичъ съ длиннымъ, пре-

длиннымъ чубукомъ: въ чубукѣ сигарка дымится; на глазахъ у нихъ зеленый зонтикъ изъ тафты надѣтъ, который они отъ слабости глазъ носили, а я за ними кресло ихнее складное тащу, удочки и всякую снасть. Сядутъ на бережку удить, я имъ червячковъ насаживаю, рыбу съ крючка снимаю, и все это молча, чтобы рыбы не пугать.

— Строго они къ рыболовному дѣлу относились, настоящій были охотникъ; въ дождикъ иной разъ, и то подъ зонтикомъ уживали.

На пруду здѣсь, бывало, Сергѣй Тимофеевичъ одни карасиковъ да гольцовъ потаскивали, а на рѣчку всегда Константинъ Сергѣевичъ съ папашей ходили,— одного родителя никогда не отпускали,—такая ужъ въ нихъ сыновняя привязанность была.

— Удочка одна у Сергѣя Тимофеевича была замѣчательная, изъ дамскихъ волосъ сплетеная, и называли они ее „Леди". Когда книжку свою объ уженьи рыбы они написали, то много господъ очень благодарны Сергѣю Тимофеевичу остались. А одна барыня даже изъ своихъ волосъ лесу сплела и нашему барину на память прислала. Очень тогда смѣялись Сергѣй Тимофеевичъ съ гостями и долго потомъ съ этой самой удочкой рыбу ловить ходили.

— Любилъ тоже нашъ старый баринъ грибы собирать. Уѣдутъ, бывало, съ утра со всѣми гостями въ монастырскій лѣсъ, что за рѣкою, и до самаго обѣда по лѣсу ходятъ и аукаются. Сергѣй Тимофеевичъ нашъ даже по грибы съ трубкой своей длинной и съ глазнымъ зонтикомъ ходилъ; а грибовъ въ тѣ времена по нашимъ мѣстамъ страсть сколько было, не то что теперь. Цѣлыми возами домой привозили.

— Гостилъ у насъ какъ-то господинъ Гоголь, Николай Васильевичъ, и тоже по грибы съ господами отправился. И нашелъ Николай Васильевичъ такой диковинный бѣлый грибъ, какого раньше никто и не видывалъ. Шапка на грибѣ аккуратная, какъ быть полагается, а корешокъ длинный да извилистый, словно змѣя какая. Портретъ даже тогда Николай Васильевичъ съ этого диковиннаго гриба красками написалъ и у Константина Сергѣевича въ кабинетѣ на стѣнку повѣсилъ.

— Часто и подолгу у насъ господинъ Гоголь гостилъ и даже свои сочиненія писалъ наверху въ комнатѣ, что во дворъ выходитъ. А черезъ коридоръ напротивъ Константинъ Сергѣевичъ тогда жили.

— Молчаливый вообще человѣкъ былъ Николай Васильевичъ и рѣдко на него веселость находила. Зато ужъ коли найдетъ, бывало,

такой стихъ, такъ прямо удержу ему нѣтъ. Сядутъ въ залѣ за фортепіано съ землякомъ своимъ, господиномъ Максимовичемъ, и цѣлый вечеръ свои малороссійскія пѣсни поютъ.

— Николай-то Васильевичъ иной разъ до того разойдется, что среди залы въ присядку пустится, ногой притоптываетъ и поетъ: „Нехай такъ! Нехай такъ!..“

— И господа на него радуются, потому что ужъ очень любили его всѣ.

— Еще вотъ что помню. Зимой дѣло было, и гостилъ у насъ въ Абрамцевѣ Николай Васильевичъ Гоголь, да Щепкинъ Михайло Семеновичъ, что на Императорскомъ театрѣ игралъ. И собрались они вмѣстѣ въ Москву ѣхать, а меня барыня тоже съ ними съ порученіемъ послали. Дорогу послѣ оттепели морозомъ хватило, и по закраинамъ здоровые раскаты образовались.

— Вотъ не успѣли мы до Яснушки доѣхать, гдѣ дорога къ мосту подъ гору идетъ, сани то у насъ раскатились да съ размаху въ бокъ и ударились. Михайло Семенычъ,—толстый, круглый онъ былъ,—изъ саней выкатился и въ сугробѣ увязъ, а Николай Васильевичъ, легонькій да худенькій, за грядку удержался и ну хохотать, да такъ, что и мы съ кучеромъ подхватили, удержаться не могли. Михайло Семенычъ въ тяжелой шубѣ изъ сугроба вылѣзти не можетъ, барахтается и ругается на чемъ свѣтъ стоитъ, а мы, на Николая Васильевича глядя, хохочемъ и остановиться не можемъ. Потомъ ужъ только съ собой совладѣли и господина Щепкина изъ снѣга вызволили.

Умеръ Максимычъ въ 1885 году, и вмѣстѣ съ нимъ ушли въ могилу и живыя подробности о жизни Аксаковыхъ въ Абрамцевѣ.

III

О любви С. Т. Аксакова къ уженью рыбы ярко свидѣтельствуетъ стихотворное его посланіе къ А. Н. Майкову, написанное въ Абрамцевѣ въ октябрѣ 1857 года, т.-е. на самомъ закатѣ таланта и силъ автора. Въ стихотвореніи прекрасно обрисована рѣчка Воря.

Вотъ оно цѣликомъ:

Опять дожди, опять туманы,
И листопадъ, и голый лѣсъ,
И потемнѣвшія поляны,
И низкій, сѣрый сводъ небесъ,

Опять осенняя погода!
Но мягкой влажности полна,
Мнѣ сердце веселитъ она—
Люблю я это время года!..
Люблю я звонкій свистъ синицы,
Скрипъ снигирей въ моихъ кустахъ,
И бѣлыя гусей станицы
На изумрудныхъ озимяхъ.
Люблю я, зонтикомъ прикрытый,
Въ рѣчномъ изгибѣ, подъ кустомъ,
Сидѣть отъ вѣтра подъ защитой,
Согрѣтый теплымъ зипуномъ—
Сидѣть и ждать съ терпѣньемъ страннымъ,
Закинувъ удочки мои
Въ зеленоватыя струи,
Въ глубь Вори тихой и неясной,
Глазъ не спуская съ поплавка—
Хоть онъ лежитъ безъ измѣненья,
Но вдругъ чуть видное движенье,—
И вздрогнетъ сердце рыбака!
И вотъ онъ, окунь благородный,
Прельстясь огромнымъ червякомъ,
Подплылъ широко и свободно,
Съ разинутымъ широкимъ ртомъ,
И, проглотивъ насадку смѣло,
Все поволокъ на дно рѣки...
Здѣсь рыбаку настало дѣло,
И я движеніемъ руки
Проворно рыбу подсѣкаю,
Влеку изъ глубины рѣчной
И на берегъ ее бросаю
Далеко за моей спиной...
Но окуни у насъ не диво,
Люблю ершей осенній клевъ;
Берутъ они не вдругъ, не живо,
Но я безъ скуки ждать готовъ.
Трясется поплавокъ—терпѣнье....
Идутъ кружочки—пустяки!
Пусть погрузитъ: мнѣ наслажденье
Ерша тащить со дна рѣки.
Весь растопыренный, сердитый,
Упорно лѣзетъ изъ воды
Густою слизью ершъ покрытый
Поднявши иглы для защиты...
Но нѣтъ спасенья отъ бѣды!
Теперь не то. Внезапной хвори

Я жертвой сталъ. Что знаемъ мы?
Гляжу на берега я Вори
Въ окно, какъ плѣнникъ изъ тюрьмы.
Прошло и теплое ненастье,
Сковалъ морозъ поверхность водъ—
И грустно мнѣ. Мое участье
Уже Москва къ себѣ зоветъ.
Опять прощай уединенье!
Безплоденъ лѣтній былъ досугъ
И недоступно вдохновенье...
Какъ быть? Я не люблю докукъ.
Прощайте жъ, горы и овраги,
Воды и лѣса красота.
Прощайте вы, мои „коряги",
Мои Ершовыя мѣста"!

Сергѣй Мамонтовъ

ВЪ СОКОЛОВѢ

Да, были личности!.. Не пропадетъ народъ,
Обрѣтшій ихъ во времена крутыя!
Мудрeными путями Богъ ведетъ
Тебя, многострадальная Россія!

Эти строки Некрасова, посвященныя памяти знаменитаго московскаго профессора Т. Н. Грановскаго, напомнили мнѣ подмосковную усадьбу Соколово, гдѣ Грановскій и его друзья собирались у А. И. Герцена въ 1845 году.

Тогда въ Россіи царило безправіе, все замерло, притаилось, крестьяне изнемогали подъ гнетомъ помѣщичьей власти. Но въ тайникахъ общественной совѣсти уже созрѣвалъ протестъ противъ насилія. Лучшіе люди того времени составляли кружки, изъ которыхъ выросло могучее движеніе, свергнувшее крѣпостное право и заставившее Россію свернуть съ извилистаго азіатскаго пути на широкую дорогу культурнаго запада.

Въ Соколовѣ вокругъ Герцена группировались всѣ московскіе западники и пріѣзжавшіе къ нимъ друзья. Постоянными соколовскими дачниками, собственно, были самъ А. И. Герценъ, извѣстный актеръ М. С. Щепкинъ и чудакъ-литераторъ врачъ Н. Х. Кетчеръ. Къ нимъ пріѣзжали почти каждую субботу, оставаясь до утра понедѣльника, Т. Н. Грановскій, Е. Ф. Коршъ и В. П. Боткинъ. Иногда гостили И. С. Тургеневъ, Н. А. Некрасовъ, И. И. Панаевъ, К. Д. Кавелинъ, П. В. Анненковъ, Н. П. Огаревъ, М. П. Бакунинъ, В. Г. Бѣлинскій и др.—все люди, имена которыхъ служатъ украшеніемъ русской литературы, русской исторіи общественной мысли. Весь цвѣтъ московской и заѣзжей интеллигенціи, литераторы, профессора, художники, актеры посѣщали тогда Соколово. Безъ преувеличенія можно сказать, что много новыхъ идей вышло изъ Соколова и получило распространеніе по всей Россіи за это короткое время.

Теплыми словами вспоминаетъ И. И. Панаевъ свое пребываніе въ Соколовѣ или, какъ онъ шутливо выражался, въ „Соколовкѣ".

„Время, проведенное мною въ Соколовѣ,— говоритъ онъ,— я никогда не забуду. Оно принадлежитъ къ самымъ лучшимъ моимъ воспоминаніямъ. Чудные дни, великолѣпные теплые вечера, этотъ паркъ при закатѣ солнца и въ лунныя ночи, наши прогулки, наши обѣды на широкой лужайкѣ передъ домомъ, послѣобѣденное far niente на верхнемъ балконѣ, встрѣча утреннихъ зорь, всегда оживленная бесѣда, иногда горячіе споры, никогда не доходившіе до непріятнаго раздраженія, увлекательныя рѣчи Грановскаго, блестящее остроуміе Герцена, колкія замѣтки Корша,—все это вмѣстѣ было такъ хорошо, такъ полно жизни и поэзіи! Въ этомъ поэтическомъ чаду, вѣроятно, никому не приходило въ голову, что это послѣдніе пиры молодости, проводы лучшей половины жизни, что каждый изъ насъ стоитъ уже на той чертѣ, за которой ожидаютъ его разочарованія, разногласія съ друзьями, неизбѣжныя охлажденія, слѣдующее за этимъ разъединеніе, долгія, непредвидѣнныя разлуки, и близкія преждевременныя могилы... А лѣто 1845 г. въ Соколовѣ дѣйствительно было закатомъ молодости этого кружка, лучшими представителями котораго были Бѣлинскій, Герценъ и Грановскій—но закатомъ великолѣпнымъ, блестящимъ, ярко и картинно озарившимъ всѣхъ друзей своими послѣдними лучами..."

Посѣтить Соколово очень нетрудно. Надо доѣхать до станціи „Химки" Николаевской жел. дор. (четвертая отъ Москвы остановка дачнаго поѣзда), потомъ остается преодолѣть версты четыре по прямой шоссированной дорогѣ, вотъ и все.

Расположеніе Соколова въ гористой мѣстности, на берегу рѣчки Сходни, очень живописно. А, между тѣмъ, только немногіе знаютъ и посѣщаютъ этотъ, казалось бы, памятный уголокъ.

Я выѣхалъ изъ Москвы въ 12 часовъ дня и черезъ полчаса уже былъ на небольшой станціи „Химки". Перейдя на другую сторону, увидѣлъ широкую дорогу, идущую къ западу. По ней и пошелъ пѣшкомъ, считая пѣшеходныя прогулки наиболѣе интересными. Сначала навстрѣчу все попадались небольшія дачки, построенныя въ довольно сырой березовой рощицѣ. Потомъ дорога вывела на Петроградское шоссе. Направо показались трубы кирпичнаго завода, прямо разбросались деревеньки Бутакова и Баранки, а вдали за ними замаячила колокольня церкви села Куркина, стоящая на высокомъ

берегу рѣчки Сходни. За Куркинымъ, на другомъ берегу, и находится Соколово.

Вхожу въ Бутаково — небольшая деревенька, съ плохими, въ большинствѣ, избушками. Вонъ стоитъ заброшенная хижина въ два окна, совсѣмъ какъ при крѣпостномъ правѣ, когда третье окно добавляли только деревенскіе богатѣи въ своихъ „свѣтлыхъ горницахъ".

Дорога спускается въ оврагъ, съ мостомъ на днѣ его, потомъ снова поднимается наверхъ и за деревней врѣзывается въ ржаныя поля. Всюду спѣлая, пожелтѣвшая рожь. Мѣстами образовались завалы—рожь полегла. Тяжелые спѣлые колосья наклонили къ землѣ загрубѣвшіе стебли, и нивы уже не переливаются волнами, какъ въ первой половинѣ лѣта. Давно пора жать.

На телеграфной проволокѣ лѣниво сидятъ стрижи. Воздухъ неподвиженъ. Жарко. Скорѣе бы въ старый тѣнистый паркъ.

Наконецъ-то прошелъ все ржаное поле. Слѣва манитъ къ себѣ какое-то имѣніе, окруженное темными зубцами елей. Но это еще не Соколово.

За первыми же избами села Куркина дорога начинаетъ спускаться къ мосту на рѣчкѣ Сходнѣ, протекающей здѣсь въ крутыхъ зеленыхъ берегахъ. На холмахъ дремлютъ подъ знойнымъ солнцемъ лѣса, между ними просвѣчиваютъ залитыя яркимъ свѣтомъ поляны, кое-гдѣ разбросались одинокія избушки, на крутомъ обрывѣ повисла куркинская церковь.

Мелководная рѣчка Сходня тихо журчитъ свѣтлыми струйками по усѣявшей ея дно галькѣ. Тамъ, гдѣ поглубже, гдѣ вода темнѣе подъ вѣтвями ракитъ, купаются ребятишки, и весело раздаются въ горячемъ воздухѣ ихъ чистые, звонкіе голоса.

За мостомъ дорога превращается въ аллею. По сторонамъ рядами растутъ липы и красивыя пирамидальныя ели. По низинѣ сдѣлана дамба, въ горѣ прорыта выемка, дорога поднимается полукругомъ, чтобы подъемъ былъ мягкимъ, неутомительнымъ. Много труда положено на устройство такой дороги. Когда-то эта усадьба устраивалась на славу, владѣльцемъ ея былъ не простой помѣщикъ, а самъ графъ Румянцевъ-Задунайскій, екатерининскій вельможа.

Начинается прекрасный вѣковой паркъ. Но пока еще не видно никакихъ остатковъ прежней богатой усадьбы, впрочемъ, ихъ здѣсь и не сохранилось. Нѣтъ ни воротъ, ни ограды, ни пышнаго барскаго дома.

Навстрѣчу толпою идутъ деревенскіе парни съ гармоникой и поютъ частушки. Какой контрастъ съ этимъ паркомъ, гдѣ въ тѣни аллей витаютъ образы прошлаго!..

И. И. Панаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ оставилъ нѣсколько строкъ, по которымъ можно кое-что возстановить о пребываніи въ Соколовѣ Герцена и его друзей.

„Герценъ, лѣтомъ 1845 г., переѣхалъ на дачу въ Соколово... Соколово старинное барское село, нѣкогда принадлежавшее Румянцевымъ, находится въ 20 ти верстахъ, не доѣзжая Москвы по петербургской дорогѣ... Мѣсто, гдѣ расположенъ соколовскій паркъ, очень живописно. Въ этомъ паркѣ выстроено нѣсколько домовъ и домиковъ. Въ одномъ изъ большихъ домовъ жилъ самъ помѣщикъ Д., другіе онъ отдавалъ въ-наймы на лѣто. Герценъ занялъ домъ, стоящій въ паркѣ на горѣ, надъ небольшою, извивающеюся рѣчкой. Влѣво, въ полуверстѣ отъ дома, гдѣ кончался паркъ, стояла бесѣдка, въ густой зелени, носившая названіе Belle vue, изъ которой открывался отличный видъ въ даль; вправо разстилались луга и хлѣбная степь“...

Отдѣльные домики, каждый съ своею загородкой, существуютъ и теперь, конечно, уже другой, новой постройки. Это обыкновенныя дачки. Ихъ не болѣе дюжины

Но вотъ на главной аллеѣ, служащей продолженіемъ дороги, слѣва выступаетъ старое зданіе съ колоннами, во вкусѣ александровской эпохи, домъ № 9, въ которомъ, какъ предполагаютъ, и жилъ Герценъ.

Надо подойти поближе, чтобы разсмотрѣть домъ, закрытый густою листвою старой липовой аллеи. Высокій фронтонъ поддержи вается четырьмя іоническими колоннами, вверху на мезонинѣ—балконъ со старинными точеными перилами, широко раскинулись боковыя крылья. Каменныя ступени террасы раскрошились, между плитъ проросла трава...

Невольно останавливаешься въ глубокой задумчивости передъ этимъ домомъ, на балконѣ котораго часто до разсвѣта велись бесѣды между такими богатырями мысли, какъ Герценъ и Грановскій; на лужайкѣ передъ которымъ, быть можетъ, обѣдали Тургеневъ, Некрасовъ. Хозяйками на этихъ обѣдахъ, конечно, были супруги Герцена—Наталья Александровна и Грановскаго—Елизавета Богдановна женщины своего вѣка, поэтическіе образы которыхъ такъ

ярко выступаютъ въ письмахъ ихъ знаменитыхъ супруговъ и воспоминаніяхъ друзей.

Быть-можетъ, вотъ по этой самой липовой аллеѣ гулялъ Тургеневъ, авторъ „Дворянскаго гнѣзда“, да и самое Соколово, съ его александровскимъ домикомъ и липами, развѣ тоже не „Дворянское гнѣздо“? Развѣ не чувствуется здѣсь невидимое присутствіе тургеневской Лизы, въ ея чистой свѣтлой комнаткѣ, съ зажженной на ночь лампадой? Развѣ не видишь здѣсь задумчиво сидящаго на скамейкѣ передъ домомъ мечтателя Лаврецкаго?..

Изъ „Воспоминаній“ Панаева мы видимъ, какъ протекала жизнь въ Соколовѣ:

„Утромъ, послѣ чая, Герценъ шелъ обыкновенно въ свой кабинетъ работать, и всѣ разсыпались въ паркѣ... Кто лежалъ съ книгой подъ деревомъ, кто гулялъ, кто велъ тихую бесѣду съ пріятелемъ на берегу рѣки, кто отправлялся купаться; Кетчеръ обыкновенно съ огромной палкой и котомкой уходилъ въ лѣсъ за грибами. Передъ обѣдомъ всѣ сходились. Герценъ являлся послѣ своихъ занятій еще живѣе и веселѣе обыкновеннаго, обѣдъ былъ шумный“...

Въ нѣсколькихъ шагахъ дальше отъ стараго дома, на той же аллеѣ, стоитъ скрытая деревьями небольшая бѣлая церковь. Въ старыхъ усадьбахъ богатыхъ помѣщиковъ всегда были свои церкви. Строили ихъ иногда знаменитые художники, иногда собственные дворовые архитекторы. Соколовская церковь построена въ классическомъ вкусѣ, съ колоннами, но строитель ея плохо справился съ задачей, получилось длинное зданіе, съ двумя возвышеніями по концамъ — куполомъ и колокольней. Особенно оригинально и необычно поставилъ онъ на колонны двухъярусную колокольню. Окруженная деревьями, заросшая травою церковь какъ бы олицетворяетъ умершую помѣщичью жизнь, съ ея безграничнымъ тяготѣніемъ ко всему собственному.

Вотъ ярко зеленѣетъ на солнцѣ изумрудными вѣтвями прямая широкая аллея изъ лиственницъ. Это уже затѣя не скромныхъ „дворянскихъ гнѣздъ“, а широкій розмахъ болѣе раннихъ вельможныхъ помѣщиковъ, это времена Румянцевыхъ-Задунайскихъ. Къ такимъ аллеямъ больше подходятъ пышные парики, блестящіе, расшитые золотомъ цвѣтные кафтаны временъ Екатерины.

Вотъ другая аллея, густая, тѣнистая. Огромныя вѣковыя ели и березы не пропускаютъ сюда солнечныхъ лучей. Темные стволы, позеленѣвшая отъ сырости земля. Какъ мрачно, какъ глухо...

Въ концѣ парка, направо отъ входа по главной аллеѣ, есть уголокъ съ прекраснымъ видомъ на окрестности. Здѣсь, вѣроятно, и стояла бесѣдка Belle vue. Теперь тутъ только скамейка, изрѣзанная надписями любителей увѣковѣчить свое имя на чемъ ни попало.

Высокій холмистый берегъ рѣчки Сходни красиво изрѣзанъ полосами полей. Направо живописно расположились избы деревни Юровой. Вдали темнѣютъ перелѣски, перемежаясь съ голыми холмами и желтыми нивами.

Тамъ, внѣ усадьбы, кипѣла крестьянская жизнь: человѣкъ въ потѣ лица добывалъ хлѣбъ не столько свой, сколько помѣщичій.

Какъ относились къ окружающему простому населенію Герценъ, Грановскій и ихъ друзья? Изъ воспоминаній современниковъ мы знаемъ, что имъ тяжело было смотрѣть на подневольный трудъ крѣпостного земледѣльца, что они понимали его нужды иначе, чѣмъ понимали ихъ строители такихъ усадьбъ.

Задумчиво гладишь на лица мужиковъ—
И понимаешь ихъ; предаться самъ готовъ
Ихъ бѣдному, простому быту.

Такъ писалъ Тургеневъ въ своемъ стихотвореніи „Деревня".

Въ одну изъ прогулокъ по окрестнымъ полямъ, во время жнивья, когда занятыя своимъ дѣломъ крестьянки работали серпами, не обращая ни на что другое вниманіе, а тѣмъ болѣе на свой костюмъ, состоящій только изъ самаго необходимаго, кто-то изъ пріѣзжихъ гостей замѣтилъ, что только одна русская женщина не умѣетъ стыдиться. Обиженный за русскій народъ въ его цѣломъ, Грановскій горячо возразилъ:

— Надо прибавить,—сказалъ онъ,—что фактъ этотъ составляетъ позоръ не для русской женщины изъ народа, а для тѣхъ, кто довелъ ее до того, и для тѣхъ, кто привыкъ относиться къ ней цинически. Большой грѣхъ за послѣднее лежитъ на нашей русской литературѣ. Я никакъ не могу согласиться, чтобъ она хорошо дѣлала, потворствуя косвенно этого рода цинизму распространеніемъ презрительнаго взгляда на народность.

Герценъ былъ такого же мнѣнія, и тотъ, кто видѣлъ недостатки народа въ его одѣяніи, вѣрнѣе, въ невольномъ невѣдѣніи условныхъ приличій, былъ жестоко посрамленъ.

Такъ жили и мыслили передовые русскіе люди въ этомъ уголкѣ еще тогда,

Когда надъ бѣдной русскою землей
Заря надежды медленно всходила.

Ихъ давно уже нѣтъ, всѣ умерли, кто въ изгнаніи, на чужбинѣ, кто у себя на родинѣ.

И вотъ здѣсь въ Соколовѣ ярко встаютъ ихъ образы, вспоминается плодотворная жизнь людей, думавшихъ,

Что бѣлый свѣтъ кончается не нами,
Что можно личнымъ горемъ не страдать
И плакать чистыми слезами.

Живое, бодрящее чувство выносишь изъ Соколова, этого разореннаго стараго, гнѣзда екатерининскаго вельможи.

Въ заключеніе, кстати будетъ сказать, что тѣсный кружокъ соколовскихъ обитателей не совсѣмъ распался даже и послѣ смерти. На московскомъ Пятницкомъ кладбищѣ есть такъ называемое „мѣсто Грановскаго", своего рода „литературные мостки". Тамъ въ одной оградѣ покоятся близко другъ отъ друга Т. Н. Грановскій, его супруга, Н. Х. Кетчеръ, Е. Ф. Коршъ, М. С. Щепкинъ, позднѣе легли — А. Н. Афанасьевъ, Ф. Е. Коршъ и А. В. Станкевичъ...

1917 г.

А. Саладинъ

ВЪ ЧЕМБАРѢ

Съ городомъ Чембаромъ, Пензенской губ., связано много воспоминаній изъ жизни великаго критика Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. Въ г. Чембарѣ онъ провелъ свое дѣтство, отрочество и первую половину юности...

Заброшенный среди полей степной полосы Пензенской губ. Чембаръ имѣетъ видъ захолустнаго городка, довольно далеко отстоящаго отъ линіи желѣзной дороги.

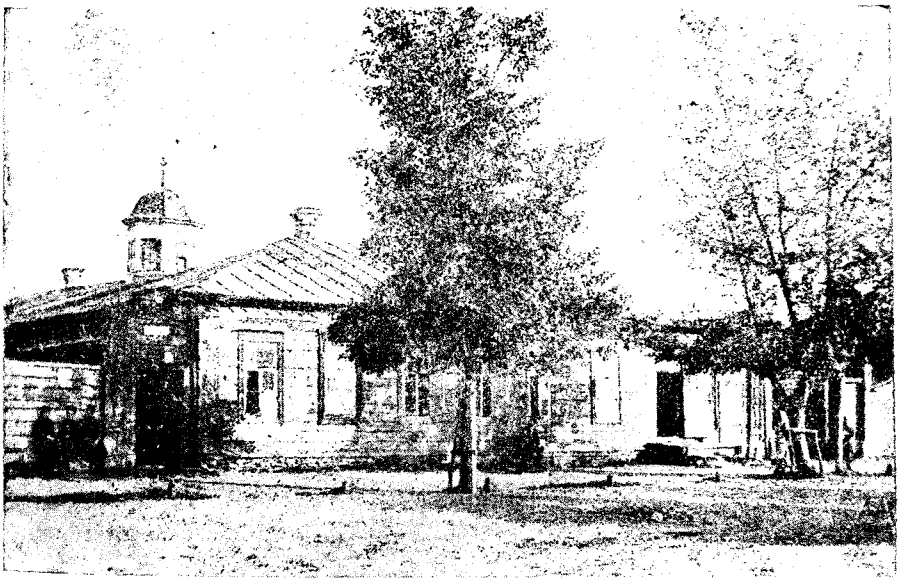
Городокъ очень красиво расположенъ на горѣ, склоны которой крутыми обрывами сходятъ къ рѣкѣ Чембару. Со всѣхъ сторонъ городъ окружаютъ рощи. Чембаръ—городокъ тихій, уютный, постройками собранный плотно къ центру.

Въ Чембарѣ, въ концѣ Московской улицы, до сихъ поръ сохранился одноэтажный, деревянный, крытый жестью, домъ, въ которомъ жилъ В. Г. Бѣлинскій. Шесть оконъ и двѣ двери дома выходятъ на улицу. Съ лѣвой стороны, надъ парадными сѣнями—стеклянная будка съ флюгеромъ. Домъ этотъ послѣ смерти отца Бѣлинскаго переходилъ нѣсколько разъ изъ однѣхъ рукъ въ другія; былъ одно время сданъ подъ трактиръ, послѣ—подъ номера и теперь стоитъ пустой съ заколоченными окнами и дверями. Зданіе пришло въ ветхость. Внутренняго расположенія комнатъ временъ Бѣлинскаго не существуетъ, сохранились лишь капитальныя стѣны и кое-какія перегородки. Дворъ вокругъ дома—широкій, просторный съ надворными постройками:—дровяникомъ, каретникомъ, хлѣвомъ, курятникомъ и баней;—все это хотя и въ полуразрушенномъ видѣ, но такъ, какъ было при прежнихъ хозяевахъ—Бѣлинскихъ. Сзади двора—поросшій бурьяномъ огородъ, давно никѣмъ не обрабатываемый.

Вотъ какъ В. Г. Бѣлинскій вспоминаетъ родной домъ и Чембаръ въ письмѣ къ Боткину отъ 16 апрѣля 1840 года:

„Вспомнилъ я разсказъ матери моей—она была охотница ры-

скать по кумушкамъ—, а я, грудной ребенокъ, оставался съ нянькою, нанятою дѣвкою; чтобы я не безпокоилъ ее своимъ крикомъ, она меня душила и била. Потомъ: отецъ меня терпѣть не могъ, ругалъ, унижалъ, придирался, билъ нещадно и площадно. Я въ семействѣ былъ чужой... На годъ раньше Бѣлинскій такъ вспоминаетъ „золотые годы своего дѣтства“: „Я снова становлюсь ребенкомъ и, вотъ уже съ біющимся сердцемъ, бѣгу по пыльнымъ улицамъ моего родного городка, вотъ вхожу на дворъ родимаго дома съ тесовою кровлею, окруженнаго бревенчатымъ заборомъ... Вотъ отъ воротъ



Домъ Бѣлинскаго въ Чембарѣ

до крыльца треугольный палисадникъ съ акаціями, черемуховымъ кустомъ и купою розановъ... Вотъ и огородъ, которому со двора служатъ оградою погребъ и другія службы, съ небольшими промежутками частокола, а съ остальныхъ трехъ сторонъ— плетень. . Вотъ и маленькая баня, при входѣ въ огородъ, даже и среди бѣлаго дня, пугавшая мое дѣтское воображеніе своею таинственною пустотою... А вотъ, возлѣ нея, и стогъ сѣна, на которомъ я часто воображалъ себя то Александромъ Македонскимъ, то Еруслановъ Лазаревичемъ... А въ домѣ—тамъ нѣтъ ни комнаты, ни мѣста на чердакѣ, гдѣ бы я не читалъ, или не мечталъ. или позднѣе не сочи-

нялъ...“ Изъ этого домика бѣгалъ маленькій Бѣлинскій въ школу дочери мѣстнаго чиновника—Ципровской. Научившись чтенію и письму, онъ дома у отца—Чембарскаго уѣзднаго лѣкаря—учился латыни.

Не разъ еще въ теченіе своей жизни вспоминалъ Бѣлинскій родной домъ и городъ.

Отъ дома Бѣлинскаго я направился къ городскому училищу, куда девятилѣтнимъ ребенкомъ поступилъ учиться и четырнадцати лѣтъ кончилъ въ немъ „курсъ наукъ“ Виссаріонъ Бѣлинскій. Зданіе училища имѣетъ видъ старинной двухъэтажной каменной съ полукруглыми окнами постройки. Снаружи оно выбѣлено известью и имѣетъ чистый приличный видъ. Внутри зданія—классы, канцелярія и служебныя комнаты, сохранившіяся въ томъ почти видѣ, какъ были они и при Бѣлинскомъ.

Учился въ городскомъ училищѣ Бѣлинскій первымъ ученикомъ. Когда училище посѣтилъ тогдашній директоръ народныхъ училищъ Пензенской губерніи, а впослѣдствіи извѣстный писатель И. И. Лажечниковъ, на всѣ предложенные имъ вопросы мальчикъ отвѣчалъ „съ налета“. За что Лажечниковъ и назвалъ его „ястребкомъ“. Тутъ же маститый писатель опредѣлилъ, что „Бѣлинскій не по возрасту задумчивый и не по лѣтамъ умный ребенокъ“ и предсказалъ ему широкую будущность. Впослѣдствіи они сдѣлались друзьями на всю жизнь.

Часто вспоминалъ Бѣлинскій и о городскомъ училищѣ. Вотъ какъ писалъ онъ объ этомъ въ 1835 году: „Когда, будучи еще мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, денно и нощно и безъ всякаго разбору списывалъ стихотворенія Карамзина Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богданова, Невзорова, Крылова и другихъ, когда я плакалъ, читая „Бѣдную Лизу“ и „Марьину рощу“ и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ при томномъ свѣтѣ луны съ понурымъ лицомъ“.

По лѣтамъ, когда Бѣлинскій учился уже въ Пензенской гимназіи, онъ на каникулы пріѣзжалъ въ Чембаръ и, бродя по его окрестностямъ, много мечталъ и сочинялъ. Широко было поле его воображенія, зато было и мѣста много, гдѣ ему можно было развернуться и разгуляться! Природа Чембара способствовала не мало развитію таланта геніальнаго критика.

Въ честь своего земляка чембарцы соорудили великолѣпнѣйшій народный домъ. Зданіе заложено было въ годовщину столѣтія со дня рожденія критика въ 1911 году и теперь ужъ окончательно выстроено и, украшая собою городъ, напоминаетъ всѣмъ о великомъ гражданинѣ Чембара – Бѣлинскомъ.

Народный домъ „имени В. Г. Бѣлинскаго“ стоитъ въ городскомъ паркѣ. Домъ двухъэтажный, каменный съ красивою куполообразною крышею. Внутри его помѣщается библіотека-читальня съ огромнымъ заломъ для чтеній, лекцій, спектаклей, бесѣдъ и собраній. Красивая наружная архитектура съ подъѣздами и колоннами дѣлаетъ домъ истиннымъ украшеніемъ города! Такъ что неправъ Некрасовъ, сказавъ:

„О тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя,
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила.

Нѣтъ, Бѣлинскій живъ и будетъ жить. Имя его, какъ великаго учителя, критика и мыслителя, „переживетъ вѣка собой“ потому что,— какъ сказалъ про него поэтъ;—

„Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ!..“

Г. Д. Смагинъ

ВЪ НЕКРАСОВСКИХЪ МѢСТАХЪ

Яснымъ майскимъ утромъ я со своимъ спутникомъ-фотографомъ сошелъ съ парохода на пристани Діево-Городище. Цѣлью нашего путешествія было посѣтить одно изъ „дорогихъ мѣстъ", село Грешнево, гдѣ прошли дѣтство и ранняя юность Николая Алексѣевича Некрасова. Разспросивъ о дорогѣ и, какъ всегда, получивъ самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія о разстояніи („кто жъ версты-то мѣрилъ?"), мы прошли заросшія травой и лопухами окраины села и спустились къ маленькой извилистой рѣчкѣ. На узкомъ и шаткомъ мостикѣ я опять спросилъ какую-то бабу о дорогѣ въ Грешнево. Итти нужно было проселкомъ, по которому, уходя за горизонтъ, тянулась сѣрая изгородь телеграфныхъ столбовъ.

— Никуда, милые, не сворачивайте. Вотъ, мимо „картофельнаго" завода пройдете, такъ столбовъ-то и держитесь ..

Запомнивъ это „топографическое" указаніе, мы обогнули кирпичныя строенія завода и по рыжей пашнѣ, вспаханной подъ картофель, вышли на песчаную ленту проселочной дороги.

Безлѣсная, слегка холмистая мѣстность широко разстилалась передъ глазами. Вдалекѣ, за Волгой, виднѣлись бѣлыя стѣны Бабайскаго монастыря.

Кругомъ все та же даль и ширь,
Все тотъ же виденъ монастырь...

вспомнились мнѣ строки изъ некрасовской поэмы „На Волгѣ".

День былъ нежаркій, итти было легко, и часа черезъ два мы добрались до Грешнева, расположеннаго на большой дорогѣ между Ярославлемъ и Костромой.

Я уже зналъ, что отъ барскаго дома Некрасовыхъ здѣсь не сохранилось почти никакихъ слѣдовъ и что въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ строеній помѣщается чайная „Раздолье".

— А гдѣ у васъ здѣсь „Раздолье"? спросили мы какую-то ста-

руху, тщетно старавшуюся отнять у своего маленькаго внука кнутъ вдвое больше его самого.

— А это подъ горкой, на самой дорогѣ.

Пройдя деревенскую улицу, мы увидали большой крѣпкій домъ съ кирпичнымъ нижнимъ и верхнимъ деревяннымъ этажемъ. Надъ окнами прибита вывѣска: „Чайная „Раздолье“ А. Г. Титова“.

Теперешній владѣлецъ Некрасовской усадьбы, Титовъ, купилъ ее у брата поэта лѣтъ тридцать назадъ. Первый, каменный этажъ чайной—остатки прежнихъ строеній барской усадьбы. Когда-то здѣсь

Липы на мѣстѣ Грешневскаго дома (фот. И. А. Лазарева)

помѣщались музыканты, до которыхъ отецъ поэта былъ большой охотникъ. „Музыка теперь составляетъ единственное мое удовольствіе“, писалъ онъ сыну. Оркестръ былъ довольно хорошій, и его нерѣдко приглашали на вечера въ Ярославль.

Флигель, гдѣ жили музыканты, назывался „Раздолье“, отсюда, по словамъ Титова, и получила названіе существующая нынѣ чайная. Недалеко отъ „музыкантской“ помѣщалась псарня, называвшаяся „Самарой“, очевидно по имени протекающей здѣсь рѣчонки Самарки.

Я вошелъ въ чайную и разговорился съ Титовымъ. Самъ онъ изъ Ростовскаго уѣзда и сообщить мнѣ о Н. А. Некрасовѣ ничего не могъ зато не безъ гордости показалъ разведенный имъ фркуто-

вый садъ. Въ немъ пышно цвѣли яблони, и дорожки были усыпаны снѣгомъ бѣлыхъ лепестковъ.

За плетнемъ сада буйно разрослись темныя старыя липы, посаженныя когда-то около господскаго дома, отъ котораго теперь сохранились только камни разрушеннаго фундамента; домъ же сгорѣлъ еще въ шестидесятыхъ годахъ.

„Барскій домъ", писала сестра поэта, А. А. Буткевичъ, „выходилъ на самую дорогу, и все, что по ней ѣхало и было видно, начиная съ почтовыхъ троекъ и кончая арестантами, закованными въ цѣпи, въ сопровожденіи конвойныхъ—было постоянной пищей нашего дѣтскаго любопытства... За садомъ непосредственно начинались крестьянскія избы. Я помню, что это сосѣдство было постояннымъ огорченіемъ для нашей матери: толпа ребятишекъ, нарочно избиравшая для своихъ игръ мѣсто возлѣ рѣшетки усадебнаго сада, какъ магнитъ притягивала туда брата, никакія преслѣдованія не помогали. Впослѣдствіи онъ продѣлалъ лазейку и при каждомъ удобномъ случаѣ вылѣзалъ къ нимъ въ деревню, принималъ участіе въ ихъ играхъ, которыя нерѣдко оканчивались общей дракой".

Эти воспоминанія о дѣтствѣ нашего поэта соотвѣтствуютъ тѣмъ картинамъ, которыя онъ рисуетъ въ своемъ стихотвореніи „Крестьянскія дѣти", написанномъ въ Грешневѣ. Здѣсь же упоминается и о разговорахъ на большой дорогѣ съ разными „людьми рабочаго званія":

Иной подгуляетъ, такъ только держися,—
Начнетъ съ Волочка до Казани дойдетъ.
Чухну передразнитъ, Мордву, Черемиса,
И сказкой потѣшитъ и притчу ввернетъ...
Случалось тутъ цѣлые дни пролетали,
Что новый прохожій, то новый разсказъ.

Мнѣ непосчастливилось слышать въ „некрасовскихъ" мѣстахъ самаго интереснаго,—разсказовъ старожиловъ: послѣдній, кто хорошо помнилъ Николая Алексѣевича, бывшій дворовый Некрасовыхъ, старикъ Полянинъ, умеръ. Впрочемъ всѣ эти довольно многочисленные разсказы въ свое время были подробно записаны прежними посѣтителями „Некрасовщины" *).

*) Большинство изъ нихъ читатель найдетъ въ книгѣ В. Евгеньева, Ник. Ал. Некрасовъ. Сборникъ статей и матеріаловъ. М. 1914, а также въ сборникѣ „Н. А. Некрасовъ въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и несобр. произв.", составленномъ Г. Ветринскимъ. М. 1911.

Въ сторонѣ отъ большой дороги, обсаженной старыми развѣсистыми березами, въ трехъ верстахъ отъ Грешнева, находится село Абакумцево, на церковномъ кладбищѣ котораго похоронены отецъ, мать и другіе родственники Н. А. Некрасова.

Свернувъ съ большой дороги опять на проселокъ, мы встрѣтили маленькую сгорбленную старушку. Спросивъ ее о дорогѣ въ Абакумцево, мы разговорились. На мой вопросъ, помнитъ ли она Некрасовыхъ, старуха оживилась:

— Помню, батюшка, помню! Старый-то баринъ лихой былъ, людямъ отъ него житья не было... Вотъ, какъ начнетъ бывало охотиться, такъ со своими собаками всюду рыщетъ, ничего не разбираетъ: поле—не поле, лугъ—не лугъ... Собакъ этихъ было у него видимо-невидимо. Такъ онъ ихъ, почитай, больше людей любилъ. Былъ у него одинъ псарь, Митькой звали, такъ дѣвки его страсть какъ боялись: ну какъ баринъ какую изъ нихъ за него замужъ отдастъ... Сама-то я была не некрасовская, у насъ баринъ хорошій былъ, добрый...

Воспоминанія старухи этимъ только и ограничились. Я пытался узнать отъ нея что-либо о Николаѣ Алексѣевичѣ, но она перевела разговоръ на иныя воспоминанія о своемъ „добромъ баринѣ".

Вскорѣ мы съ ней разстались и подошли къ бѣлой абакумцевской церкви Петра и Павла.

На кладбищѣ, кромѣ нѣсколькихъ маляровъ, красившихъ церковь, никого не было.

Здѣсь, около алтаря, почти у самой церковной стѣны, стоитъ за желѣзной рѣшеткой скромный памятникъ изъ бѣлаго мрамора на гранитномъ основаніи. На памятникѣ вырѣзана краткая надпись: „Елена Андреевна Некрасова. Скончалась 29 іюля 1841 г.".

Густая трава и разросшіяся гибкія вѣтви тальника закрываютъ сѣрое основаніе памятника.

Туманныя облака затянули небо и сгустились въ легкую тучу. Подулъ вѣтеръ, и вѣтви тальника на могилѣ тихо закачались; мелкія и теплыя дождевыя капли мягко зашуршали по деревьямъ и, словно слезы, покатились по мрамору памятника. Мнѣ невольно вспомнились строки стихотворенія объ этой самой могилѣ:

Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...

Отецъ Николая Алексѣевича погребенъ въ склепѣ, о которомъ поэтъ, обращаясь къ памяти матери, написалъ:

Я радъ, что ты не подъ семейнымъ сводомъ
Погребена—тамъ душно, солнца нѣтъ;
Не будетъ тамъ лежать и твой поэтъ.

„Семейный сводъ“ Некрасовыхъ помѣщается въ небольшой кирпичной часовенкѣ, построенной въ углу церковной ограды. Внутри его, на стѣнахъ картины, изображающія Спасителя, Положеніе во гробъ и Воскресеніе. По голубому куполу потолка раскиданы золотыя звѣзды. Я заглянулъ внизъ, въ раскрытый темный склепъ и на меня пахнуло сыростью и холодомъ: тамъ мрачно чернѣлась вода, набравшаяся, очевидно, весною.

Рядомъ съ могилой Елены Андреевны находятся еще два маленькихъ покосившихся памятника изъ простого камня. На одномъ изъ нихъ можно разобрать полустертую надпись: „Священному праху родителя посвящаетъ сіе благодарный штабсъ-капитанъ Сергѣй Сергѣевичъ Некрасовъ. Августа ... дня 1832 года“.

Обойдя кладбище, мы опять проходимъ селомъ. Съ пригорка передъ нашими глазами чудесная панорама луговъ и полей съ зеленѣющимъ хлѣбомъ, большая дорога и грешневскія избы. Вправо за дорогой холодно поблескиваетъ круглое озеро, въ которомъ по народнымъ разсказамъ исчезло цѣлое село и церковь. Еще дальше синѣетъ Волга, гдѣ когда-то звучали заунывныя пѣсни бурлаковъ, чьи жалобные стоны сохранила намъ скорбная муза Некрасова.

Ярославль,
26 мая 1915 г.

Николай Ашукинъ

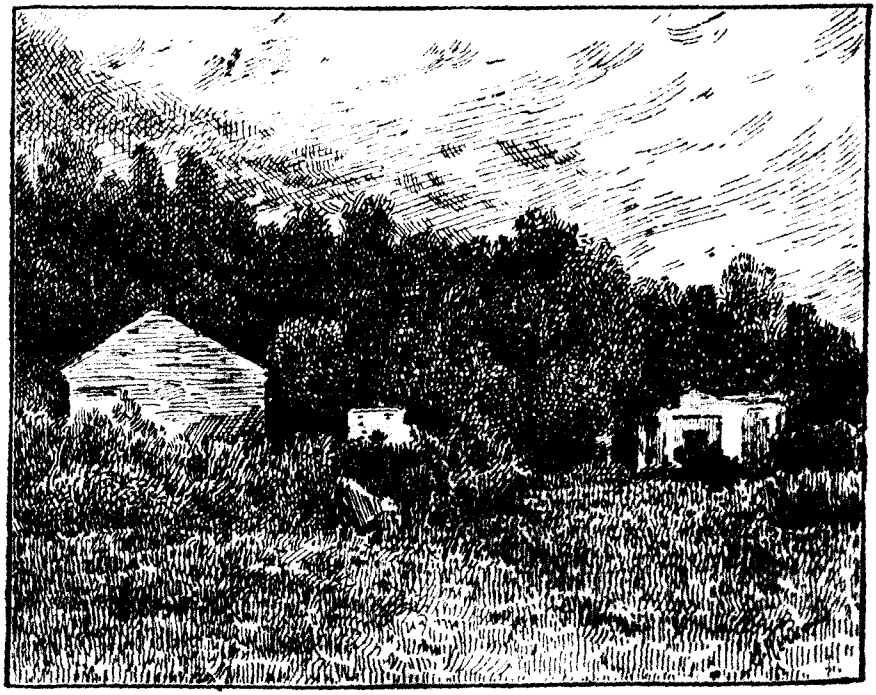
ВЪ СПАССКОМЪ

— А вонъ это и будетъ Спасское!—прервалъ мой возница свой весьма живой разсказъ о мѣстныхъ дѣлахъ.

Я взглянулъ по указанному ямщикомъ направленію и увидѣлъ вдали, на горизонтѣ, синѣющую полосу лѣса съ чуть замѣтной на его темномъ фонѣ бѣлой церковью. И невольно мысль отъ впечатлѣній текущей минуты перенеслась въ то далекое время, лѣтъ за 50—60 назадъ. Вотъ тѣ мѣста, та природа, вдохновлявшія нашего несравненнаго художника слова, доставившія ему такой богатый запасъ тонкихъ наблюденій, переживаній и чувствованій, положившихъ нѣжныя и мягкія краски на его поэтическій рисунокъ... Я оглядывался кругомъ. Да, все знакомыя мѣста. Слегка волнистая поверхность, съ неглубокими зеленѣющими долинами, сѣро-желтыми убранными хлѣбными полями, раскинутыми по мягкимъ скатамъ холмовъ, а вдали горизонтъ замыкаютъ синѣющія полоски лѣсовъ. Мягкій солнечный свѣтъ льется сверху, и ласковые нежгучіе лучи играютъ на разбросанныхъ тамъ и сямъ хуторахъ и деревенькахъ. Именно такою,--мягкою, нѣжною, я бы сказалъ: ровною, безъ бросающихся въ глаза яркихъ красокъ, рѣзкихъ контрастовъ,—изображалъ И. С. Тургеневъ родную природу средней полосы Россіи.

Переѣхавъ неширокую долину съ привѣтливо смотрѣвшими на насъ изъ-за зелени деревьевъ крестьянскими домиками небольшой деревушки, мы тихимъ шагомъ взобрались на пригорокъ между изгородей, тянувшихся по бокамъ большихъ фруктовыхъ садовъ. Лошади весело побѣжали между сжатыми полями, и скоро мы вкатили въ Спасское. Проѣхавъ мимо часовни, выстроенной И. С. у самаго въѣзда въ село (въ память освобожденія крестьянъ), мы покатили по широкой и ровной улицѣ села. Меня пріятно удивилъ нарядный видъ крестьянскихъ домиковъ именно домиковъ, а не хатъ. Большинство выстроено изъ кирпича, выстроено на городской манеръ—ровно, чисто, съ бѣлымъ рисункомъ по красному фону;

крыши крыты соломой или тесомъ, но выложены гладко; солома не торчитъ безобразными вихрами въ разныя стороны, какъ приходилось видѣть въ обѣднѣвшихъ селахъ сосѣдней Воронежской губерніи; передъ нѣкоторыми домиками—палисадники, а сзади видны огороды съ неизмѣнными подсолнухами и грядами картофеля. День былъ праздничный, и на завалинкахъ виднѣлись мужики группами;



Остатки стараго Тургеневскаго дома

тутъ же бѣгали полураздѣтыя дѣтишки; взадъ и впередъ по селу весело шныряли дѣвки, конечно, въ ярко-красныхъ платкахъ и такого же цвѣта кофтахъ и юбкахъ. Онѣ останавливались и изъ-подъ руки съ любопытствомъ смотрѣли на катившійся мимо экипажъ.

Ямщикъ полуобернулся и, какъ бы уловивъ мою мысль, промолвилъ:

— Нечего сказать, живутъ хорошо. Т.-е. не такъ, чтобъ ужъ очень, а все же... исправно живутъ, не голодаютъ. Иванъ Сергѣевичъ въ то время далъ имъ полный надѣлъ, три десятины на душу. Окрестъ помѣщики по осминнику ($^1/_8$ десятины) давали, а

Иванъ Сергѣевичъ полный надѣлъ предоставилъ, не обидѣлъ. Хорошій помѣщикъ былъ. Сказываютъ, какъ пріѣзжалъ, кажный разъ лѣсъ мужикамъ отпускалъ.

— А ты самъ помнишь его?

— Нѣтъ, мнѣ не пришлось видѣть, самъ я изъ Мценска, изъ мѣщанъ, а такъ сказываютъ. Тутъ еще есть, которые помнятъ. Конечно, давно было, а помнятъ, добромъ поминаютъ. Которые молодые. тѣ не такъ: изъ баръ, говорятъ, былъ, не нашъ братъ, а старики помнятъ: добрый баринъ, заботливый, да ласковый, никого не обидитъ, всякую помощь сдѣлаетъ. Вотъ и часовенку поставилъ,—видѣли?—чтобы кабакъ не допустить; одинъ тутъ мѣщанишка арендовалъ у крестьянъ на краю землю, хотѣлъ кабакъ ставить, а Иванъ-то Сергѣевичъ и выстроилъ часовню; анъ положеннаго числа саженъ и нехватило для кабака-то, значитъ. Такъ и досей поры безъ кабака обходятся. Живутъ хорошо, что и сказать.

— А какъ насчетъ земли, хватаетъ имъ или арендуютъ?

— Нѣтъ, не слыхать, чтобы .. Теперешніе господа въ аренду не сдаютъ, управляющій самъ хозяйствуетъ. А насчетъ земли такъ уже не безпокоятся. Нужно вамъ сказать, много народу изъ Спасскаго въ Петербургъ и Москву идетъ въ извозчики, оттуда присылаютъ. Десятку онъ тамъ пропьетъ, прогуляетъ, а десятку домой пришлетъ. Много туда народа ходитъ, больше въ Петербургъ; тамъ изъ Спасскаго четверо лошадей держатъ, штукъ по двадцати и болѣ; вотъ къ своимъ и идутъ.

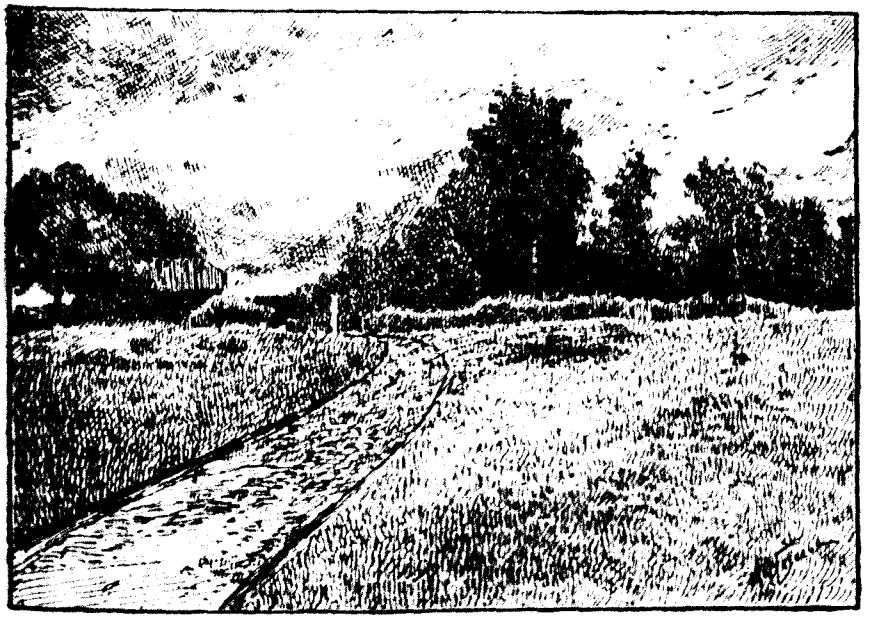
Мы выѣхали за село и подъѣхали къ старому тургеневскому парку. Мнѣ нужно было заѣхать предварительно къ управляющему, вручить ему письмо отъ теперешней владѣлицы имѣнія, г-жи Галаховой. Хуторъ управляющаго дальше, за паркомъ въ полуверстѣ.

Со страннымъ чувствомъ входилъ я въ старый, заросшій, темный паркъ. Трудно выразить это смѣшанное чувство восхищенія и робости; такъ много воспоминаній и образовъ тѣснится въ мозгу, и вмѣстѣ съ тѣмъ безмолвіе и зеленый полумракъ навѣваютъ чувство покоя и безотчетной грусти. Когда-то здѣсь была жизнь,—своеобразная жизнь стараго дворянскаго гнѣзда. Стоялъ большой барскій домъ, кругомъ были расположены многочисленныя хозяйственныя постройки—конюшни, сараи, птичникъ и пр., суетилась дворня, слышался смѣхъ дворовыхъ дѣвушекъ, лай собакъ, ржанье лошадей, изъ кухни доносился стукъ ножей; временами въ этотъ

многоголосый хоръ вплетались и иные звуки—крикъ наказываемаго дворового, плачъ дѣвушки. Времена были суровыя... Но старая барыня умерла, и жизнь въ усадьбѣ построилась на иной ладъ. Дворня была отпущена молодымъ Тургеневымъ на волю; часть ея однако осталась въ качествѣ слугъ и берегла усадьбу. Баринъ уже не жилъ здѣсь, а бывалъ только наѣздами. Тихо прогуливался онъ по тѣнистымъ аллеямъ парка, обвѣваемый поэтическими образами и грезами, или садился въ бесѣдку писать, а то бралъ ружье и съ неизмѣннымъ Ермолаемъ отправлялся скитаться по окрестнымъ лѣсамъ, кустарникамъ и болотамъ. Тишина нарушалась лишь наѣздами постороннихъ; частенько подкатывали сюда коляски, подвозившія именитыхъ и неименитыхъ гостей; пріѣзжали писатели, артисты, великосвѣтскіе пріятели, окрестные помѣщики. Шли веселые разговоры, споры, устраивались прогулки, катанья, обѣды; паркъ наполнялся голосами. Иванъ Сергѣевичъ однако подолгу не засиживался въ своемъ Спасскомъ и спѣшилъ къ своимъ заграничнымъ друзьямъ; въ усадьбѣ надолго водворялась чинная тишина; съ теченіемъ времени она прерывалась все рѣже и рѣже наѣздами своего стараго хозяина. Но паркъ поддерживался въ порядкѣ; аллеи были прочищены и посыпаны пескомъ, между кустовъ вились дорожки, кругомъ дома разбросаны были куртины съ цвѣтами, въ сторонѣ стояла оранжерея, по другую сторону пролегали подчищенныя поляны, ласкавшія глазъ изумрудомъ зеленой травы, а кругомъ шумѣли верхушки вѣковыхъ гигантскихъ лиственницъ, елей, липъ и дубовъ.

Прошло 25 лѣтъ, и паркъ обратился въ сплошной лѣсъ, заросшій кустами орѣшника, крапивой и бурьяномъ. Домъ сгорѣлъ; на его мѣстѣ поднимаются изъ-за бурьяна почернѣвшіе остатки стѣнъ и груды кирпича. Отъ былыхъ хозяйственныхъ построекъ въ большинствѣ и слѣда не осталось. Аллеи заросли травой, на большомъ протяженіи паркъ превратился въ густо заросшую чащу; кусты безпорядочно разрослись и перемѣшались съ крапивой и репейникомъ. Получилась полная картина запустѣнія. Но и въ настоящемъ запущенномъ видѣ паркъ поражаетъ своеобразной дикой красотой. Такъ же прямо стоятъ темныя высокія липы, давая густую и прохладную тѣнь, посреди парка высится рядъ могучихъ, въ нѣсколько обхватовъ старыхъ елей, невдалекѣ отъ развалинъ дома раскинули свои нѣжныя блѣдно-зеленыя вѣтки красавицы-лиственницы; далѣе—цѣлая полоса веселыхъ березъ, а среди кустовъ татарской

жимолости, сирени, малины возвышается колоссальный дубъ, какъ тигантскій паукъ, раскинувшій далеко въ стороны цѣлую сѣть крѣпкихъ, могучихъ вѣтвей. За дубомъ идутъ поляны съ небольшими яблонями, далѣе—цѣлая чаща сливъ и вишневыхъ деревьевъ, а по бокамъ и внизъ тянутся густыя заросли обратившагося въ дремучій лѣсъ парка. Внизу паркъ замыкается большимъ прудомъ, мѣстами уже заросшимъ камышомъ и затянувшимся ряской.



Въѣздъ въ Спасское

Послѣ смерти Тургенева имѣніе Спасское перешло къ его дальней родственницѣ Ольгѣ Васильевнѣ Шеншиной; она теперь замужемъ за орловскимъ вице-губернаторомъ Галаховымъ. Владѣлица живетъ въ Орлѣ и въ Спасскомъ бываетъ изрѣдка.

Часа два бродилъ я по парку, не встрѣчая ни одной человѣческой души; ходилъ по липовымъ аллеямъ, забирался въ зеленый сумракъ зарослей орѣшника, продирался между кустовъ, и, говоря словами Тургенева, любимые образы, любимыя лица приходили на память, давнымъ-давно заснувшія впечатлѣнія неожиданно просыпались, воображеніе рѣяло и носилось, какъ птица, и все такъ ясно двигалось и стояло передъ глазами („Лѣсъ и степь“). Хозяйствен-

ный мужикъ Хорь и поэтическій Калинычъ, грустное лицо мельничихи, вдохновенныя фигуры „пѣвцовъ“, маленькая причудливостранная фигурка поэта—Касьяна съ Красивой Мечи—перемѣшивались въ сложную сѣть образовъ и надъ всѣми этими образами высоко парилъ трогательный, незабвенный образъ Лукерьи („Живыя мощи“), съ ея тихимъ шелестомъ словъ, неподвижнымъ бронзовымъ лицомъ, нѣжнымъ сіяніемъ глазъ и поэтическими видѣніями.

Пробираясь по тропинкѣ надъ прудомъ, набрелъ я на ель—„Два брата“; такъ прозвана она потому, что собственно состоитъ изъ двухъ елей, сросшихся внизу, а потомъ опять раздѣляющихся на два ровные, какъ свѣчи, ствола; стволы эти высоко взлетаютъ вверхъ прямыми, замѣчательно ровными вершинами. Тургеневъ любилъ эту ель и вырѣзывалъ на ней свои иниціалы; то же дѣлали и многочисленные гости, и ель покрыта кругомъ массой надписей. Всматриваясь въ эти надписи, я услышалъ за спиною шелестъ, обернулся и увидѣлъ мужика лѣтъ 40 съ пріятнымъ, умнымъ лицомъ. Это былъ сторожъ, давно разыскивавшій меня по парку. Мы разговорились съ нимъ. Видѣлъ онъ И. С. всего разъ въ послѣдній его пріѣздъ, будучи самъ мальчикомъ.

— Былъ тогда я школьникомъ. Помню, бѣгали мы тутъ по парку. А паркъ былъ не то, что теперь; всюду были дорожки, бесѣдки, скамейки, зарослей этихъ и бурьяну не было; свѣтлый, чистый былъ паркъ.

— Куда-же дѣлись скамейки? Я ни одной не встрѣтилъ.

— Да ни одной и нѣтъ; иныя сгнили, сами развалились, другія ребята потаскали; извѣстно, тащутъ все, что можно... Помню, пріѣхалъ баринъ, сейчасъ мужиковъ всѣхъ собралъ, бабъ, дѣвокъ угощалъ, подарки дарилъ, хороводы ему водили, пѣсни пѣли, весело было. Хорошій баринъ былъ.

Больше онъ ничего мнѣ сообщить не могъ; въ его дѣтской памяти удержалась только эта картина веселаго празднества.

— Тутъ одинъ человѣкъ есть, его старый лакей; онъ и до сихъ поръ живъ; такъ онъ вамъ много можетъ разсказать, потому что все время находился при особѣ Ивана Сергѣевича.

Я далеко не обошелъ всего стараго тургеневскаго парка; хотѣлось побывать всюду, проникнуть во всѣ уголки и закоулки. Поэтому я условился со сторожемъ пройти къ нему въ сторожку попозднѣе и отправился бродить далѣе.

Я направился по чуть замѣтной тропинкѣ между высокими стройными осинами и вскорѣ вышелъ въ веселую березовую рощу съ лужайками мягкой травы. Солнце начинало клониться къ западу, но лучи его свободно просачивались сквозь зеленую листву березъ, привѣтливо озаряя мягкія лужайки, пересѣченныя удлинившимися тѣнями. Я прилегъ на траву, заложилъ руки подъ голову и началъ смотрѣть въ далекій бездонный небесный сводъ, по которому медленно плыли небольшія бѣлыя облачка. Помните прекрасное мѣсто изъ „Касьяна съ Красивой Мечи"? „Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ! Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается подъ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но, словно корни огромныхъ растеній, спускаются, отвѣсно падаютъ въ тѣ стекляннопрозрачныя волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень" и т. д., и т. д. Автора „Записокъ охотника" вывелъ изъ созерцательнаго настроенія укоризненный возгласъ Касьяна, зачѣмъ онъ убилъ птицу. Меня вернули къ дѣйствительности раздававшіеся въ отдаленіи крики: кто-то за кѣмъ то гнался. Я всталъ и пошелъ по направленію къ выходу изъ парка. На аллеѣ изъ вѣковыхъ липъ откуда-то изъ-за кустовъ вдругъ вынырнула бѣлая фигура. То былъ мужикъ, растрепанный, въ одной распущенной рубахѣ и портахъ, босой и безъ шапки. Онъ подозрительно покосился, но затѣмъ, какъ бы разувѣрившись, спросилъ:

— Баринъ, не видали: двое ребятъ тутъ пробѣгли? Просто бѣда!—добавилъ онъ.—Весь садъ обнесли!

— Да вы кто, сторожъ, что ли, будете?

— Фрукты мы тутъ сняли; двое насъ. Да развѣ углядишь! Ты тамъ ходишь, яблоки у насъ тамъ, а они сюда, къ сливамъ; ты за ними побѣгъ, а они въ чащу, въ кусты; гдѣ ихъ тутъ ловить! Все наши мужики. Сейчасъ двухъ запримѣтилъ, съ села. Вотъ вы, баринъ, знаете,—нельзя ли протоколъ на нихъ составить? А то просто разбойники, мочи нѣтъ.

— Безъ свидѣтелей нельзя.

— Такъ какъ же быть-то? Вотъ, прости Господи, бѣда-то!—И онъ почесалъ въ затылкѣ.

Я поспѣшилъ перевести разговоръ на интересовавшую меня тему.

— Какъ же, помню, помню! Не одинъ разъ довелось видѣть; я со службы пришелъ, а Иванъ Сергѣевичъ вскорости и померли. Хорошій баринъ былъ. Бывало цріѣзжалъ, сейчасъ отовсюду народъ къ нему приходилъ.

— Вы Ивана Сергѣевича старикомъ помните?

— Да, весь бѣлый такой, но статный, прямой.

— Что же, и на деревню къ вамъ ходилъ, интересовался, какъ живете?

— Какъ же. Мужики къ нему приходили, со всѣми разговаривалъ, всѣхъ разспрашивалъ, какъ и что. Хорошій былъ баринъ, добрый, Царствіе ему Небесное!

Но тутъ на лицѣ моего собесѣдника выразилась тревога, онъ вытянулъ шею и прислушался.

— Въ сливы пойти...

И, не поклонившись, онъ побѣжалъ быстрой, безшумной рысцой, только голыя пятки засверкали. И не вѣрилось, что этому мужику уже перевалило за пятьдесятъ.

Итакъ, вотъ во что превратилась старая тургеневская усадьба. Отъ дома остались груды камней, паркъ одичалъ и заросъ крапивой, фруктовыя деревья сдаются съемщикамъ-крестьянамъ, которые и день и ночь бѣгаютъ кругомъ и охотятся на своихъ односельчанъ, дробирающихся ватагами „обносить" садъ...

Вечерѣло. Я вышелъ изъ парка и прошелъ къ сторожкѣ. Сторожъ меня уже ждалъ и, повелъ къ старому камердинеру Тургенева, Петру Михайловичу Перегримову. Этотъ Петръ Михайловичъ все время жилъ въ имѣніи, за границу съ бариномъ не ѣздилъ, а оставался управлять домомъ и усадьбой. Теперь ему около 80 лѣтъ, но онъ очень живо помнитъ старые годы и съ удовольствіемъ разсказываетъ. У него же живутъ и двѣ дочери Ермолая, съ которымъ Тургеневъ охотился. Я засталъ всѣхъ въ сборѣ. Меня радушно приняли и усадили пить чай. Петръ Михайловичъ важно засѣдалъ на старомъ тургеневскомъ креслѣ, обвязанный платками, и говорилъ о своемъ старомъ, добромъ баринѣ. Безпорядочная старческая рѣчь долго лилась, и уже было поздно, когда я оставилъ Петра Михайловича и направился къ о. дьякону.

Древній старикъ (ему 79 лѣтъ), о. дьяконъ еще продолжаетъ служить въ церкви, хотя рѣчь его уже носитъ невнятный характеръ. Я засталъ его сидящимъ на крылечкѣ въ старенькомъ под-

рясникѣ, объяснилъ ему цѣль своего посѣщенія, и онъ сейчасъ же охотно вступилъ въ бесѣду. Рѣчь шла больше о школѣ, въ которой о. дьяконъ учительствовалъ.

Школа была открыта въ 1863 году на правахъ частнаго сельскаго училища. Содержалась она всецѣло на средства, отпускаемыя Иваномъ Сергѣевичемъ. Онъ и жалованье платилъ, и покупалъ учебники и учебныя пособія, отпускалъ дрова на отопленіе и пр. Самъ внимательно слѣдилъ за ходомъ преподаванія; непремѣнно приходилъ на экзаменъ, самъ экзаменовалъ. Въ 1869 году для школы было выстроено Иваномъ Сергѣевичемъ новое болѣе удобное зданіе. Въ послѣднее время Иванъ Сергѣевичъ все хлопоталъ, чтобы обезпечить будущность школы, хотѣлъ продать часть земли, чтобы положить капиталъ на ея содержаніе; но смерть застигла его раньше, чѣмъ онъ успѣлъ привести въ исполненіе свои намѣренія. Новые владѣльцы не прилагали стараній къ продолженію дѣла, и школа закрылась въ 1884 г. Съ тѣхъ поръ до 1905 года въ селѣ не было школы; народилось цѣлое поколѣніе безъ школы, не получивъ возможности наслаждаться художественными твореніями великаго писателя. Въ 1905 году въ Спасскомъ была открыта церковно-приходская школа, въ которую ходятъ дѣти и изъ сосѣднихъ деревень; школа многолюдная, въ ней до 100 учениковъ. Однако въ школьной библіотечкѣ и до сихъ поръ нѣтъ собраній сочиненій Тургенева.

Однимъ словомъ, судьба устроила такъ, что въ самомъ гнѣздѣ писателя знаютъ его менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Старые люди еще сохранили о немъ смутное воспоминаніе, но только какъ о хорошемъ и добромъ баринѣ. Молодежь же совсѣмъ не имѣетъ представленія о своемъ великомъ соотечественникѣ.

Отъ дьякона я прошелъ къ священнику. Батюшка поступилъ въ Спасское уже въ 90-хъ годахъ и лично Тургенева не зналъ. Но отъ него я узналъ, какъ будетъ отпразднованъ въ Спасскомъ день 22-го августа *). Въ церкви будутъ отслужены заупокойная обѣдня по Иванѣ Сергѣевичѣ и панихида, и будетъ сказано слово о заслугахъ Ивана Сергѣевича въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Послѣ богослуженія въ школѣ состоится актъ, на которомъ будутъ про-

*) 22-го августа 1908 г.,—день двадцатипятилѣтія со дня смерти И. С. Тургенева

читаны отрывки изъ сочиненій Тургенева, а батюшка произнесетъ рѣчь о Тургеневѣ и отношеніи его къ Спасскому и крестьянамъ. Въ школѣ будетъ помѣщенъ портретъ писателя, а ученикамъ предполагается раздать небольшія книжечки съ разсказами Тургенева. Наконецъ, въ школьную библіотеку пріобрѣтается полное собраніе сочиненій Тургенева. Однимъ словомъ, день этотъ останется въ памяти мѣстныхъ крестьянъ.

На дворѣ стояла лѣтняя ночь во всей своей красѣ, когда я вышелъ отъ священника и направился ночевать на хуторъ управляющаго, отстоящій приблизительно въ верстѣ отъ церкви. Приходилось итти мимо парка, а потомъ по открытому полю. Помните удивительное описаніе лѣтней ночи въ „Бѣжиномъ лугѣ"? Такъ вотъ живо мнѣ припомнилось это описаніе, когда я шелъ по мягкой дорогѣ, освѣщаемой лишь сіяніемъ звѣздъ. „Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ,—запахъ русской ночи".

На другой день, рано утромъ, я спѣшилъ на станцію желѣзной дороги. Погода испортилась, небо было затянуто непроницаемой сѣрой завѣсой, и оттуда моросилъ чуть замѣтный дождикъ. Тарантасъ плавно катился по мягкой дорогѣ, мимо лѣсовъ, въ которыхъ когда-то охотился И. С. Тургеневъ. Мнѣ было грустно смотрѣть на картину разрушенія.

А. Михайловскій

ВЪ ЯСНОЙ ПОЛЯНѢ

Со Л. Н. Толстымъ я лично не былъ знакомъ до 1903 г., хотя и переписывался съ нимъ по дѣламъ, касающимся его друзей, неповольно попавшихъ въ Сибирь. Осенью 1903 г., будучи въ Москвѣ, я написалъ въ Ясную Поляну письмо съ просьбой назначить мнѣ время, когда я могу навѣстить Льва Николаевича. Утвердительный отвѣтъ не замедлилъ и въ 1 ч. ночи 16 октября я уже сидѣлъ въ вагонѣ Московско-Курской желѣзной дороги.

Изъ Москвы въ Ясную Поляну ѣздятъ обыкновенно черезъ ст. Козлова-Засѣка (первая станція за Тулой) или черезъ Тулу, откуда приходится ѣхать на лошадяхъ 15 верстъ. Отъ Козловой-Засѣки до усадьбы Толстого считается 3—4 версты по проселочной дорогѣ, но здѣсь не всегда возможно найти лошадей. Я поѣхалъ на ст. Ясенки, откуда путь лежитъ по шоссе, а затѣмъ приходится ѣхать еще на лошадяхъ верстъ 8—9.

Въ 9 ч. утра я былъ уже на ст. Ясенки—вторая станція за Тулой. У вокзала стояли до 10 одноконныхъ и парныхъ экипажей. Ямщики одинъ передъ другимъ предлагали мнѣ свои услуги. Всѣ они, за исключеніемъ одного старика, называли Л. Н. Толстого графомъ, не упоминая его имени, отчества и фамиліи.

— Къ графу? Пожалуйте! Что заплатите, всѣмъ буду доволенъ!..

— Наймите меня, я часто вожу къ графу... Быстро доѣдемъ...

— Баринъ, пожалуйте сюда... Я знаю Льва Николаевича почитай 40 лѣтъ. Много народу къ нему перевозилъ. Подрядите старика.

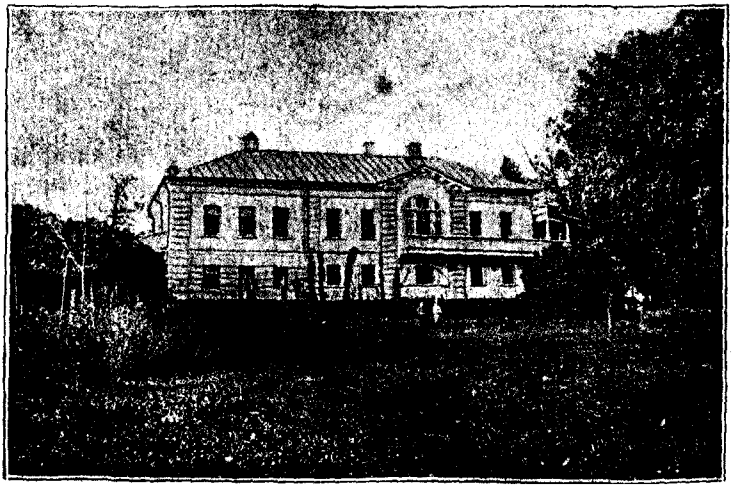
Мнѣ казалось, что ямщики съ особенной любовью предлагали мнѣ свои услуги, когда узнали, что я ѣду въ Ясную Поляну; ихъ, повидимому, не столько интересовала плата, сколько возможность еще разъ повидать графа; такъ, одинъ молодой парень сказалъ старику, котораго я нанялъ:

— Ты, дѣдушка, 40 лѣтъ знаешь „графа". Уступилъ бы мнѣ: я его четыре года не видѣлъ и, можетъ-быть, опять долго не увижу!!

— А то уступить?.. Вишь, парню нужно итти въ солдаты,— сказалъ старикъ, полувопросительно глядя на меня.

Но я не сталъ мѣнять ямщика. Онъ для меня былъ интересенъ, какъ человѣкъ, знавшій Толстого 40 лѣтъ.

Было холодное утро; сырой туманъ пронизывалъ до костей; мѣстами лежалъ выпавшій за ночь снѣгъ. Пара крѣпкихъ крестьянскихъ лошадокъ бойко бѣжала по тульскому шоссе. Справа и слѣва на большое пространство шли сжатыя поля, на которыхъ то и дѣло обрисовывались яркія зеленыя озими, или чернѣли подготовленныя



Домъ Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ

къ веснѣ новины. Дубовыя, кленовыя и березовыя рощи уже потеряли свой лѣтній уборъ. Желто-грязные ихъ листья густымъ слоемъ лежали на землѣ. Я пожалѣлъ, что не увижу яснополянскій паркъ во всей красотѣ. Вѣроятно, и тамъ будетъ та же унылая, грустная осенняя картина, тотъ же сѣро-желтый пейзажъ, фонъ котораго оживляла вѣчно-зеленая сосна и ярко красные гроздья рябины.

— Добрѣющій человѣкъ, — безъ всякаго съ моей стороны вопроса началъ со мной разговоръ ямщикъ. — Всегда поможетъ бѣдному. Крестьяне у него живутъ хорошо. Всѣхъ знаетъ—да и какъ не знать?! Почитай всѣ на его глазахъ выросли. Ко всѣмъ ходитъ, помогаетъ, совѣтуетъ, а то и съ топоромъ придетъ — поработать. Всегда по имени и отчеству величаетъ. Доброй души человѣкъ— Левъ Николаевичъ.—Ну, вы, милыя, поворачивай...

Я попросилъ ямщика не гнать лошадей, благо было еще рано и торопиться было некуда.

— Нынче лѣтомъ у насъ шесть избъ сгорѣло. Къ кому обратиться? Ко Льву Николаевичу. Приказалъ дать лѣсу, соломы; денегъ далъ, и самъ приходилъ помогать работать. Погорѣльцы выстроили избы лучше старыхъ... — И народу же къ нему ѣздитъ... каждый день по нѣскольку человѣкъ. А вотъ въ августѣ, когда юбилей справлялъ (75 лѣтъ), такъ понаѣхало страсть сколько. Изъ-за границы пріѣзжали.

— Да за что же его такъ любятъ и уважаютъ?

— За что? Умный, добрый человѣкъ. Никому зла не дѣлалъ; можно сказать, святой жизни...

Въ разговорѣ съ ямщикомъ мы незамѣтно проѣхали шоссе, оставили позади себя нѣсколько помѣщичьихъ усадебъ, разбросанныхъ по обѣимъ сторонамъ шоссе, и свернули на проселочную дорогу, медленно подымавшуюся на пригорокъ.

— Вотъ за этимъ пригоркомъ и будетъ Ясная Поляна.

Деревня Ясная Поляна встала передъ нами сразу, незамѣтно, изъза косогора. Она вытянулась по обѣимъ сторонамъ длинной улицы. Большинство избъ каменныя, деревянныхъ значительно меньше. Многія покрыты желѣзомъ и тесомъ. Я внимательно всматривался въ постройки, избы были выстроены довольно крѣпко и основательно. На многихъ избахъ новыя крыши или заборы, и я подумалъ: „крыть эту крышу или ставить этотъ заборъ, быть-можетъ, помогалъ Левъ Николаевичъ".

Ямщикъ словно угадалъ мою мысль и, указывая на крыльцо, замѣтилъ: „Самъ вмѣстѣ съ мужикомъ робилъ, а вотъ на этой крышѣ солому укладывалъ".

Проѣхали сельское управленіе, школу, нѣсколько лавочекъ, но кабака я не видѣлъ и его на самомъ дѣлѣ не было. Встрѣчавшіеся крестьяне были одѣты, хорошо, большинство въ сапогахъ, ребятишки въ теплыхъ зипунахъ, а бабы даже въ довольно нарядныхъ костюмахъ, хотя праздника и не было.

— А вотъ и усадьба!—сказалъ ямщикъ, указывая кнутовищемъ налѣво.

Выѣхавъ изъ деревенской улицы, повернувъ налѣво, я увидѣлъ знаменитую усадьбу: бѣлыя подъ зеленой крышей надворныя постройки, столбы, флигель, въ которомъ почти 50 лѣтъ тому назадъ

помѣщалась школа, гдѣ Л. Н. Толстой обучалъ крестьянскихъ ребятишекъ,—все это выглядывало черезъ вѣтви деревьевъ. Главнаго дома не было видно: онъ скрытъ паркомъ. Быстро проѣхавъ пустырь между деревней и паркомъ Толстого, переѣхавъ черезъ небольшой мостикъ, переброшенный черезъ канаву, мы повернули направо къ бѣлымъ каменнымъ воротамъ, скорѣе башнямъ, чѣмъ столбамъ. Къ нимъ съ лѣвой стороны примыкалъ небольшой бѣлый же флигель-сторожка. Усадьба скрылась за паркомъ. Ворота-башни построены давно—еще дѣдомъ Льва Николаевича, княземъ Н. С. Волконскимъ. За этими воротами, извѣстными по фотографіямъ всему міру, родился, прожилъ большую часть своей жизни самый извѣстный въ мірѣ человѣкъ, Л. Н. Толстой, великій писатель и знаменитый философъ.

Мнѣ стало неловко и даже страшно: какъ я, такой небольшой человѣкъ, сейчасъ увижу такую большую знаменитость? Я готовъ былъ вернуться назадъ, какъ когда-то сдѣлалъ А. П. Чехозъ, и, быть-можетъ, вернулся бы, если бы не зналъ, что Левъ Николаевичъ ждетъ меня. Онъ назначилъ мнѣ этотъ день для пріѣзда и я не смѣлъ обмануть его. Я попросилъ ямщика остановиться у воротъ, осмотрѣлъ ихъ: сложены изъ кирпича, выбѣлены известкой, съ деревянными конусообразными крышами. Заглянулъ я въ садъ; онъ тянулся на большое пространство. Лѣтомъ въ жары здѣсь бываетъ прохладно и много тѣни.

— Не рано ли мы ѣдемъ, дѣдушка?—спросилъ я ямщика.

— Нѣтъ, Левъ Николаевичъ, чай, ужъ отгулялъ и теперь кушаетъ чай...

Мы въѣхали въ ворота... Передъ нами извивалась широкая аллея изъ вѣковыхъ березъ, пожелтѣвшими листьями которыхъ была покрыта вся дорога. Сквозь вѣтви деревъ блестѣлъ на солнцѣ прудъ. Сдѣлавъ нѣсколько изгибовъ, мы поднялись на пригорокъ. Въ концѣ аллеи, сквозь чащу деревъ, я увидѣлъ длинный бѣлый двухъэтажный домъ съ балкономъ, прилѣпившимся сбоку. Мы проѣхали бесѣдку, высоко стоящую на столбахъ, небольшой лугъ, на которомъ обыкновенно играютъ въ лаунъ теннисъ, группу сосенъ на бугрѣ, гдѣ обыкновенно отдыхаетъ Левъ Николаевичъ, и подъѣхали къ террасѣ дома съ той стороны, которая была забрана стеклянными рамами. Я съ любопытствомъ осматривалъ домъ-колыбель Толстого. Онъ не произвелъ на меня чарующаго впечатлѣнія, какое получается

отъ фотографій усадьбы, снятыхъ лѣтомъ. Поздняя осень на все наложила свои слѣды. На мѣстѣ чуднаго цвѣтника, богатаго растеніями и цвѣтами, торчали бурые, завядшіе стебли, на которыхъ въ безпорядкѣ болтались листья; вмѣсто муравы лежалъ толстый слой опавшихъ листьевъ. Отъ плюща и вьющихся растеній на террасѣ и на домѣ остались одни сухіе черно-желтые прутья; вѣтеръ то и дѣло срывалъ съ нихъ сырые увядшіе листья, и они носились по воздуху,

Л. Н. Толстой уѣзжаетъ на прогулку

медленно падая на землю. Терраса была завалена стульями и садовыми скамейками; вѣтеръ и сюда нанесъ изъ парка кучи листьевъ. У цвѣтника стояла телѣга, наполненная листьями, здѣсь же торчали грабли и вилы. Я оглянулся назадъ: площадка передъ террасой была обширная, и ее окаймлялъ какой-то невысокій, но плотный кустарникъ, ровно подстриженный, за нимъ виднѣлись кусты сирени, яблони, а тамъ, дальше, уже шли вѣковые дубы, клены, вязы, березы и др. деревья.

Мы обогнули террасу и подъѣхали къ маленькому крыльцу — обычный входъ въ домъ зимой. Лѣтомъ ходятъ черезъ террасу.

Почти посрединѣ этого „задняго“ двора, образовавшагося изъ дома и какихъ-то надворныхъ построекъ, стоялъ старый развѣсистый вязъ... Дерево и безъ листьевъ производило величественное впечатлѣніе. На сухомъ суку этого вяза висѣлъ порядочной величины колоколъ, въ который звонятъ, чтобы собрать семью Толстого и ихъ гостей, гуляющихъ въ паркѣ, къ обѣду, чаю, ужину. Здѣсь же подъ вязомъ простая деревянная скамья, на которой обыкновенно дожидаются Л. Н. Толстого крестьяне и бѣдняки, пришедшіе къ нему за помощью или за совѣтомъ. На этой скамьѣ нерѣдко собираются и крестьянскіе ребятишки, съ которыми Левъ Николаевичъ любитъ иногда погулять.

Я позвонилъ и вошелъ въ домъ. Лакей, убиравшій комнаты, въ черной курткѣ и цвѣтномъ передникѣ, со щеткой въ рукахъ, встрѣтилъ меня и взялъ мою визитную карточку. Пока онъ ходилъ наверхъ, я осмотрѣлъ переднюю... Обстановка болѣе чѣмъ скромная: шкафы съ книгами, зеркало съ подзеркальникомъ, на которомъ лежали газеты и книги, простые, коричневые стулья, желтая перегородка, черезъ дверь которой видна комната съ круглымъ столомъ, диваномъ, мягкими стульями и шкафомъ для книгъ. Это комната для пріѣзжающихъ. За дверью у шкафа стоялъ велосипедъ. Слѣва широкая, прямая деревянная лѣстница, покрытая ковромъ-дорожкой, ведетъ наверхъ; около нея шкафъ и цѣлая коллекція тростей и палокъ, на которыя опирается на прогулкѣ Левъ Николаевичъ.

— Васъ просятъ!—прервалъ мои наблюденія лакей.

Я съ большимъ смущеніемъ поднялся наверхъ, обогнулъ лѣстницу и вошелъ въ большую свѣтлую комнату, какъ мнѣ показалось, имѣющую окна съ трехъ сторонъ.

За чайнымъ столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ мужчинъ и дамъ. Среди нихъ я сразу узналъ Льва Николаевича.

— Очень радъ васъ видѣть,—сказалъ онъ, идя мнѣ навстрѣчу.

На Толстомъ былъ его обычный костюмъ: темная, довольно длинная съ карманами блуза, подпоясанная желтымъ ремнемъ, и высокіе сапоги. Ни одинъ изъ портретовъ, на которыхъ Левъ Николаевичъ обыкновенно выглядитъ суровымъ старикомъ, не передаетъ его настоящаго, замѣчательно привѣтливаго выраженія лица. Добрые голубые глаза, скрытые густыми бровями, довольно длинные сѣдые волосы и сѣрая большая борода дѣлаютъ лицо простымъ, мужиковатымъ.

Я извинился передъ Львомъ Николаевичемъ за то, что просилъ разрѣшенія навѣстить его.

— Полноте, я очень радъ Васъ видѣть и поговорить съ Вами. Это важно для меня: у меня въ Сибири бываютъ дѣла... Я буду обращаться теперь къ Вамъ. Знакомьтесь и садитесь къ чаю...

За столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ — Абрикосовъ, врачъ Беркенгеймъ, женщина-художникъ Игумнова, Татьяна Львовна, старшая дочь Л. Н. и др. Жена Толстого, Софья Андреевна, обыкновенно выходитъ въ столовую значительно позже, часамъ къ 12, когда у Толстыхъ бываетъ второй чай. Врачъ Беркенгеймъ живетъ у Толстыхъ больше года и лѣчитъ Льва Николаевича.

Я передалъ послѣднія новости изъ Москвы и у насъ завязался разговоръ о предстоящей войнѣ съ Японіей, къ которой, какъ и вообще къ войнѣ, Л. Н. относился отрицательно. Разговоръ былъ непродолжительный, такъ какъ Левъ Николаевичъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ работать.

Онъ никогда, кто бы ни гостилъ въ Ясной Полянѣ, не мѣняетъ порядка своего дня. Утромъ онъ гуляетъ $^1/_2$ часа, пьетъ чай и затѣмъ идетъ работать. До 2 часовъ онъ пишетъ, потомъ дѣлаетъ предобѣденную прогулку по парку. Обѣдъ у Толстого всегда въ 3 ч. Послѣ обѣда продолжительная прогулка въ деревню или въ лѣсъ, игра въ лаунъ-теннисъ, верховая ѣзда, которая зимой замѣняется катаньемъ на конькахъ. Въ 6 ч. чай, послѣ котораго Л. Н. разбираетъ почту, читаетъ газеты и журналы, отвѣчаетъ на письма или говоритъ секретарю и дочерямъ, что нужно отвѣтить. Въ 8 ч. выходитъ въ столовую, гдѣ по большей части остается до конца вечера. Здѣсь у круглаго стодика обыкновенно собирается вся семья и гости Толстыхъ. Часто Левъ Николаевичъ читаетъ вслухъ, а иногда слушаетъ музыку или пѣніе. Музыку Левъ Николаевичъ очень любитъ и, будучи молодымъ офицеромъ, самъ написалъ вальсъ.

Къ 12 ч. вышла Софья Андреевна. Она значительно моложе своихъ лѣтъ. На столѣ опять появился самоваръ и бесѣда наша продолжалась. Мы больше говорили о Л. Н., о его замѣчательной добротѣ и отзывчивости. Софья Андреевна припомнила, какъ во время севастопольской осады Толстой былъ переведенъ съ опаснаго бастіона въ менѣе опасное мѣсто, по приказанію императора Николая I, который сказалъ, что „жизнь Толстого нужна Россіи".

Во время разговоровъ я внимательно осматривалъ комнату, въ

которой мы сидѣли. Она служила въ одно время столовой и гостиной. Посрединѣ длинный обѣденный столъ, всегда покрытый скатертью, съ цѣлымъ рядомъ стульевъ около него. Въ одномъ углу рояль, на которомъ часто играютъ знаменитые музыканты, и подъ аккомпанементъ его поютъ извѣстные пѣвцы, навѣщающіе Ясную Поляну. Въ другомъ углу—мягкая мебель, круглый столъ съ высокой лампой подъ абажуромъ. Въ этомъ уютномъ уголкѣ обыкновенно проводитъ вечеръ семья Толстого и его гости. На стѣнахъ висятъ въ желтыхъ старинныхъ рамахъ фамильные портреты Толстыхъ, Гончаровыхъ, кн. Волконскихъ; между послѣдними дѣдъ и бабушка Л. Н., описанные имъ въ „Войнѣ и мирѣ“ подъ именемъ Андрея и Наталіи Болконскихъ. Въ разныхъ мѣстахъ столовой стоятъ бюсты Л. Н. и среди нихъ прекрасно исполненный бюстъ работы Трубецкого, сумѣвшаго удачно передать выраженіе Л. Н. Нѣсколько горшковъ съ комнатными растеніями, этажерка съ нотами, столъ съ папками, шкафъ и висячая лампа надъ столомъ,—вотъ, кажется, и вся меблировка пріемной Толстыхъ. Обстановка чрезвычайно проста, но отъ нея вѣетъ благородствомъ и стариной. Все здѣсь стоитъ на своемъ мѣстѣ уже много лѣтъ, ничто почти не мѣняется. Левъ Николаевичъ противъ всякихъ перемѣнъ, и его желаніе свято исполняется. Большого труда стоило уговорить его послѣ болѣзни перенести свой кабинетъ изъ нижняго этажа въ верхній, въ большую комнату, обставленную чрезвычайно скромно.

Когда я познакомился съ комнатой, въ которой помѣщался кабинетъ раньше, я понялъ, почему Л. Н. не хотѣлось переходить наверхъ. Нижняя комната со сводчатымъ потолкомъ, некрашеннымъ поломъ, толстыми стѣнами была совершенно изолирована отъ остального дома. Здѣсь было тихо и прохладно. Сюда не доходилъ никакой шумъ; работалось въ ней очень хорошо. Эта комната когда-то служила кладовой; въ потолкѣ ея до сихъ поръ еще ввинчены кольца и крючья, на которыхъ прежде висѣли окорока и туши мяса а затѣмъ они долгое время служили для гимнастическихъ упражненій Л. Н. и на нихъ висѣла трапеція. Въ этомъ кабинетѣ, Левъ Николаевичъ творилъ свои великія произведенія и дарилъ ихъ міру. Здѣсь исписывались цѣлыя стопы бумаги, разрѣзанной на мелкіе листки; эти листки бросались на полъ, потомъ просматривались, перечеркивались, передѣлывались по нѣскольку разъ, прежде чѣмъ поступить въ переписку къ Софьѣ Андреевнѣ или двумъ старшимъ дочерямъ

Могила Л. Н. Толстого. Съ карт. С. Салтанова

Л. Н. Вся обстановка нижняго кабинета теперь перенесена наверхъ: простой деревянный письменный столъ, рабочее кресло, нѣсколько стульевъ, этажерка и полка для книгъ, клеенчатый диванъ, на которомъ родился Л. Н., круглый столъ, заваленный газетами, журналами и книгами... На стѣнахъ кабинета почти никакихъ украшеній — висятъ только портреты, преимущественно семьи Толстыхъ, пила; въ углу стоитъ коса и здѣсь же на столѣ разложены топоры, молотки, зубила, щипцы и др. инструменты для работы. Въ кабинетѣ нѣтъ даже лампы: Левъ Николаевичъ писалъ и пишетъ всегда при свѣчахъ. Кабииетъ—это крѣпость, въ которую во время работы никто не входитъ. Софья Андреевна строго охраняетъ покой Л. Н. и въ неурочные часы къ нему никого не допуститъ.

Но вотъ работа кончена. Л. Н. выходитъ изъ кабинета и легкой походкой отправляется гулять по парку, гдѣ много деревьевъ посажено имъ самимъ. Осенью съ этого сада собирается масса яблоковъ и фруктовъ. Въ 3 ч. раздается со стараго вяза звонъ колокола, и звукъ его разносится по всему обширному парку; слышенъ онъ и въ рощахъ, и въ деревнѣ. Всѣ спѣшатъ къ дому, чтобы не заставить Л. Н. ждать себя. Софья Андреевна занимаетъ „хозяйское мѣсто“ за столомъ; Левъ Николаевичъ садится на противоположномъ концѣ стола и около него собираются всѣ „вегетаріанцы“, т.-е. питающіеся растительной пищей и молочными продуктами. На столъ подаются мясныя блюда для Софьи Андреевны и гостей и растительныя—для Л Н. и его двухъ старшихъ дочерей. За столомъ прислуживаетъ лакей въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ. Левъ Николаевичъ любитъ предлагать свою „овсянку“ гостямъ и самъ ее разливаетъ. Иногда онъ шутитъ на счетъ „убоины“. За обѣдомъ нѣтъ ни вина, ни водки; пьютъ квасъ, содовую воду и молоко, подающееся въ изобиліи отъ собственныхъ коровъ. Наверху никто никогда не куритъ, почему тамъ нѣтъ ни пепельницъ, ни спичекъ. Курительная комната внизу, но и тамъ мало курятъ. Я лично стѣснялся курить при Львѣ Николаевичѣ даже на прогулкѣ, помня его брошюру — „Для чего люди одурманиваются“.

За обѣдомъ шла оживленная бесѣда и между прочимъ обсуждался вопросъ, куда мы пойдемъ гулять. Рѣшили итти къ Козловой-Засѣкѣ. Левъ Николаевичъ подшучивалъ надъ моими ботинками и тонкими калошами. Признаться, я смутился, когда увидѣлъ, что даже барышня-художникъ надѣла большіе мужскіе сапоги. Левъ Николае-

вичъ въ драповомъ пальто, подпоясанномъ ремнемъ, въ большихъ сапогахъ, въ круглой шапочкѣ и съ палкой въ рукахъ руководилъ прогулкой. Мы прошли обширный садъ, гдѣ мнѣ указали много деревьевъ, посаженныхъ Толстымъ. Теперь это уже большія яблони и громадныя деревья. Пришлось намъ перелѣзать черезъ изгородь, пробираться черезъ кустарникъ и перескакивать черезъ канавы прежде, нежели мы вышли на дорогу. Левъ Николаевичъ, несмотря на свои 75 л., все это продѣлывалъ съ замѣчательной ловкостью и легкостью.

Всѣмъ встрѣчнымъ Левъ Николаевичъ дружески кланялся, многимъ, а дѣтямъ безъ исключенія, говорилъ ласковыя слова или шутилъ, задавая вопросы, а иногда останавливался и подолгу бесѣдовалъ, а потомъ быстрой и легкой походкой нагонялъ насъ, ушедшихъ впередъ. Онъ не любилъ, чтобы его дожидались. Но мы это дѣлали, скрывшись въ рощѣ или за поворотомъ дороги. Просто одѣтый и умѣющій обращаться съ простымъ народомъ, Левъ Николаевичъ свободно завязываетъ знакомства даже съ незнакомыми людьми. Когда онъ гуляетъ одинъ, то его часто можно видѣть идущимъ рядомъ съ телѣгой или съ обозными ямщиками, съ которыми у него ведется оживленная бесѣда.

Мы прошли поле и по лѣснымъ дорожкамъ вышли къ Козловой-Засѣкѣ, а затѣмъ свернули на тульское шоссе. Левъ Николаевичъ не чувствовалъ усталости, хотя мы прошли версты четыре и на нашей обуви было по нѣсколько фунтовъ глины. На тульское шоссе были приведены лошади; Л. Н. съ легкостью кавалериста вскочилъ на одну и шутливо замѣтилъ мнѣ:

— Вы, какъ городской житель, конечно, не умѣете ѣздить верхомъ.

— Конечно умѣю, Левъ Николаевичъ, и для меня нѣтъ больше обиды, какъ назвать меня плохимъ наѣзднкомъ!..

Мы поѣхали верхами. Не скажу, чтобы я чувствовалъ себя удобно. Въ осеннемъ пальто, въ ботинкахъ, обутыхъ въ галоши, въ брюкахъ безъ штрипокъ я представлялъ изъ себя, вѣроятно, комическую фигуру. Но Левъ Николаевичъ ѣздитъ молодцомъ и прекрасно сидитъ въ сѣдлѣ. Верхомъ мы проѣхали еще версты четыре и вернулись въ усадьбу въ сумерки.

На столѣ кипѣлъ самоваръ, чай уже былъ разлитъ въ стаканы, когда мы усѣлись за столъ. Во время чая принесли почту, Левъ

Николаевичъ отобралъ нѣсколько писемъ, газеты и журналы и со стаканомъ чая ушелъ въ кабинетъ.

Мы перешли къ круглому столу; стало уже совсѣмъ темно; зажгли лампу подъ абажуромъ; Софья Андреевна съ работой въ рукахъ усѣлась въ маленькое кресло; мы просматривали газеты и журналы и дѣлились новостями. Было уже 8 ч. вечера. Лакей накрывалъ столъ къ ужину. Въ это время входитъ оживленный Левъ Николаевичъ. Онъ только что просмотрѣлъ, полученную съ послѣдней почтой, брошюру англичанина Джемса о нашихъ сектантахъ-духоборахъ, переселившихся въ Америку.

— Вотъ какъ нужно жить по совѣсти и какъ легко жить, не дѣлая никому зла!—сказалъ онъ, похлопывая рукой по книгѣ.

Онъ подробно и замѣчательно красиво и образно передалъ намъ содержаніе брошюры, которая на него произвела большое впечатлѣніе. Левъ Николаевичъ былъ оживленъ, веселъ и предложилъ мнѣ сыграть въ шахматы. Онъ прекрасный, вдумчивый шахматистъ, и я быстро получилъ матъ.

Ужинъ конченъ. Поѣздъ отходитъ отъ Ясенокъ въ 11 ч. вечера, и мнѣ нужно было уѣзжать. Съ сожалѣніемъ я простился съ семьей великаго писателя, которая была такъ проста и мила, что я давно забылъ то смущеніе, съ которымъ вошелъ въ этотъ домъ. На дворѣ горѣлъ керосиновый фонарь; лакей другимъ фонаремъ освѣщалъ мнѣ дорогу; на крыльцѣ стояли милые и дорогіе люди. Я сѣлъ въ повозку и по темной аллеѣ, не видя дороги, выѣхалъ за ворота-столбы, которые, какъ два гиганта въ саванахъ, бѣлѣлись въ потемкахъ ночи. Я оглянулся назадъ—темная масса деревьевъ заслонила и прудъ, и бесѣдку. Въ деревнѣ еще не спали; во многихъ избахъ былъ огонь.

Я ѣхалъ подъ впечатлѣніемъ пережитаго дня и тихо слушалъ ямщика, который мнѣ разсказывалъ, что сегодня и онъ видѣлъ Льва Николаевича, съ которымъ разговаривалъ, когда тотъ гулялъ по парку передъ обѣдомъ...

Я вошелъ въ вагонъ, переполненный публикой. Мнѣ не хотѣлось ни разговаривать, ни слушать другихъ. Я углубился въ воспоминанія, желая возстановить всѣ подробности, все, что я видѣлъ и слышалъ за день. Величественный образъ замѣчательнаго человѣка стоялъ передо мною. Длинный жизненный путь его почти уже законченъ. Большая часть этого пути прошла въ Ясной Полянѣ, ко-

торая полна Толстымъ и сохранитъ для потомства все, чѣмъ жилъ великій писатель. Она вѣчно будетъ хранить и самого Толстого: тамъ въ глубинѣ сада, подъ гущей деревъ, на лужайкѣ, Левъ Николаевичъ выбралъ для себя мѣсто... Но мысль не можетъ примириться съ этимъ неизбѣжнымъ для каждаго человѣка концомъ. Ясную Поляну невозможно представить безъ Толстого, какъ и Толстого—безъ Ясной Поляны. Левъ Николаевичъ всегда будетъ жить и одухотворять это дорогое не только для русскихъ, но и для каждаго мыслящаго человѣка мѣстечко. Сѣдыя березы, крѣпкіе дубы, старые вязы, широколопастные клены, кудрявая сирень и рябина, таинственно шелестя листьями, переговариваясь вѣтвями, будутъ вѣчно разсказывать о человѣкѣ, который такъ любилъ истину и людей. А два бѣлыхъ столба у воротъ, какъ вѣрные рыцари настражѣ, будутъ охранять дорогую всему міру усадьбу. Ясная Поляна уже и теперь стала самымъ дорогимъ и однимъ изъ священныхъ мѣстъ для всѣхъ, кто мыслитъ и даже для тѣхъ, кто только умѣетъ читать. Виды ея въ милліонахъ открытокъ, на страницахъ газетъ и журналовъ распространены на всемъ земномъ шарѣ и, кажется, нѣтъ уголка на немъ, гдѣ бы не знали Толстого и его Ясную Поляну.

Прошло семь лѣтъ... Міръ былъ взволнованъ уходомъ великаго писателя изъ Ясной Поляны. Л. Н. Толстой уѣхалъ внезапно, предупредивъ только дочь свою Александру Львовну. Не только у насъ въ Россіи, но и за границей слѣдили съ тревогой за путешествіемъ старца. Внезапная болѣзнь его всколыхнула все общество, мысли и взоры котораго были направлены на станцію Астапово, гдѣ великое сердце и возвышенный духъ писателя боролись съ тлѣнной оболочкой—и 7 ноября 1910 г. въ воскресенье Толстого не стало.

Небольшая, никому неизвѣстная желѣзнодорожная станція Астапово отнынѣ стала извѣстной всему міру.

Въ Москвѣ, по полученіи извѣстія о смерти Толстого, было выпущено воззваніе къ обществу и образованъ комитетъ для организаціи похоронъ, которыя должны были состояться въ Ясной Полянѣ.

Москва хлынула въ Ясную Поляну для того, чтобы отдать послѣдній долгъ величайшему человѣку, но попасть туда было довольно трудно,—всѣ поѣзда были переполнены. Стали отправляться на автомобиляхъ. Писатель В. Я. Брюсовъ и я съ сыномъ также поѣхали на автомобилѣ.

Тульское шоссе представляло невиданное зрѣлище: десятки авто-

мобилей неслись одинъ за другимъ мимо селъ и деревень, нарушая гудками ночную деревенскую тишину. По шоссе двигались въ экипажахъ и пѣшкомъ крестьяне, учащіеся, рабочіе и горожане...

У станціи Засѣка крестьяне сосѣднихъ деревень расположились таборомъ и провели всю ночь въ ожиданіи прибытія гроба.

Не спала и Ясная Поляна... Всю ночь въ Ясной Полянѣ были освѣщены избы. „Какъ подъ Свѣтло-Христово Воскресенье“,—сказалъ мнѣ одинъ крестьянинъ.

Раннее туманное утро. Всюду море головъ. Въ полосѣ отчужденія пылаютъ костры... Взоры всѣхъ обращены въ ту сторону, откуда долженъ притти поѣздъ съ дорогимъ прахомъ. Отдаленный гудокъ локомотива печальнымъ эхомъ отзывался въ Яснополянскихъ холмахъ. Наступила тишина. Поѣздъ медленно подходилъ среди живой стѣны, благоговѣйно склонившейся... Тихое, стройное пѣніе—„Вѣчная память“—полилось изъ тысячной груди... Простой, желтый подъ дубъ гробъ вынесли изъ вагона сыновья покойнаго и процессія двинулась въ Ясную Поляну той дорогой, по которой часто хаживалъ Левъ Николаевичъ. Я припоминаю тѣ мѣста, по которымъ семь лѣтъ тому назадъ я проходилъ съ дорогимъ учителемъ.

Вся дорога, почти 4 версты, устлана ельникомъ, нарубленнымъ за ночь яснополянскими крестьянами. Печальную процессію открывали крестьянскія подводы съ вѣнками и ельникомъ. За подводами крестьяне несли большой бѣлый транспарантъ съ надписью: „Левъ Николаевичъ, память о твоемъ добрѣ не умретъ среди насъ, осиротѣвшихъ крестьянъ Ясной Поляны“.

За транспарантомъ—два вѣнка, такъ же отъ крестьянъ, отказавшихся положить ихъ на подводу. Дрогъ для гроба не было, потому что крестьяне заявили, что они сами понесутъ дорогіе останки. Процессія растянулась на длинное разстояніе и медленно, при пѣніи двухъ многочисленныхъ хоровъ подвигалась къ Ясной Полянѣ... Вотъ и Тульское шоссе... Рой воспоминаній встаетъ передо мной: здѣсь Левъ Николаевичъ бесѣдовалъ съ тульскими крестьянами, много разъ онъ проходилъ этими мѣстами... Съ шоссе свернули на проселокъ и подъѣхали къ воротамъ усадьбы. Всюду толпы народа—и у воротъ, и у пруда, и по аллеямъ парка, который, если бы не толпы народа, мнѣ показался такимъ же, какимъ я его видѣлъ осенью семь лѣтъ тому назадъ. Вотъ и домъ—такой же, какъ и семь лѣтъ тому назадъ, только съ лицевой стороны, рядомъ съ террасой от-

крыта дверь, о которой я не подозрѣвалъ, хотя она ведетъ въ ту комнату, въ которой я ночевалъ.

Гробъ съ прахомъ мимо „дерева бѣдныхъ“ былъ внесенъ въ домъ и поставленъ въ бывшую „охотничью“ комнату, гдѣ за послѣдніе годы обыкновенно останавливались пріѣзжіе.

Проходятъ томительныхъ полчаса, во время которыхъ семья разрѣшала вопросъ объ открытіи гроба и погребеніи—сегодня же.

Началось прощаніе съ дорогимъ человѣкомъ. Ни толкотни, ни сѣтованій, ни шума. Первыми прошли къ гробу крестьяне и возложили свои вѣнки, на одномъ изъ которыхъ надпись: „Незабвенному совѣтнику и заступнику въ нашихъ нуждахъ, великому учителю Льву Николаевичу Толстому“. За крестьянами пошли депутаціи и остальныя массы пришедшихъ. Прощаніе продолжалось въ теченіе 3-хъ часовъ, при чемъ всѣ проходили, не останавливаясь. Толпы народа осматриваютъ усадьбу. Нѣсколько разъ выводили лошадь, на которой ѣздилъ Левъ Николаевичъ.

Многіе устремились и къ могилѣ, расположенной въ полуверстѣ отъ яснополянскаго дома, на курганѣ-пригоркѣ, окруженномъ лѣсомъ, называемымъ „Старый Заказъ“. Это мѣсто для могилы выбрано самимъ Львомъ Николаевичемъ. Вокругъ стоитъ съ трехъ сторонъ старый лѣсъ, а съ четвертой—молодая поросль. Могилу вырыли крестьяне въ теченіе ночи на вершинѣ кургана. Работа была тяжелая: пришлось рубить корни деревьевъ. Внутри могилы желтый песокъ и никакой сырости. Отнынѣ это—святое мѣсто. Старыя липы, молодая дубовая поросль, кудрявыя березы и вязы весною шелестятъ своими листьями надъ могилой великаго учителя и человѣка...

Прощаніе закончилось. Вѣнки несутъ крестьяне и студенты. Гробъ выносятъ сыновья и ближайшіе друзья покойнаго. Они заколачивали его и омыли тѣло великаго старца. Головы обнажены; многіе стоятъ на колѣняхъ. Надъ яснополянскимъ паркомъ несутся скорбные звуки „Вѣчной памяти“. Нѣтъ ни рыданій, даже не видно слезъ. Настроеніе у всѣхъ молитвенное, строгое. Ни шума, ни шопота, ни бѣготни, ни суеты... Совершается великое дѣло: живые разстаются съ безсмертнымъ. Минута торжественная. Процессія медленно двигается среди фруктоваго сада, старыхъ березъ и липъ; стройное пѣніе двухъ хоровъ сопровождаетъ шествіе. Но вотъ и могила. Наступила мертвая тишина. По толпѣ проносится шопотъ: „На колѣни“, Всѣ до единаго человѣка стали на колѣни, и гробъ тихо

опустили въ могилу. Опять „Вѣчная память". Теперь пѣли всѣ; могучіе тоскующіе звуки наполнили окрестность, разнеслись по холмамъ и замерли среди лѣса. Первый комокъ земли ударилъ о крышку гроба. Снова всѣ стали на колѣни; затѣмъ спѣта „Вѣчная память", и опять тишина. Надъ гробомъ образовался холмъ. Въ третій разъ толпа опустилась на колѣни и на этотъ разъ стояла особенно долго. Рѣчей не было. Это—общее желаніе, такъ какъ нѣтъ словъ и выраженій, чтобы они могли выразить всю тяжесть міровой утраты. Только во время гробовой тишины, когда мы стояли на колѣняхъ, кто-то воскликнулъ: „Умеръ великій Левъ, но живъ великій Левъ, живы имъ проповѣданные идеалы кротости и всемірнаго христіанства"

Сумерки спустились, и мы тихо оставили дорогую могилу. Намъ навстрѣчу шли новые паломники, опоздавшіе къ погребенію.

Геніальнаго художника, великаго мыслителя похоронили необычнымъ образомъ. Впечатлѣніе получилось потрясающее, и великій старецъ отошелъ отъ насъ такъ, какъ не отходятъ обыкновенные смертные. Его кончина есть апоѳеозъ его твореній, его великаго сердца и геніальнаго ума.

Мы уходили изъ яснополянскаго парка и ощущали, что Толстой съ нами, что онъ живъ и вѣченъ.

Согласно желанію Льва Николаевича ни на могилѣ, ни вокругъ нея нѣтъ никакихъ сооруженій и украшеній. Могила огорожена деревянной рѣшеткой и надъ ней склонили свои вѣтви старые дубы и липы, а внутри посажено нѣсколько елочекъ и положенъ дернъ, по которому проложена тропинка.

Къ могилѣ можно пройти черезъ паркъ, тѣмъ путемъ, какъ несли гробъ, и другой дорогой, минуя усадьбу, съ проселочной дороги, идущей отъ шоссе. На поворотѣ этой дороги, черезъ ручей Ясенку, стоитъ столбъ съ надписью: „На могилу". Такіе же столбы стоятъ на всѣхъ поворотахъ дороги.

Левъ Николаевичъ, какъ я уже писалъ выше, самъ пожелалъ чтобы его похоронили на пригоркѣ, въ „Старомъ Заказѣ" въ память его старшаго брата Николеньки. Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу въ воспоминаніяхъ дѣтства:

..„Николенька, когда намъ съ братьями было мнѣ 5, Митенькѣ 6, Сережѣ 7 лѣтъ, объявилъ намъ, что у него есть тайна, посредствомъ которой, когда она откроется, всѣ люди сдѣлаются счастли-

выми, не будетъ ни болѣзни, никакихъ непріятностей, никто ни на кого не будетъ сердиться, и всѣ будутъ любить другъ друга, всѣ сдѣлаются муравейными братьями (вѣроятно, это были моравскіе братья, о которыхъ онъ слышалъ или читалъ, но на нашемъ языкѣ это были муравейные братья). Я помню, что слово „муравейные" особенно нравилось, напоминая муравьевъ въ кочкѣ. Мы даже устроили игру въ муравейные братья, которая состояла въ томъ, что садились подъ стулья, загораживая ихъ ящиками, завѣшивали платками и сидѣли тамъ въ темнотѣ, прижимаясь другъ къ другу. Я помню, испытывалъ особенное чувство любви и умиленія и очень любилъ эту игру.

„Муравейные братья" были открыты намъ, но главная тайна о томъ, какъ сдѣлать, чтобы всѣ люди не знали никакихъ несчастій, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, какъ онъ намъ говорилъ, написана имъ на зеленой палочкѣ, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага Стараго Заказа въ томъ мѣстѣ, въ которомъ я, такъ какъ надо же гдѣ-нибудь зарыть мой трупъ, просилъ въ память Николеньки закопать меня".

И. И. Поповъ

НА ДАЧѢ А. П. ЧЕХОВА ВЪ ЯЛТѢ

I

Ялтинская дача Чехова стояла почти за городомъ, глубоко подъ бѣлой и пыльной аутской дорогой. Не знаю, кто ее строилъ, но она была, пожалуй, самымъ оригинальнымъ зданіемъ въ Ялтѣ. Вся бѣлая, чистая, легкая, красиво несимметричная, построенная внѣ какого-нибудь опредѣленнаго архитектурнаго стиля, съ вышкой въ видѣ башни, съ неожиданными выступами, со стеклянной верандой внизу и съ открытой террасой вверху, съ разбросанными то широкими, то узкими окнами, она походила бы на зданія въ стилѣ moderne, если бы въ ея планѣ не чувствовалась чья-то внимательная и оригинальная мысль, чей-то своеобразный вкусъ. Дача стояла въ углу сада, окруженная цвѣтникомъ. Къ саду, со стороны параллельной шоссе, примыкало отдѣленное низкой стѣнкой старое татарское кладбище, всегда зеленое, тихое и безлюдное, со скромными каменными плитами на могилахъ.

Цвѣтничокъ былъ маленькій, далеко не пышный, а фруктовый садъ еще очень молодой. Росли въ немъ груши да яблони-дички, абрикосы, персики, миндаль. Въ послѣдніе годы садъ уже началъ приносить кое-какіе плоды, доставляя Антону Павловичу много заботъ и трогательнаго, какого-то дѣтскаго удовольствія. Когда наступало время сбора миндальныхъ орѣховъ, то ихъ снимали и въ чеховскомъ саду. Лежали они обыкновенно маленькой горкой въ гостиной на подоконникѣ, и, кажется, ни у кого нехватало жестокости брать ихъ, хотя ихъ и предлагали.

А. П. не любилъ и немного сердился, когда ему говорили, что его дача слишкомъ мало защищена отъ пыли, летящей сверху, съ аутскаго шоссе, что садъ плохо снабженъ водою. Не любя вообще Крыма, а въ особенности Ялты, онъ съ особенной ревнивой любовью относился къ своему саду. Многіе видѣли, какъ онъ иногда

по утрамъ, сидя на корточкахъ, заботливо обмазывалъ сѣрой стволы розъ или выдергивалъ сорныя травы изъ клумбъ. А какое бывало торжество, когда среди лѣтней засухи, наконецъ, шелъ дождь, наполнявшій запасныя глиняныя цистерны!.

Но не чувство собственника сказывалось въ этой хлопотливой любви, а другое, болѣе мощное и мудрое сознаніе. Какъ часто говорилъ онъ, глядя на свой садъ прищуренными глазами:

— Послушайте, при мнѣ здѣсь посажено каждое дерево и, конечно, мнѣ это дорого. Но и не это важно. Вѣдь здѣсь до меня былъ пустырь и нелѣпые овраги, всѣ въ камняхъ и въ чертополохѣ. А я вотъ пришелъ и сдѣлалъ изъ этой дичи культурное, красивое мѣсто. Знаете ли,—прибавлялъ онъ вдругъ съ серьезнымъ лицомъ, тономъ глубокой вѣры,—знаете ли, черезъ триста, четыреста лѣтъ вся земля обратится въ цвѣтущій садъ. И жизнь будетъ тогда необыкновенно легка и удобна.

II

Во дворѣ жили: ручной журавль и двѣ собаки. Надо замѣтить, что Антонъ Павловичъ очень любилъ всѣхъ животныхъ, за исключеніемъ, впрочемъ, кошекъ, къ которымъ онъ питалъ непреодолимое отвращеніе. Собаки же пользовались его особымъ расположеніемъ. О покойной Каштанкѣ, о мелеховскихъ таксахъ Бромѣ и Хинѣ онъ вспоминалъ такъ тепло и въ такихъ выраженіяхъ, какъ вспоминаютъ объ умершихъ друзьяхъ. „Славный народъ—собаки!“—говорилъ онъ иногда съ добродушной улыбкой.

Журавль былъ важная, степенная птица. Къ людямъ онъ относился вообще недовѣрчиво, но велъ тѣсную дружбу съ Арсеніемъ, слугой Антона Павловича. За Арсеніемъ онъ бѣгалъ всюду, по двору и по саду, при чемъ уморительно подпрыгивалъ на ходу и махалъ растопыренными крыльями, исполняя характерный журавлиный танецъ, всегда смѣшившій Антона Павловича.

Одну собаку звали „Тузикъ“, а другую—„Каштанъ“, въ честь прежней мелеховской „Каштанки“, носившей это имя. Ничѣмъ, кромѣ глупости и лѣности, этотъ Каштанъ, впрочемъ, не отличался. По внѣшнему виду онъ былъ толстъ, гладокъ и неуклюжъ, свѣтло-шоколаднаго цвѣта, съ безсмысленными желтыми глазами. Вслѣдъ за Тузикомъ онъ лаялъ на чужихъ, но стоило его поманить и почмо-

кать ему, какъ онъ тотчасъ же переворачивался на спину и начиналъ угодливо извиваться по землѣ. Антонъ Павловичъ легонько отстранялъ его палкой, когда онъ лѣзъ съ нѣжностями, и говорилъ съ притворной суровостью:

— Уйди, уйди, дуракъ... Не приставай.

И прибавлялъ, обращаясь къ собесѣднику, съ досадой, но со смѣющимися глазами:

— Не хотите ли, подарю пса? Вы не повѣрите, до чего онъ глупъ.

Но однажды случилось, что Каштанъ, по свойственной ему глупости и неповоротливости, попалъ подъ колеса фаэтона, который раздавилъ ему ногу. Бѣдный песъ прибѣжалъ домой на трехъ лапахъ съ ужасающимъ воемъ. Задняя нога была вся исковеркана, кожа и мясо прорваны почти до кости, лилась кровь. Антонъ Павловичъ тотчасъ же промылъ рану теплой водой съ суремой, присыпалъ ее іодоформомъ и перевязалъ марлевымъ бинтомъ. И надо было видѣть, съ какой нѣжностью, какъ ловко и осторожно прикасались его большіе милые пальцы къ ободранной ногѣ собаки и съ какой сострадательной укоризной бранилъ онъ и уговаривалъ визжавшаго Каштана:

— Ахъ ты глупый, глупый... Ну, какъ тебя угораздило?.. Да тише ты... легче будетъ... дурачокъ...

Приходится повторить избитое мѣсто, но несомнѣнно, что животныя и дѣти инстинктивно тянулись къ Чехову. Иногда приходила къ А. П. одна больная барышня, приводившая съ собой дѣвочку лѣтъ 3—4-хъ, сиротку, которую она взяла на воспитаніе. Между крошечнымъ ребенкомъ и пожилымъ, грустнымъ и больнымъ человѣкомъ, знаменитымъ писателемъ, установилась какая-то особенная, серьезная и довѣрчивая дружба. Подолгу сидѣли они рядомъ на скамейкѣ, на верандѣ; А. П. внимательно и сосредоточенно слушалъ, а она безъ-умолку лепетала ему свои дѣтскія наивныя слова и путалась ручонками въ его бородѣ.

Съ большой и сердечной любовью относились къ Чехову и всѣ люди попроще, съ которыми онъ сталкивался: слуги, разносчики, носильщики, странники, почтальоны,—и не только съ любовью, но и съ тонкой чуткостью, съ бережностью и съ пониманіемъ.

III

Кабинетъ въ ялтинскомъ домѣ у А. П. былъ небольшой, шаговъ 10 въ длину и 6 въ ширину, скромный, но дышавшій какой-то своеобразной прелестью. Прямо противъ входной двери—большое квадратное окно въ рамѣ изъ цвѣтныхъ желтыхъ стеколъ. Съ лѣвой стороны отъ входа, около окна, перпендикулярно къ нему — письменный столъ, а за нимъ маленькая ниша, освѣщенная сверху, изъ-подъ потолка, крошечнымъ окошечкомъ; въ нишѣ – турецкій диванъ. Съ правой стороны, посрединѣ стѣны—коричневый кафельный каминъ; наверху, въ его облицовкѣ, оставлено небольшое незадѣланное плиткой мѣстечко, и въ немъ небрежно, но мило написано красками вечернее поле съ уходящими вдаль стогами — это работа Левитана. Дальше, по той же сторонѣ, въ самомъ углу—дверь, сквозь которую видна холостая спальня Антона Павловича,—свѣтлая, веселая комната, сіяющая какой-то дѣвической чистотой, бѣлизной и невинностью. Стѣны кабинета—въ темныхъ съ золотомъ обояхъ, а около письменнаго стола виситъ печатный плакатъ: „просятъ не курить“. Сейчасъ же возлѣ входной двери, направо—шкафъ съ книгами. На каминѣ нѣсколько бездѣлушекъ и между ними прекрасно сдѣланная модель парусной шкуны. Много хорошенькихъ вещицъ изъ кости и изъ дерева и на письменномъ столѣ; почему-то преобладаютъ фигуры слоновъ. На стѣнахъ портреты Толстого, Григоровича, Тургенева. На отдѣльномъ маленькомъ столикѣ, на вѣерообразной подставкѣ, множество фотографій артистовъ и писателей. По обоимъ бокамъ окна спускаются прямыя, тяжелыя, темныя занавѣски, на полу большой, восточнаго рисунка, коверъ: эта драпировка смягчаетъ всѣ контуры и еще больше темнитъ кабинетъ, но благодаря ей ровнѣе и пріятнѣе ложится свѣтъ изъ окна на письменный столъ. Пахнетъ тонкими духами, до которыхъ А. П. всегда былъ охотникъ. Изъ окна видна открытая подковообразная лощина, спускающаяся далеко къ морю, и самое море, окруженное амфитеатромъ домовъ. Слѣва же, справа и сзади дома громоздятся по-лукольцомъ горы. По вечерамъ, когда въ гористыхъ окрестностяхъ Ялты зажигаются огни, и когда во мракѣ эти огни и звѣзды надъ ними такъ близко сливаются, что не отличаешь ихъ другъ отъ друга,—тогда вся окружающая мѣстность очень напоминаетъ иные уголки Тифлиса...

IV

Вставалъ А. П., по, крайней мѣрѣ, лѣтомъ, довольно рано. Никто даже изъ самыхъ близкихъ людей не видалъ его небрежно одѣтымъ; также не любилъ онъ разныхъ домашнихъ вольностей, въ родѣ туфель, халатовъ и тужурокъ. Въ восемь-девять часовъ его уже можно было застать ходящимъ по кабинету или за письменнымъ столомъ, какъ всегда, безукоризненно, изящно и скромно одѣтаго.

Повидимому, самое лучшее время для работы приходилось у него отъ утра до обѣда, хотя пишущимъ его, кажется, никому не удавалось застать: въ этомъ отношеніи онъ былъ необыкновенно скрытенъ и стыдливъ. Зато нерѣдко въ хорошія теплыя утра его можно было видѣть на скамейкѣ, за домомъ, въ самомъ укромномъ мѣстѣ дачи, тамъ, гдѣ вдоль бѣлыхъ стѣнъ стояли кадки съ олеандрами. Тамъ сидѣлъ онъ иногда по часу и болѣе, одинъ, не двигаясь, сложивъ руки на колѣняхъ и глядя впередъ на море.

Около полудня и позднѣе домъ его начиналъ наполняться посѣтителями. Въ это же время на желѣзныхъ рѣшеткахъ, отдѣляющихъ усадьбу отъ шоссе, висли цѣлыми часами любопытствующія дѣвицы въ бѣлыхъ войлочныхъ широкополыхъ шляпахъ. Самые разнообразные люди пріѣзжали къ Чехову: ученые, литераторы, земскіе дѣятели, доктора, военные, художники, поклонники и поклонницы, профессора, свѣтскіе люди, сенаторы, священники, актеры — и Богъ знаетъ кто еще.

V

Въ часъ дня у Чехова обѣдали внизу, въ прохладной и свѣтлой столовой, и почти всегда за столомъ бывалъ кто-нибудь приглашенный. Трудно было не поддаться обаянію этой простой, милой, ласковой семьи. Тутъ чувствовалась постоянная нѣжная заботливость и любовь, но не отягощенная ни однимъ пышнымъ или громкимъ словомъ, удивительная деликатность, чуткость и вниманіе, но никогда не выходящія изъ рамокъ обыкновенныхъ, какъ будто умышленно-будничныхъ отношеній. И кромѣ того, всегда замѣчалась истинно-чеховская боязнь всего надутаго, приподнятаго, неискренняго и пошлаго. Было въ этой семьѣ очень легко, тепло и уютно, и я совер-

шенно понимаю одного писателя, который сказалъ, что онъ влюбленъ во всѣхъ Чеховыхъ.

Антонъ Павловичъ, какъ всегда его помню, ѣлъ чрезвычайно мало и не любилъ сидѣть за столомъ, а все, бывало, ходилъ отъ окна къ двери и обратно. Часто послѣ обѣда, оставшись въ столовой и съ кѣмъ-нибудь одинъ на одинъ, Евгенія Яковлевна (мать А. П.) говорила тихонько, съ безпокойной тоской въ голосѣ:

— А Антоша опять ничего не ѣлъ за обѣдомъ.

Онъ былъ очень гостепріименъ, любилъ, когда у него оставались обѣдать, и умѣлъ угощать на свой особенный ладъ, просто и радушно.

Послѣ обѣда онъ пилъ чай наверху, на открытой террасѣ, или у себя въ кабинетѣ, или спускался въ садъ и сидѣлъ тамъ на скамейкѣ, въ пальто и съ тросточкой, надвинувъ на самые глаза мягкую черную шляпу и поглядывая изъ-подъ ея полей прищуренными глазами.

Эти же часы бывали самыми людными. Постоянно спрашивали по телефону, можно ли видѣть А. П., постоянно кто-нибудь пріѣзжалъ. Приходили незнакомые, съ просьбами о карточкахъ, о подписяхъ на книгахъ.

Всего лучше чувствовалъ себя А. П. къ вечеру, часамъ къ семи, когда въ столовой опять собирались къ чаю и легкому ужину. Здѣсь иногда—но годъ отъ году все рѣже и рѣже — воскресалъ въ немъ прежній Чеховъ, неистощимо веселый, остроумный, съ кипучимъ, неотразимымъ юношескимъ юморомъ.

Но никогда отъ его шутокъ не оставалось занозъ въ сердцѣ, такъ же какъ никогда въ своей жизни этотъ удивительно нѣжный человѣкъ не причинилъ сознательно даже самаго маленькаго страданія ничему живущему.

Послѣ ужина онъ неизмѣнно задерживалъ кого-нибудь у себя въ кабинетѣ на полчаса или на часъ. На письменномъ столѣ зажигались свѣчи. А потомъ, когда уже всѣ расходились, и онъ оставался одинъ, то еще долго свѣтился огонь въ его большомъ окнѣ. Писалъ ли онъ въ это время или разбирался въ своихъ памятныхъ книжкахъ, занося впечатлѣнія дня, — это, кажется, не было никому извѣстно.

А. Купринъ.

ЧЕХОВСКІЕ УГОЛКИ

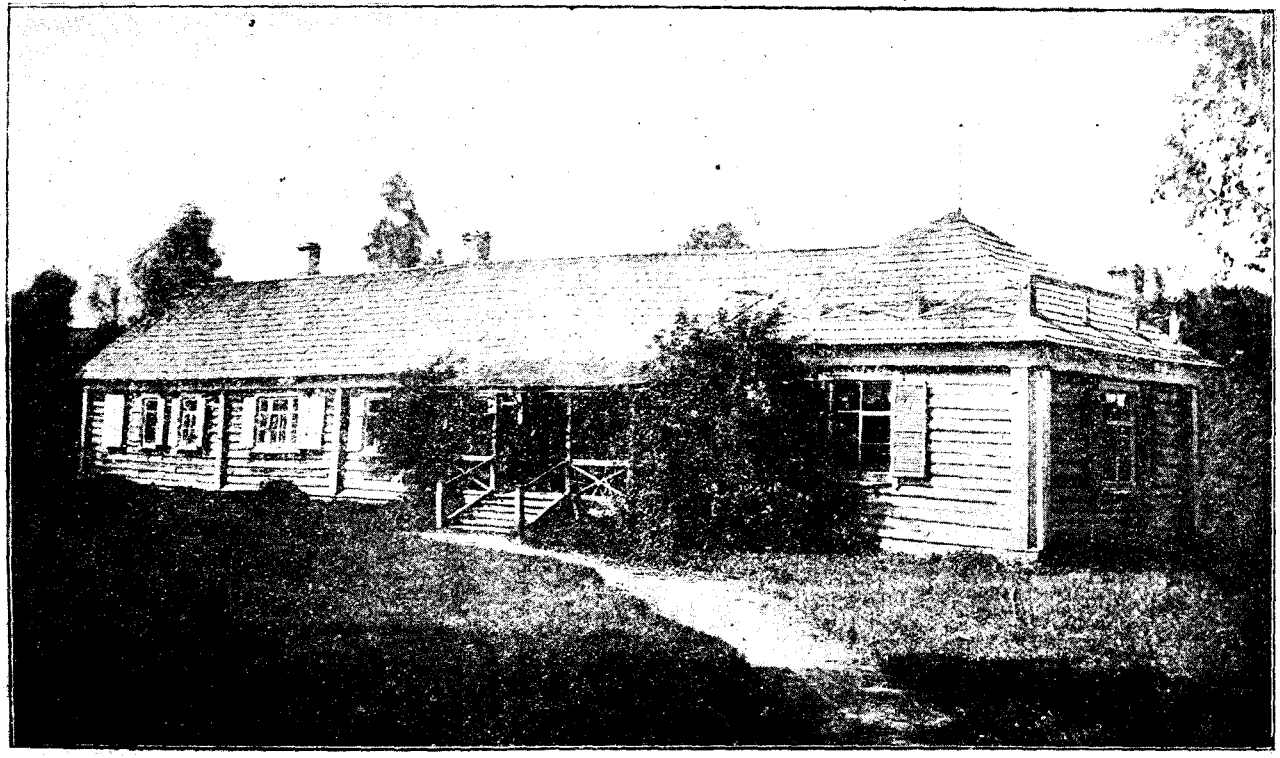
I

Въ Бабкинѣ

Въ жизни А. П. Чехова были три эпохи, которыя отразились на всемъ его творчествѣ. Онъ самъ признавалъ это. Это были поѣздки къ нѣкоему Ивану Парфентьевичу въ усадьбу, въ донскихъ степяхъ, когда еще А. П. былъ гимназистомъ; затѣмъ г. Воскресенскъ и усадьба Бабкино, гдѣ А. П. провелъ четыре лѣта тотчасъ по окончаніи курса университета, и, наконецъ, „Мелихово"... Эти слова біографа Чехова, его брата Михаила Павловича, должно принять къ свѣдѣнію тѣмъ, кто посѣщаетъ „чеховскіе уголки".

Вѣдь извѣстно, что мѣста, освященныя пребываніемъ людей, намъ дорогихъ и близкихъ, пріобрѣтаютъ силу необычайной притягательности: неудержимо хочется побывать тамъ, гдѣ жилъ этотъ дорогой человѣкъ... Быть-можетъ, это своего рода паломничество. Для пишущаго эти строки такимъ паломничествомъ были „чеховскіе уголки" подъ Москвой. Какъ разъ они-то, т.-е. Мелихово и Бабкино, и отмѣчены въ біографіи Чехова, какъ цѣлыя полосы, запечатлѣнныя въ творчествѣ Антона Павловича.

Въ Бабкино мы попали въ жаркій, знойный, спокойный день, когда небо было совершенно безоблачно, по дорогѣ лежала густыми пластами пыль, и зелень, сожженная и увядшая, казалась печальной и старой. Но кругомъ такая красота, что невольно забываешь о палящемъ полуднѣ, раскаленномъ пути, тяжеломъ пескѣ, въ которомъ вязнутъ колеса ветхой брички. Старый Новоіерусалимскій монастырь, бѣлыя главы котораго въ зелени деревьевъ такъ прекрасны, виденъ во всѣ тѣ 7 верстъ, что отдѣляютъ станцію отъ Бабкина. Мы ми-



Флигель въ Бабкинѣ, въ которомъ жилъ А. П. Чеховъ

нуемъ Воскресенскъ и направляемся непосредственно въ бывшее имѣніе Киселевыхъ.

Нашъ ямщикъ еще засталъ Киселева, но Чехова, конечно, не помнитъ. Вѣдь это было въ 1885 году!..

Дорога идетъ то поднимаясь, то опускаясь межъ овражками, то черезъ лѣсъ, то черезъ быструю и шумливую рѣку Истру.

Узнаемъ подробности о бывшемъ имѣніи Киселевыхъ. Оно принадлежитъ теперь г. Колесникову — владѣльцу большого мануфактурнаго дѣла въ Москвѣ, а раньше, послѣ смерти Киселевыхъ, имъ владѣлъ отставной гусаръ полковникъ Котляревскій.

Колесниковъ устроилъ ремесленную школу для дѣвочекъ крестьянъ, гдѣ обучаютъ и кройкѣ, и шитью,—и все „задаромъ"...

Ну, вотъ мы и у цѣли нашего путешествія. Мимо парка, который сбѣгаетъ съ горы, дѣлая полукругъ, мы въѣзжаемъ на широкій дворъ. У воротъ вывѣска: „Художественно-ремесленная школа торговаго дома „Алексѣй Колесниковъ" въ селѣ Бабкино, Звенигородскаго уѣзда". Признаться, видѣть эту вывѣску какъ-то странно у въѣзда въ „барскую усадьбу". А что это настоящая барская усадьба, изъ тѣхъ, что исчезаютъ теперь безвозвратно, въ этомъ можно удостовѣриться тотчасъ же по обилію надворныхъ ладно и крѣпко строенныхъ службъ, флигелей, амбаровъ, кладовокъ, сараевъ и пр. и пр. Домъ стоитъ въ глубинѣ. Онъ обращенъ, какъ потомъ оказалось, главнымъ своимъ фасадомъ къ рѣкѣ и къ лугамъ, ко двору примыкая однимъ только угломъ.

Предупредительный и радушный пріемъ г. Колесникова нѣсколько разсѣиваетъ неловкость, которую естественно ощущаешь, врываясь къ незнакомымъ людямъ по дѣлу, быть-можетъ, для нихъ чуждому.

Но нашъ хозяинъ очень любезенъ. Онъ охотно дѣлится съ нами своими свѣдѣніями по вопросу насъ интересующему. Къ сожалѣнію, онъ знаетъ о Чеховѣ и о томъ времени, когда онъ снималъ тутъ у Киселевыхъ дачу, мало. Вѣдь онъ пріобрѣлъ это имѣніе у Котляревскаго, а не у самого Киселева. Домъ остался въ томъ же видѣ, какъ и раньше. Только огромная его половина—амфилада комнатъ—занята школой. Двѣ комнаты въ жилой части сохранили и прежнюю обстановку. Отъ нихъ вѣетъ стародавней жизнью, ароматъ которой и въ штофной мебели, и въ старыхъ гравюрахъ, и въ чудесномъ гобеленѣ на стѣнѣ. Это напоминаетъ комнату въ домѣ Гаевыхъ въ „Вишневомъ саду"... Домъ вообще поразительно красивъ. Ему около

80 лѣтъ, но онъ стоитъ крѣпко, выстроенъ прочно, и слѣдовъ времени на немъ незамѣтно. Онъ на горѣ—предъ нимъ бѣжитъ Истра, разстилаются луга, вдали зеленѣетъ лѣсъ. Нѣсколько десятинъ парка. Видъ изъ оконъ второго этажа составилъ одну изъ лучшихъ картинъ Левитана, который жилъ и здѣсь, въ усадьбѣ, и вонъ тамъ, въ чернѣющей на горѣ деревенькѣ—Максимовкѣ.

Мы проходимъ въ паркъ. Около дома — надъ обрывомъ—площадка. Здѣсь, по разсказамъ, особенно любилъ сидѣть Чеховъ. Здѣсь зародилась у него мысль о „Чайкѣ".

— Смотрите, сколько тутъ чаекъ, — говоритъ нашъ путеводитель — обязательный г. Колесниковъ.

И въ самомъ дѣлѣ: надъ Истрой все время рѣютъ бѣлыя чайки. И кажется такимъ естественнымъ, что вотъ именно здѣсь, на этой площадкѣ, съ которой такой волнующій видъ,—глядя на этотъ летъ нѣжныхъ чаекъ, думалъ Чеховъ о „дѣвушкѣ, живущей у озера, свободной, какъ чайка".

Вонъ, тамъ купальня. Стоитъ только спуститься по лѣстницѣ и пройти нѣсколько шаговъ вдоль берега. На этомъ мѣстѣ стояла купальня и при Киселевыхъ. Вотъ тутъ-то и случился „Налимъ".

— На-дняхъ у насъ умеръ пастухъ Сергѣй,—говоритъ г. Колесниковъ,—онъ отлично помнилъ Чехова и разсказывалъ этого самаго „Налима". Вѣдь это съ нимъ и было. Это онъ и ловилъ налима „подъ жабры". Помнилъ онъ и рыжую англичанку, которая удила рыбу. Знаете у Чехова „Дочь Альбіона"? А на томъ берегу Чеховъ съ Левитаномъ разыгрывали всякія шутки. Левитанъ изображалъ бедуина, Чеховъ стрѣлялъ въ него и прочее.

Потомъ мы осматривали флигель во дворѣ, въ которомъ жили Чеховы. Флигель длинный-длинный, узкій, низкій.

— У насъ его кишкой зовутъ,—смѣется хозяинъ.

Во флигелѣ же помѣщалась и камера земскаго. Киселевъ, какъ извѣстно, служилъ земскимъ начальникомъ. Тутъ и происходили судбища, о которыхъ упоминается въ письмахъ А. П.

Во дворѣ, ближе къ воротамъ, другой флигелекъ. Въ немъ жилъ Левитанъ. Надъ входомъ была прибита, шутки ради, вывѣска: „Сельская касса купца Левитана"...

Мы ходимъ по парку, любуемся домомъ, и кажется онъ похожимъ на тотъ домъ, который показываютъ въ Художественномъ театрѣ въ первомъ актѣ „Иванова". Вообще, несмотря на новыя

вѣянія, несмотря на то, что теперь здѣсь совсѣмъ иная жизнь,— иные интересы (школа для крестьянскихъ дѣвочекъ, поглощающая всѣ заботы теперешнихъ владѣльцевъ Бабкина), все же вѣетъ здѣсь „чеховскимъ" настроеніемъ того далекаго времени, когда жилъ здѣсь *онъ*, еще молодой, такой веселый, остроумный...

И кажется, что сейчасъ съ балкона раздастся голосъ старика Бѣгичева, описаннаго Чеховымъ въ лицѣ графа Шабельскаго *), а изъ дома польются мелодіи рыдающей віолончели.

Прощаясь, г. Колесниковъ совѣтуетъ на обратномъ пути, по дорогѣ въ Воскресенскъ, проѣхать мимо Полевщинской церкви.

Эта заброшенная церковка при дорогѣ описана Чеховымъ въ его „Вѣдьмѣ" и въ „Недобромъ дѣлѣ". Мы осматривали ее. Теперь она отремонтирована, живетъ рядомъ причтъ, въ ней служатъ не разъ въ годъ, какъ при Чеховѣ, а каждый праздникъ, и вообще она утратила весь свой таинственный и жуткій отпечатокъ, который оставилъ такое сильное впечатлѣніе на Антонѣ Павловичѣ.

II

Въ Мелиховѣ

Отъ станціи Лопасня, Московско-Курской ж. д. до села Мелихово 13 верстъ. Дорога идетъ по равнинѣ, кой-гдѣ переходящей въ возвышенность, встрѣчаются овраги, земля глинистая, въ дожди, вѣрно, распутица полная. Золотится на солнцѣ рожь и застѣнчиво, въ скромной русской своей красотѣ, киваютъ и свѣтятся васильки. Пейзажъ обычный. „И все поля, поля кругомъ"...

Часа черезъ полтора мы у цѣли нашего путешествія. Красныя ворота, широкій дворъ, низкія постройки. Вотъ они и есть „чеховскія владѣнія". Пока нашъ ямщикъ идетъ докладывать теперешнему хозяину Мелихова—барону Стюарту—мы осматриваемся вокругъ. Разстилается лугъ. Влѣво — купа деревьевъ, прямая, какъ ремень, березовая аллея. Это за предѣлами ограды. А тамъ, за воротами,— виденъ садъ, барскій домъ, службы. Съ посланнымъ, принесшимъ намъ разрѣшеніе на осмотръ, входимъ во дворъ. „У меня наивный дворъ"—писалъ о немъ Чеховъ. И правда, что-то ужасно милое, наивное въ этихъ невысокихъ строеніяхъ, конюшняхъ, амбарахъ. По-

*) Въ пьесѣ Чехова „Ивановъ".

ражаетъ изобиліе изгородей, заборовъ, перегородокъ, плетней .. Заливается цѣпной песъ. Кудахчутъ куры. Вотъ и еще одинъ частоколъ. Отворяемъ калитку и входимъ въ садъ. Направо—одноэтажный, съ затѣйливыми окнами домъ, съ большой террасой, крытымъ переходомъ, соединяющимъ главное зданіе съ пристройкой—кухней.

— Домъ остался въ томъ же видѣ, какъ и при Антонѣ Павловичѣ,—поясняетъ нашъ путеводитель.—Только вотъ этого прохода къ кухнѣ при немъ не было.

— А вы Чехова-то хорошо помните?

— А еще бы. Мы съ Антономъ Павловичемъ друзья были. Я и при немъ тутъ служилъ, при имѣніи-то... Прокофіемъ меня зовутъ. Бывало сколько вечеровъ я просидѣлъ съ нимъ. Въ разговорахъ, да толкахъ. Онъ, вѣдь, больше во флигелѣ жилъ, тутъ и писалъ.

Флигель—это тотъ маленькій домикъ въ саду, выстроенный самимъ Чеховымъ, въ которомъ онъ жилъ и работалъ. Здѣсь написана „Чайка".

И флигель сохранился въ неприкосновенномъ видѣ. Только никто теперь не живетъ въ немъ. Мы заглядываемъ въ окна: двѣ небольшихъ комнатки. Въ первой отъ входа была его спаленка, а во второй онъ писалъ.

— Всю ночь бывало сидитъ. Свѣчи жжетъ. Что не спите, Антонъ Павловичъ? А онъ: такъ, ничего, Прокофій, я за ночь два раза водой обольюсь, и ничего...

Ветхій днями, огромный дубъ, „Маврійскій", какъ прозвалъ его Чеховъ. Подъ нимъ скамейка, на ней любилъ сидѣть А. П.

Вся молодая посадка сада сдѣлана имъ. Это онъ вырастилъ сирень, хлопотливо развелъ розарій, разбилъ цвѣтники.

— Все съ цвѣтами возился,—вспоминаетъ Прокофій.

Идемъ къ дому. Навстрѣчу выбѣжали двѣ таксы... Точь въ точь. Хина и Бромъ *).

Это сходство отмѣтилъ и Прокофій. И казалось такимъ естественнымъ, что вотъ сейчасъ выйдетъ и самъ Антонъ Павловичъ и скажетъ, притворно сердясь на собакъ:—„Хотите, подарю пса? Вы не повѣрите, до чего глупая собака!"

Но Чеховъ не выйдетъ... И собаки это не тѣ, и уже въ домѣ не такъ, какъ было когда-то. Изъ вещей А. П. остался здѣсь ма-

*) У А. П. были двѣ любимыя собачки—Хина и Бромъ.

ленькій старый рояль, да письменный столъ, вотъ и все. Остальное вывезено въ Ялту. Впрочемъ, баронесса пояснила намъ, что это имѣніе,—„въ сущности бездоходное"—они сохраняютъ въ неизмѣнномъ видѣ въ память Чехова и ради Маріи Павловны, очень дорожащей этимъ мѣстомъ.

— Вы, Прокофій,—говоритъ госпожа Стюартъ,—покажите имъ на деревнѣ школу, которую выстроилъ Антонъ Павловичъ.

Здѣсь никто при насъ ни разу не сказалъ „Чеховъ", а всегда именно такъ: „Антонъ Павловичъ"—ласково и нѣжно-любовно.

Пока идемъ селомъ, Прокофій все вспоминаетъ свои долгія ночныя бесѣды съ Чеховымъ, передаетъ намъ о его дѣятельности, какъ хозяина, сосѣда и врача. Всѣмъ помогалъ — и деньгами, и лѣкарствами, и лѣченіемъ. И хозяинъ былъ рачительный. Вырылъ колодезь, выкопалъ два пруда. Крестьянамъ пожарный сарай построилъ. А когда въ земствѣ служилъ,—на дороги деньги вносилъ. Три школы открылъ. Одну здѣсь, да двѣ въ Талежѣ и Новоселкахъ. Его очень любили, помнятъ и теперь. Служатъ 2-го іюля панихиды. И онъ любилъ эти мѣста. Все жалѣлъ, что доктора не позволяютъ тутъ жить, на югъ гонятъ. Изъ Ялты писалъ часто, все о Мелиховѣ разспрашивалъ.

Школа выстроена прочно. Зданіе свѣтлое, просторное, удобное. Встрѣтились мы и съ бывшимъ чеховскимъ ученикомъ. Теперь это—сельскій староста, очень моложавый на видъ. Онъ учился два мѣсяца при А. П., отлично его помнитъ. Антонъ Павловичъ чуть не каждый день ходилъ въ классы. Всѣмъ интересовался, разговаривалъ съ учениками,—во все вникалъ. Въ классной виситъ большой портретъ А. П. и его отца Павла Егоровича.

Недалеко отъ школы—церковь. Колокольню для нея выстроилъ Антонъ Павловичъ.

Мы отдыхаемъ на травѣ, а Прокофій и бывшій чеховскій ученикъ предаются воспоминаніямъ.

— А какъ онъ о больныхъ заботился! Заболѣлъ у меня папаша. Приходитъ Антонъ Павловичъ. Осмотрѣлъ и говоритъ:

— Тутъ я одинъ сдѣлать ничего не могу. И ушелъ. Мы думали—не хочетъ. А онъ за 12 верстъ на своихъ лошадяхъ за другимъ докторомъ послалъ, да фельдшера выписалъ. И денегъ не взялъ. Папашу-то они и отходили.

— А сочиненія-то его вы читали?

— Читали, но мало.

Прокофій читалъ Сахалинъ и еще нѣсколько разсказовъ, а старостѣ хорошо запомнился „Злоумышленникъ“.

— А о чемъ это?—заинтересовался Прокофій. Онъ все ловитъ въ разсказахъ отголосокъ тѣхъ бесѣдъ, что велъ онъ съ Чеховымъ, и убѣжденъ, что что-нибудь да попало въ книги изъ его разсказовъ. Вотъ бы только прочесть гдѣ...

— Злоумышленникъ — это про гайку. О томъ, какъ высшіе не понимаютъ низшихъ. Мужичокъ не по злому, а по невѣжеству отвинтилъ гайку, а его въ тюрьму посадили.

И ясно, что живая душа разсказа почувствована и передана точно.

— Ну, а теперь я васъ къ пруду провожу,—говоритъ Прокофій.

Это второй прудъ, вырытый Чеховымъ. Онъ среди молодого сада, у лѣса, въ саженяхъ 200 отъ дворовыхъ строеній. Къ нему ведетъ чудесная березовая аллея. Прудъ затянулся ряской, вода мутная, сѣрая. Давно не чистили. А рыбы въ немъ масса. Все Антонъ Павловичъ развелъ. Вотъ мѣстечко, съ котораго онъ ловилъ карасей.

— Только мало ловилъ-то,—улыбается Прокофій.—„Я, говоритъ, такъ, Прокофій, ради того, чтобы посидѣть, на что мнѣ ихъ ловить-то!“

Молодой садъ разросся буйно. Много цвѣтовъ, густая зелень, тѣнь. Липовая аллея ведетъ къ дому. Это было любимое мѣсто Антона Павловича. Онъ мечталъ тутъ построить домикъ.

— Ему этого очень хотѣлось,—заключаетъ Прокофій.—Здѣсь писать ему было бы отлично — уединенно, людей нѣтъ. Никто не мѣшалъ бы думать. Онъ все ходилъ и думалъ. Все-то онъ думалъ.

Мы собираемъ скромные полевые цвѣты—послѣдній нѣжный привѣтъ Мелихова, освященнаго для насъ чеховскими годами, прожитыми въ этомъ тихомъ и мирномъ мѣстѣ... Но пора ѣхать...

— До свиданія, Прокофій, спасибо.

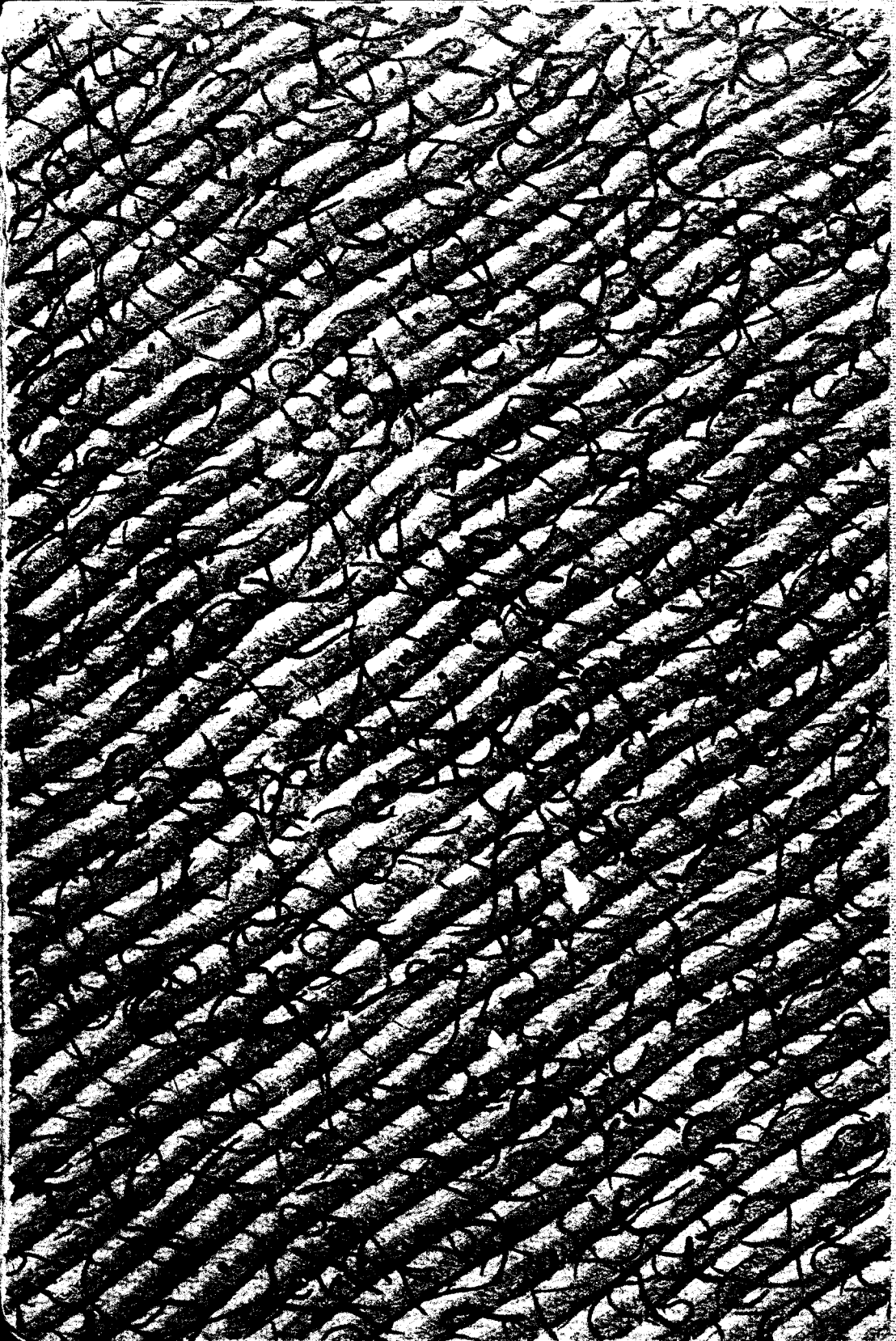
Спасибо за вѣрную и крѣпкую любовь, которой обвѣяны были ваши воспоминанія о Чеховѣ!..

* * *

Мы возвращаемся въ Лопасню. Дорогой перебираемъ въ памяти то, что знаемъ объ этомъ мѣстѣ. Вспоминаемъ, какъ заботила и

тревожила Чехова покупка Мелихова, какъ, свыкшись съ имѣніемъ, полюбилъ Антонъ Павловичъ и этотъ домъ съ затѣями, и этотъ наивный дворъ, и эти тихія аллеи, и русскія дали, раскинувшіяся безкрайно. Онъ владѣлъ Мелиховымъ около десяти лѣтъ. Здѣсь написаны его лучшія вещи. Тутъ во снѣ увидѣлъ онъ чернаго монаха и потомъ разсказалъ о немъ въ повѣсти.

Здѣсь онъ творилъ и осуществлялъ свое призваніе—свою художническую любовь, утверждая въ любви къ людямъ и къ жизни. Онъ скромно и незамѣтно, но благотворно и глубоко вліялъ на людей, и мѣсто, на которомъ прожилъ, оставилъ не въ запустѣньѣ, а украсилъ его. Деревья, имъ посаженныя, говорятъ объ его красивой мечтѣ сдѣлать жизнь цвѣтущимъ садомъ...

И мѣста эти теперь кажутся намъ полными какой-то особой значительности, ибо таятъ они въ себѣ разсказъ о человѣкѣ, который тутъ жилъ, и который былъ такъ дорогъ и нуженъ всей странѣ.

Юрій Соболевъ